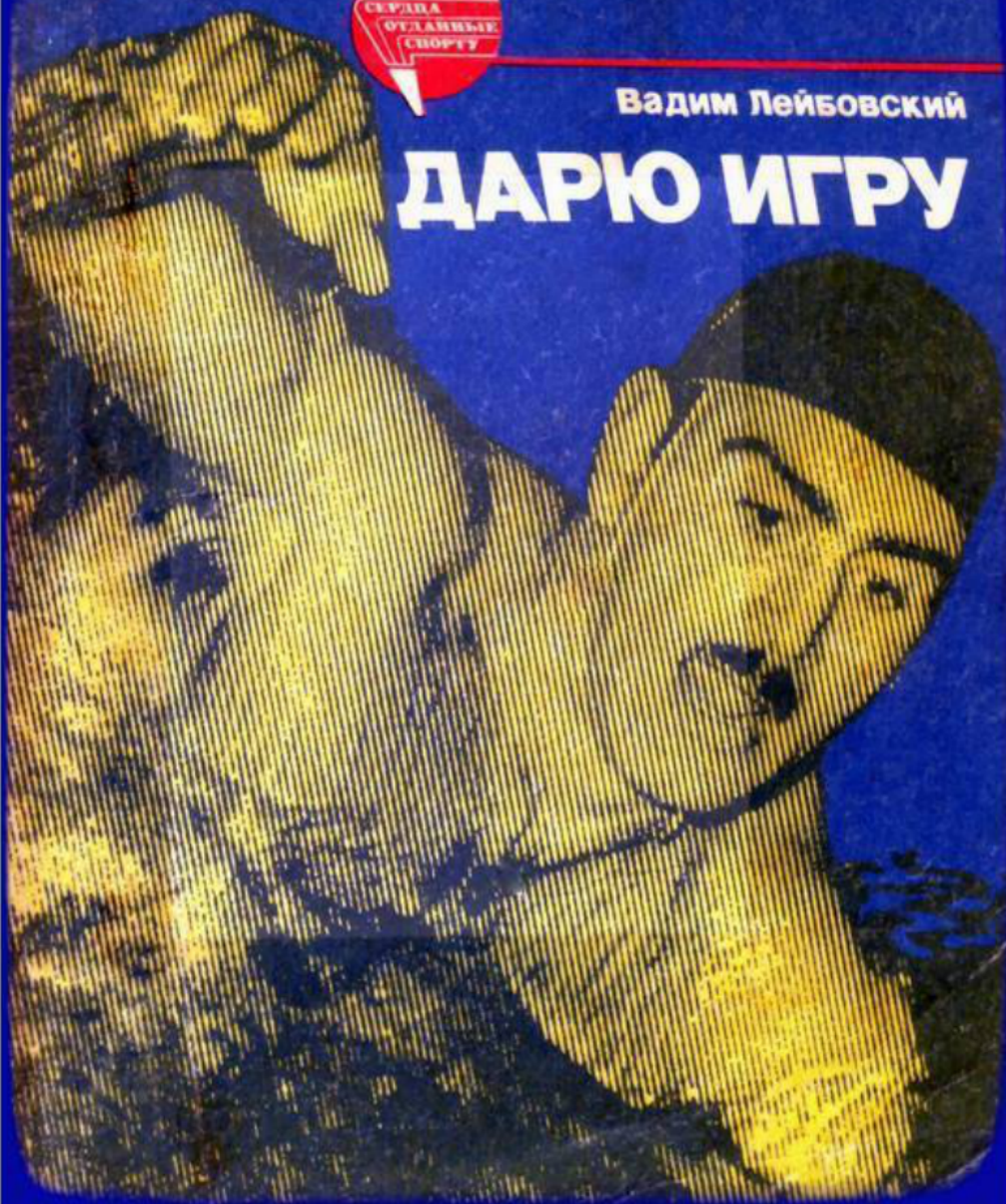
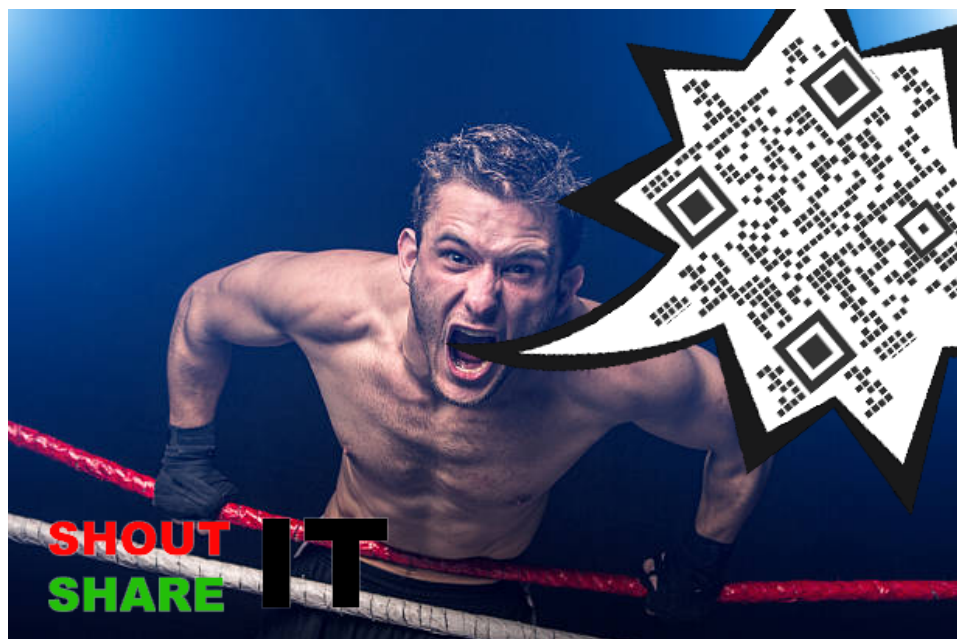

Вадим Лейбовский

ДАРЮ ИГРУ

Annotation

В этой книге рассказывается о знаменитом советском ватерполисте» одном из лучших нападающих мирового водного поло Петре Мшвениерадзе.

Описывая события 40—80-х гг., автор рассказывает о формировании личности своего героя.

По пути Петра Яковлевича Мшвениерадзе пошли и его сыновья — Нугзар и Георгий, ставшие известными, признанными во всем мире ватерполистами.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

- Лейбовский В. В. Дарю игру

- Вступительное слово

- ПРЕДИСЛОВИЕ

- Глава 1 «ПО КУРНОМУ»

- Глава 2 ОБРАЗ ДВИЖЕНИЯ

- Глава 3 НАЙТИ СВОЙ КАМЕНЬ

- Глава 4 ПРОЩАЙ, КАКО!

- Глава 5 ПРИНЦИП АНАЛОГИЙ

- Глава 6 ЕГО КОМАНДА

- Глава 7 ИТАЛЬЯНСКОЕ КАПРИЧЧИО[1]

- Глава 8 «Я УХОЖУ...»

- Глава 9 «...НО МЫ ПРОДОЛЖАЕМ!»

- ПОСЛЕСЛОВИЕ

- ФИНАЛ

- Приложение

- Грузинский Петр Первый водного поло

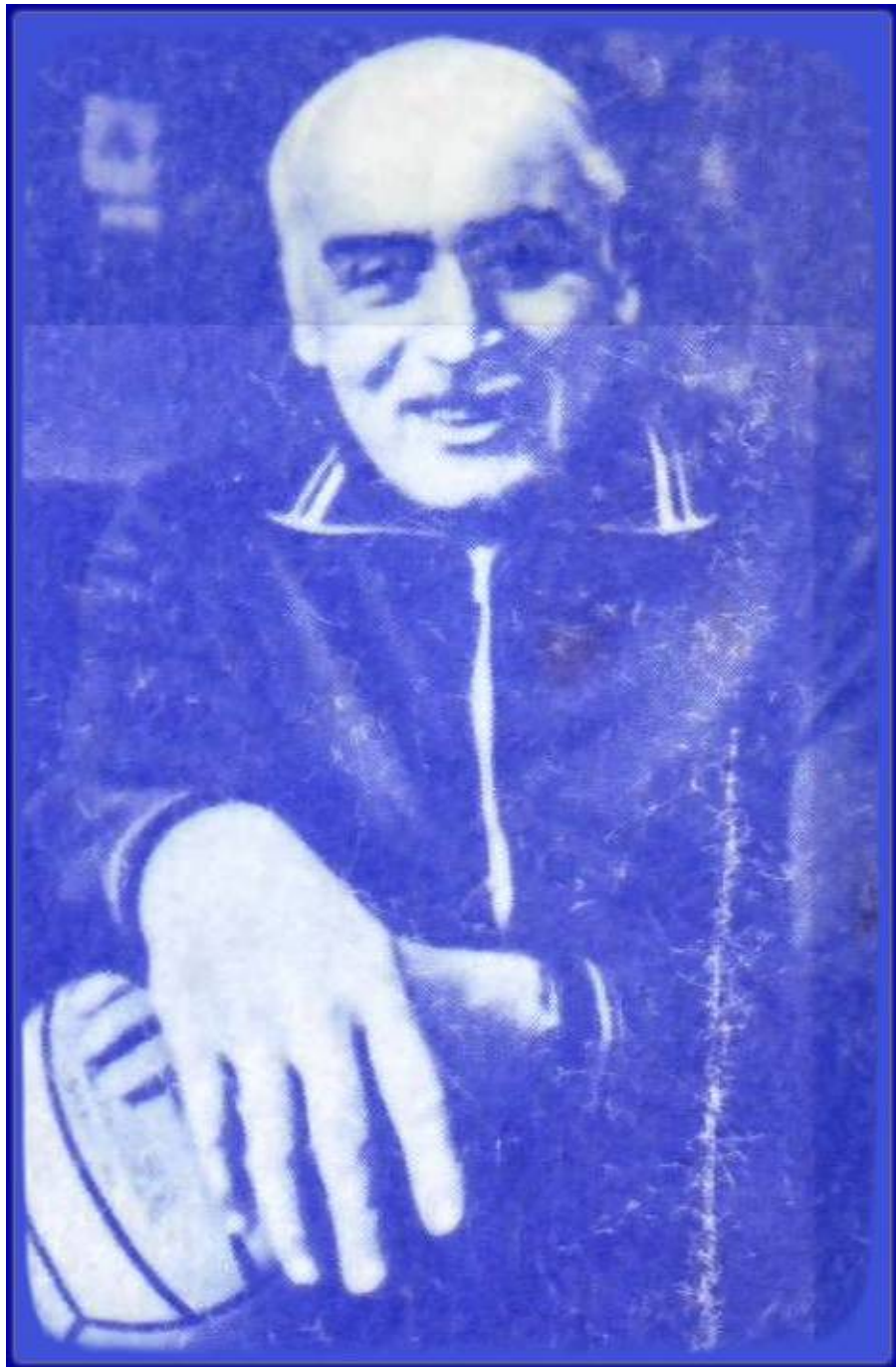
- notes

- 1

- 2

Лейбовский В. В. Дарю игру

*Когда серебряные трубы
возвещают победу, они зовут на
пьедестал не только победителя, они
славят СПОРТ: разум и силу,
мужество и волю, верность, отвагу
и честь; они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту, зовущих
своими делами, своим примером на
жизненный подвиг.*

Петр Мшвениерадзе (1929–2003) — заслуженный мастер спорта СССР, десятикратный чемпион СССР по водному поло. Сборная команда СССР, капитаном которой он был с 1950 по 1960 г.,

стала серебряным (1960) и бронзовым (1956) призером Олимпийских игр, завоевала серебряные и бронзовые медали чемпионатов Европы. Кандидат юридических наук, доцент Академии МВД СССР. Награжден двумя орденами «Знак Почета».

Вступительное слово

Некоторые воспоминания детства навечно остаются в памяти. Бассейн у Куры, первые спортивные друзья по сей день вызывают во мне щемящее чувство доброты и тепла...

Это взрослые порой бросаются годами: разница в три — пять лет, а они считают себя ровесниками. В детстве совсем не так. Како был старше нас, но с каким восхищением, мальчишеской завистью смотрели мы на него. «Он сыграл почти как Како» — услышать такое было самым лестным комплиментом.

Он всегда казался старше своих лет. В детстве выделялся ростом, в юности — шириной плеч, огромной ладонью, в которой терялся даже ватерпольный мяч. Он и поседел раньше всех своих сверстников...

Трудно предугадать, как сложилась бы спортивная биография Петра Яковлевича, останься он в Тбилиси, Но был он фанатом водного поло и мечтал каждый день тренироваться, играть. Тогда в его родном городе такой возможности не было. И он уехал. А как мы ждали его кратковременных визитов домой! Знали, что придет в бассейн и обязательно покажет новый бросок, прием.

Судьба вновь свела нас уже в Москве. Петр Яковлевич, как и в детстве, опекал своих земляков. Мы часто встречались — и каждая встреча с ним обогащала нас, учила мудрости, и терпению, и верности.

Он был безгранично влюблен в водное поло, игра эта была словно придумана для него, ему удавалось все. Но мало кто знал, что за кажущейся легкостью в его игре — изнуряющие тренировки, тысячи бросков, сотни километров. Он всегда был беспощаден к себе — знал, что природный талант сам по себе не засверкает.

Жизнь щедро одарила его друзьями. Они у него были повсюду. И самые разные. Есть и этому объяснение. При всей своей привязанности к водному поло он постоянно искал встречи с интересными людьми, дорожил дружбой с ними.

Долгие годы он был капитаном сборной. Это особый период в его биографии. Да, он умел настраивать и объединять, просить и требовать, доказывать и соглашаться. Быть капитаном сборной — нелегкая ноша. Конечно, как и у каждого, были у Петра Яковлевича и ошибки. Вернуть бы те времена, и я уверен — он не повторил бы их...

Сколько счастья на лице этого человека, когда играют его сыновья. Он всегда был сдержан, хладнокровен, а сейчас порой выдержка изменяет ему, и происходит это, когда Нугзар или

Георгий забрасывают красивый гол. «Отцы всегда хотят видеть свое продолжение в детях, что не удалось мне — сделают сыновья». Часто повторяет эту фразу Петр Яковлевич.

Есть такое поверье: если монета (обязательно копеечная) обращена гербом вверх, то поднявший ее будет счастлив. Не стоит оспаривать эту наивную веру. Я помню, как мальчишками мы бросались к лежащей монете и сколько было восторга, когда она оказывалась счастливой.

...Петр Яковлевич резко остановил меня, нагнулся к лежащей монете, но не поднял ее. «Что? Была решка?» — спросил я, вспомнив поверье. «Да, — ответил он, — а я ее перевернул... Пусть другому она принесет радость».

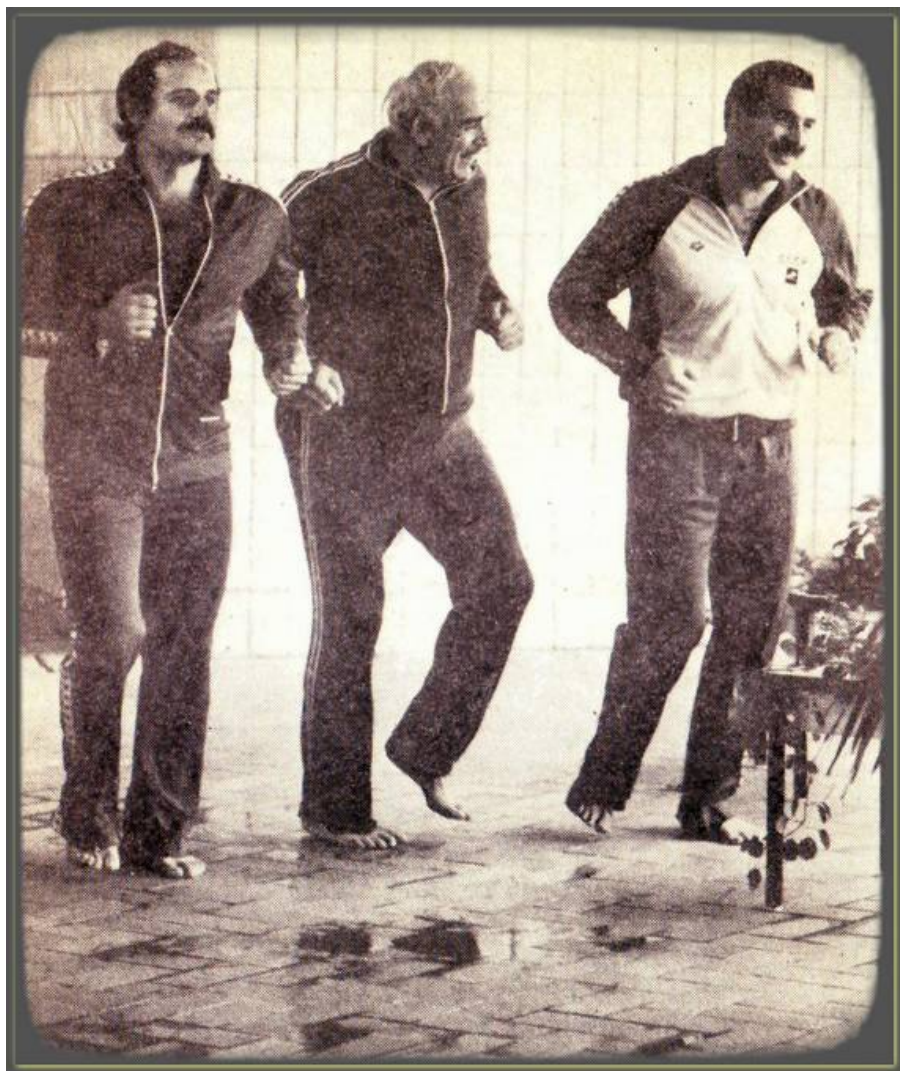
Яркий и добрый след он оставил в водном поло. И повесть о нем — награда за это.

*Владимир Рашмаджан, мастер спорта, судья
международной категории, комментатор
Гостелерадио*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Испытаньем иноходцу
служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный,
если мяч рассчитан строго.*

*Шота Руставели,
«Витязь в тигровой
шкуре»*

Начну книгу, как пьесу, действующие лица которой, главные ее герои, идут вместе с автором по заснеженной декабрьской Москве из бассейна «Олимпийский», что на проспекте Мира, домой, на улицу Чайковского. Идут после очередного игрового дня чемпионата СССР по водному поло. Двое из моих героев, хотя и родные братья, но только что яростно сражались друг против друга под строгим взором главного героя книги, своего отца Петра Яковлевича Мшвениерадзе, заслуженного мастера спорта, в прошлом одного из лучших ватерполистов мира, а ныне доцента кафедры уголовного права Академии МВД СССР. В книге, особенно в первой ее половине, он будет чаще фигурировать под именем Како. Тождественности этих имен я прошу поверить пока на слово, вскоре объясню, в ком и в чем здесь дело.

Младший сын, по паспорту Георгий, также обладает другим и столь же фонетически далеким именем — Наха. Старшего зовут Нугзаром. За отсутствие у него второго имени автор вместе со всей семьей уважаемого полковника Мшвениерадзе приносит свои извинения — так уж вышло.

Итак, мы идем, путь наш недалек, но разговор этот длится уж который год.

Отец. Я всегда считал и считаю, что в команде должен быть бесспорный лидер. Он ведет за собой, вдохновляет своей игрой, на него равняются товарищи, они стремятся достичь его уровня мастерства. Доводы простые и ясные. А ваш старший тренер, при всем моем уважении к нему, был явно не прав, утверждая, что у него должны быть лидерами все, что все должны быть звездами. Так не бывает.

Нет, я не говорил, что именно мой сын должен быть лидером, потому что, мол, мы — Мшвениерадзе. Я просто советовал: «Учите, пестуйте, воспитывайте, выдвигайте лидера. Создавайте для этого условия». Но ваш тренер не соглашался.

Автор. Но ведь вы хотели, чтобы именно Каха стал лидером сборной.

Отец. Нет, я так не говорил... Впрочем, да, хотел... Ну и что? Конечно, хотел.

Каха. Отец не говорил мне: ты должен быть лидером. Он просто учил меня играть. С раннего детства. Много учил. Позже, когда я был уже взрослым игроком, он продолжал оставаться моим домашним тренером, особенно если тренировочные сборы и игры проводились в Москве. Так что у меня преимущество перед моими товарищами по сборной, было больше шансов стать хорошим игроком.

Отец. К тому же ты всегда, с самых юных пор, не в пример маленькому Нугзару, горел игрой, желанием тренироваться и соревноваться.

Нугзар. К своему лидерству Каха шел долго, годами. Он утверждал его игрой.

Автор. Петр Яковлевич, но, мне кажется, вы забыли еще один мотив — честолюбие.

Отец. Нет, не забыл. Без честолюбия не выдвинуться ни в каком виде спорта.

Автор. И вы поощряли это честолюбие?

Отец. Разумеется. Я хотел как лучше для команды. Ну, и для сына, конечно.

Автор. Однако будем уж откровенны до конца: в том было и ваше личное честолюбие?

Отец. Вы меня за горло берете... Ну, какой отец не хочет гордиться своими детьми?

Автор. Вы как игрок сотворили себя самостоятельно. Вы ступили почти на целину. Казалось бы, вам было труднее, чем Нугзару и Георгию. Но, с другой стороны, в их время уже иным стал общий класс ватерполистов. Он поднялся, выровнялся, стало труднее проявлять свою индивидуальность. Так кому же все-таки труднее — вам или им?

Отец. Это не простой вопрос. Учтите еще и то, что в водном поло в мои времена нападение было явно сильнее защиты. И не только в водном поло. Возьмем футбол. Вспомните имена великих игроков. Много ль среди них защитников? Почти все — нападающие. Почему?

Да потому что цель игры, самое прекрасное в ней — гол, а его исполнитель — герой и главное действующее лицо в игре.

Автор. Значит, вы против универсализации игроков, чего требуют многие тренеры?

Отец. Категорически против. Когда я, чтобы повысить свою мобильность в игре, поднять общую выносливость, начинал по требованию тренеров чрезмерно заниматься плавательной подготовкой, то становился менее опасен на острие атаки, хуже импровизировал, меньше забивал. Нужно развивать главным образом специфические достоинства игрока, а не поднимать его мастерство по всем параметрам. Кстати, великий Пеле говорил, что 70 процентов времени он уделяет работе над совершенствованием своих достоинств и 30 — исправлению недостатков. Это правильно. У Кахи преимущество в игре на острие атаки, богатая и разнообразная техника удара по воротам. Сказалась моя школа обучения.

Нугзар. Но игроки твоего поколения сами создавали игру, ее

приемы, тактические построения.

Отец. Лучшие ватерполисты так или иначе выдвигались в нападающие. Поэтому игра была острее, зрелищнее, эффектнее. Сейчас защита подтянулась. И технически, и тактически. Нападающим стало труднее. Опять же не только в водном поло. Знаменитый прием Всеволода Боброва, забивавшего шайбу с тыла, из-за ворот, сейчас кому-то удастся лишь случайно. Он вызывает даже улыбку.

Автор. Значит, ваша, Петр Яковлевич, команда наверняка проиграла бы нынешней сборной?

Нугзар. По-моему, вопрос поставлен не корректно. В спорте нельзя класть на разные чаши весов даже, казалось бы, сопоставимое: скорости Джесси Оуэнса и Валерия Борзова. Иными стали беговые дорожки, техника старта, методы подготовки спринтеров. Что касается нашего вида спорта, то сейчас, к примеру, изготавливают такие мячи, которые отцу и не снились: сами к рукам прилипают. Стало быть — другие технические приемы.

Каха. Но уверен, что родился отец лет на тридцать попозже, он стал бы бесспорным лидером нашей сборной.

Отец. Спасибо, дети мои, не дали в обиду старика. Хочу еще добавить: нынешняя трактовка правил игры такова, что «граница необходимой обороны», говоря языком юристов, как бы сдвинулась в пользу обороняющейся стороны. В этом отношении моим сыновьям опять же труднее, чем было мне.

Нугзар. Хотя играли против тебя очень жестко, часто даже грубо.

Каха. Сейчас таких умельцев стало еще больше.

Отец. Да, лидеру команды трудно. И условия для него нужно создавать всей командой. Вот в этом вопросе у меня и были разногласия с тренерами сборной, где играл Нугзар и сейчас играет Каха.

Автор. Однако вот уже много лет наша сборная не проигрывает практически ни одного крупного турнира.

Отец. Это, конечно, довод, но не самый последний. Ключи к нашей тактике соперники рано или поздно подбирают. Примером тому может служить европейский чемпионат восемьдесят пятого года, когда югославы, сумев нейтрализовать двумя игроками Каху, свели вничью матч с нашей командой.

Нугзар. Все-таки советская сборная сильнее. И прежде всего игроками, личностями.

Каха. Я играю, так же как и отец, выдвинутым вперед центральным нападающим. Соперники стараются делать все, чтобы просто не дать мне играть. Один из них блокирует меня

спереди, другой сзади. Правда, за счет этого у нас освобождается другой игрок, но признаюсь: мне часто просто неинтересно играть.

Отец. Мои же партнеры не давали сопернику меня нейтрализовать. Они создавали мне условия, чтобы я мог проявить свои лучшие качества.

Автор. Игра стала более рациональной, вязкой. Вы согласны с этим?

Отец. Пожалуй. И не только в водном поло. Поввысилось общее мастерство игроков. Труднее стало проявлять индивидуальность. Почти исчезли выдающиеся игроки.

И все же верю, что это не навсегда. За отливом всегда следует прилив. Иначе быть не может.

Глава 1 «ПО КУРНОМУ»

— Как назовем мальчика? — спросил жену Яков Бичиевич сразу же как привез ее из роддома.

— Ты мужчина, ты и решай, — отвечала Надежда Семеновна. — Когда мне его в первый раз принесли кормить, я сказала: мой Како. Сама не знаю, почему так сказала. Так с тех пор к нему и обращаюсь: мой красавец Како, мой головастик Како, мой богатырь Како. Это имя — для меня. Если хочешь — для тебя тоже. Но я не настаиваю. Мальчику нужно красивое взрослое имя. А то вдруг он станет знаменитым? Нет, с именем Како в знаменитые не примут. Нужно дать солидное имя, мужественное. Он же будет у нас сильный и мужественный, правда, Яков?

— Еще бы, такой здоровяк. Но если ты разрешаешь мне дать сыну имя, то я уже все обдумал. Назовем его Петр. Петр Яковлевич Мшвениерадзе. Нравится?

— Да, очень нравится.

— Ну, вот и хорошо. А Како пусть так и останется его маленьким домашним именем.

Знали бы мать и отец, что так и пошагает сын по всей жизни о двух именах. Сквозь детство и юношество пронесет их, в зрелость вступит, двоих сыновей вырастит, знаменитым станет. Забелеет да рано на убыль пойдет чуб, примятый каракулевой полковничьей папахой. Но так и останется Петр Яковлевич для многих, как в детстве, просто Како. И не будем тому удивляться. Друзей детства и юношества у нашего героя так много, как дай бог каждому.

В 1937 году, когда Како было восемь лет, умер отец, инженер-строитель железнодорожных путей. Закончили они тогда четырехкилометровый участок в районе Келассури, что близ Сухуми, и Яков Бичиевич поздним вечером под ледяным дождем и при шквалистом ветре пошел по шпалам проверять дорогу — не усидел, такой был человек. Вернулся в гостиницу насквозь мокрый, продрогший. В комнате было холодно, дров не оказалось, так и лег спать. Вскоре у него поднялся жар, который к утру усилился, и чувствовал себя Яков Бичиевич совсем никуда. Однако дела звали, и он вновь отправился на участок. Вернулся, слег и больше уже не встал. Приехал врач, осмотрел и тут же велел отправлять в больницу — оказалось крупозное воспаление легких. Через четыре дня Яков Бичиевич умер.

Надежда Семеновна заведовала тогда детским садом. Кроме

младшего Како, были у нее дочь и еще один сын. Двадцатилетняя Дареджан окончила к тому времени строительный техникум и первый год работала. Девятнадцатилетний сын Борис только-только поступил в Тбилисский театральный институт. Он оказался очень способным. На третьем курсе уже играл в Театре имени Марджанишвили. Но стать актером ему не пришлось. Закончив институт, в 1941 году он сразу ушел на фронт. А спустя год Надежда Семеновна получила с Калининского фронта похоронку...

С самого рождения, с первых недель и месяцев, Како Мшвениерадзе выглядел старше своего возраста. К восьми годам он был высок и худ. Но и широк в плечах.

До смерти отца семья Мшвениерадзе жила на проспекте Плеханова, почти в самом центре Тбилиси. Городские кварталы ярусами взбираются на склоны гор и холмов, теснятся у скальных обрывов ущелий, раскидываются на узких приречных полосках земли. Стиснутый каменными ладонями гор, Тбилиси вытянут вдоль Куры, и потому продольные его улицы длинные, а поперечные — короткие и крутые, нередко они оканчиваются ступенями лестниц.

Трехкилометровый проспект Плеханова (прежде Михайловский) — одна из главных улиц левобережной части города. В ближайшей округе жили в основном русские и армяне, и потому в те годы Како по-русски изъяснялся гораздо лучше, чем по-грузински. В семье говорили и по-русски, и по-грузински — Надежда Семеновна в свое время окончила Кутаисскую женскую русскую гимназию, Яков Бичиевич учился в институте, где тоже читали лекции на русском.

Когда же пришло время записывать маленького Како в школу, сестра Дареджан, взявшаяся за это, растерялась.

— Что мне с тобой делать? — сокрушалась она. — В какую школу отдавать — в русскую или грузинскую?

— Я думаю, нужно в грузинскую, — рассудительно ответил брат.

— Но ведь ты плохо знаешь свой родной язык!

— Именно поэтому, Дареджан, и нужно, чтобы я учился в грузинской школе. Я хочу хорошо знать свой родной язык.

...В 1967 году, когда придет черед отдавать в школу младшего сына Петра Яковлевича, будущего олимпийского чемпиона и победителя мирового первенства по водному поло Георгия Мшвениерадзе, его родители вот уже семнадцатый год будут жителями города Москвы, где, как известно, грузинских школ нет. И тогда папа и мама Георгия (или Кахи — как вам будет угодно) спохватятся и станут ради него спешно внедрять

русский язык в семейный быт...

В первые две недели Како являлся из школы домой мрачный, потерянный и, усевшись за уроки, и час, и два полными слез глазами смотрел, не шевелясь, на чистый лист бумаги.

А потом семья переехала на улицу Камо, где у Како появилась новая языковая среда. Проблема отпала сама собой.

Улица Камо пролегает недалеко от проспекта Плеханова, параллельно ему, ближе к Куре. Тем самым судьба многозначительно приблизила Како к той физической среде, что стала для него естественной средой обитания на долгие годы.

А какие дома окружают дом 68! Сама история! Совсем рядом, на улице Чхеидзе, в здании бывшего реального училища учился один из руководителей борьбы за Советскую власть в Закавказье, член ВЦИКа Степан Шаумян. Напротив дома 68 — здание бывшего учительского института, студентом которого был другой выдающийся революционер, тоже один из 26 бакинских комиссаров — Прокопий (Алеша) Джапаридзе. В следующем квартале, в доме 71 жил Камо. Здесь же неподалеку, у Верийского моста, он погиб под колесами случайного автомобиля.

В давние годы царского режима были разработаны «типовые» проекты тбилисских домов для разных слоев населения, различавшиеся по масштабу постройки, богатству внешней и внутренней отделки. В результате сложился своеобразный тип тбилисского жилого дома. Национальная архитектура опиралась в нем на многовековую традицию. Непременной принадлежностью любого тбилисского дома, одним из главных помещений и средоточием жизни являлись балконы — большие, на весь этаж (и на все этажи), обращенные во внутренний двор. Поэт Яков Полонский назвал Тбилиси многобалконным городом.

У семьи Мшвениерадзе была всего одна комната на втором этаже и, разумеется, свой балкон. С балконов хозяйки приглядывали за детьми, обменивались новостями, кулинарными советами. Сам же дом 68, а потому и двор были на этот раз грузинскими. Здесь Како прожил двенадцать лет. Давно-предавно уехала отсюда семья Мшвениерадзе, а соседи помнят: вот их балкон... вот здесь Како, когда стал заниматься в бассейне, установил... такую железную палку... турник, кажется, называется... вот здесь кольца повесил, подтягивался на них... Здесь он с ребятами играл в лахты. Что такое лахты? Да кто же этого не знает?

На земле чертится круг, в который кладут четыре ремня — можно из своих брюк, если не боишься за них. Игроки одной команды стоят внутри круга, каждый возле своего ремня, другие — снаружи, напротив соперников. «Раз, два, три — начали!»

Защитишь свой ремень или позволишь отнять его? Лучше не давай, иначе достанется тебе этим ремнем. И доставалось. Всем доставалось. Потому что защитить труднее, чем отнять.

Если надоедало в лахты, начинали игру в мргвали. Четверо игроков стоят наклонившись друг к другу и крепко обнявшись. Пятый — капитан. Он должен защитить свою команду от посягательств пятерки противника, которая норовит полным составом влезть на спины четверки. Кто кого переловчит? Только пыль столбом, да ворчание мам с балконов.

Кто-нибудь доставал из кармана баранью лодыжку — кочи. И начиналась новая игра. «Кочи, кочи, какой стороной ты упадешь, чтоб я забрал весь кон из орехов? Что ждет меня — тохан или алчу? Если выпадет алчу, моя взяла. Ах какая жалость — опять тохан! Может быть, в следующий раз повезет?.. Вот наконец и алчу... Мои орехи».

С самых первых детских игр уверовал Како в свою алчу. Эта затаенная вера в удачу прошла с ним сквозь все годы последующей жизни. Даже когда фортуна совсем было отворачивалась, он все равно продолжал верить. Правда, всегда знал, что на эту веру нужно работать изо всех сил.

Вот они вместе с Ревазом, Вахтангом, Гиви и Мамия усадились за «тихую игру» в кости-кубики. На каждой грани кубика — от одной до шести точек. Четыре кубика зажаты в кулаке, каждый участник бросает по разу — кто больше очков наберет? Кажется, что здесь зависит от умения? Ничего. Все решает только удача.

Первым бросает Гиви: $4 + 3 + 2 + 6 = 15$. Потом Реваз: $4 + 6 + 6 + 5 = 21$. Вахтанг набирает 20. Мамия выбрасывает одну пятерку и три шестерки — 23!

Очередь Како. Но тут выходит на балкон Надежда Семеновна.

— Хватит играть, Како, иди обедать. Все уже на столе.

— Сейчас иду, мамочка. Вот только четыре шестерки выброшу.

Он простер руку с зажатым кулаком и таинственно оглядел ребят.

— Не верите? Сейчас будут четыре шестерки.

— Не выбросишь. Так не бывает.

И выбросил четыре шестерки. Это не фантазия автора. Это, как говорится, исторический факт, который по сей день помнят и Реваз Липартелиани, и Вахтанг Чарбадзе, и Гиви Дзагания, и Мамия Сихарулидзе.

Но особенно трудно было состязаться с ним «рука на руку» — кто кого перегнет. Правда, сам он демонстрировать свою силу не любил — ребята подбивали:

— Знаешь, Како, к тетушке Этери приехал из Кутаиси

племянник. Гоги зовут. Говорит, что всех в своем городе кладет запросто — и правой и левой. Покажи, Како, этому Гоги, что такое настоящая сила.

— Зачем? Не хочу.

— Как зачем? Пусть не зазнается. Покажи ему.

— Да пускай себе зазнается.

— Нет, пусть не зазнается, — обступили Како уже все ребята, — покажи ему. Очень тебя просим.

— Ну хорошо, зовите его.

— Тетушка Этери! Гоги уже покушал? Хорошо покушал? Скажите Гоги, чтоб выходил во двор. Како хочет Гоги руку пожать.

Весть о том, что самый сильный парень из Кутаиси сейчас будет бороться с Како, мгновенно стала достоянием всего двора. На все балконы высыпали болельщики — от старых до малых.

Племянник тетушки Этери оказался действительно крепким орешком, и прошло, наверное, минуты три, прежде чем кулак Гоги коснулся стола. Поверженный кумир из Кутаиси был явно озадачен.

— Еще, — мрачно потребовал он.

— Давай, — улыбнулся Како.

И на этот раз победил Како. Однако Гоги опять не был удовлетворен.

— Давай теперь проверим твою левую. Сейчас увидишь!

Не знал Гоги, что левая рука его соперника была лишь самую малость слабее правой. В то время и сам Како еще не знал, что это редкое качество пригодится ему позже в другой игре — водном поло. Через много лет о Петре Мшвениерадзе будут написаны такие строки:

За ним охотились всегда,
И закипала там вода,
От пота становилась солоней.
А он взлетал и мигом, вдруг
Бил, как хотел — с обеих рук.
И в мире его не было сильней.

Положив Гоги — опять же дважды — левой рукой и глядя на его красное от стыда лицо, Како почувствовал неловкость:

— Слушай, Гоги, ну какая разница, кто кого положит? Сегодня я тебя, завтра ты меня. Сегодня я в форме, завтра ты в форме. Ты же видел, я еле-еле у тебя выигрывал. А в общем, знаешь, как русские говорят: «Сила есть — ума не надо». Давай лучше в шахматы сыграем.

Но Гоги, видимо оценив обстановку и решив, что у Како кроме силы имеется и кое-что другое и что нового поражения ему в этот день уже не перенести, ответил:

— Хорошо. Завтра сыграем.

Но назавтра во дворе его уже не было. И, судя по всему, в Тбилиси тоже. Может быть, ему стало известно, как Како играет в шахматы.

Лет через пятнадцать, уже взрослым человеком, Петр Мшвениерадзе окажется однажды участником принципиального пари. И тоже не по своей воле. В Белградском аэропорту сборная команда советских ватерполистов дожидалась рейса в Москву. Вместе со спортсменами в зале ожидания коротал время киноактер, народный артист СССР Сергей Лукьянов, человек знаменитой физической силы. И кто-то из его друзей шепнул Гиви Чикваная: «Сережа кладет рукой всех, даже штангистов. Ни одному спортсмену не проиграл». Гиви же заспорил: «Мшвениерадзе у него выиграет». И заключили они пари, о котором поначалу ни Лукьянов, ни Мшвениерадзе не знали. Ну а когда узнали, отступать уже было некуда. И снова победа осталась на стороне Петра.

Есть ли на свете человек, не помнящий, как и когда он научился плавать? В памяти иногда не остаются первые метры езды на двухколесном велосипеде, первое написанное собственной рукой слово. Но то захватывающее дух ощущение безопорности, подвешенности и вместе с тем упоения, которое испытывает человек, сумевший наконец сам совершить первые движения на воде, — незабываемо. Это, быть может, как первый в жизни поцелуй.

Течет по Тбилиси река Кура. Тысячи горных речек и ручейков, образовавшихся от таяния льдов и снегов, полнят ее воды, дают красавице реке силу. Но и холодны эти воды как бы ни было жарко в городе. От двора, где живет Како, до Куры — рукой подать. Выйти из дому, обогнуть пивоваренный заводик, спуститься по маленькой кривоколенной улочке Чхеидзе к берегу — кажется, и трех минут не займет. Но тринадцатилетний Како не умеет плавать. Ему еще только предстоит научиться. И не в Куре, а в чане с водой.

Да, именно в чане с водой — огромном, глубоком, что стоял во дворе пивоваренного завода то ли на случай пожара, то ли для охлаждения пива, но уж, конечно, не для купания администрации, рабочих или детей среднего школьного возраста. И вода в чане была, наверное, даже холоднее, чем в Куре

Но что значит холодная вода, если за плечами уже целых

тринадцать лет жизни, а ты еще не умеешь плавать. «Ах какой стыд всем нам!» — говорили Вахтанг, и Гиви, и Резо, и Мамия. «Какой стыд!» — думал Како. И вправду, такой высокий, и грудь как у Тариела, и на верхней губе уже темнеет пушок. Но где научиться? В Куре? Кто ж рискнет? Только окунулся, а Кура уже подхватила и понесла. Не успел и двух раз вдохнуть, как скрылся из глаз Метехский замок. В третий раз вдохнул — и ты уже в Евлаге, в четвертый — и в Каспийском море можно оказаться. Нет уж, пусть Како в чане учится.

— Ну что, Како, ты еще не научился?

— Как не научился? Давно научился. Я научился, когда ты еще ростом был с твою собачку. Я научился, когда тебя мама с ложечки кормила...

— Шутишь, Како. Зачем так шутишь? Ты еще в воскресенье не умел плавать. Я сам видел, как ты залез в эту бочку и все боялся оторваться от края. Весь синий-синий был.

— Ну да, синий. Конечно, синий. Потому что очень устал — так наплавался.

— Ах, наплавался? Пошли, ребята, он нам сейчас покажет, как наплавался. Он сейчас переплывет эту бочку.

— Пошли, пошли, — отвечал Како. — Конечно, переплыву. Туда и обратно переплыву, вот увидите.

Подошли к чану. Како разделся, поднялся по лесенке и влез в него, судорожно уцепившись за край, но стараясь не подать виду, что холодно. Ой как холодно! Так холодно, что даже вдохнуть трудно.

Знали б ребята, что еще вчера он, наверное, в сотый раз тайком ото всех пытался оторваться от края. И наконец, о чудо, ты свершилось! Он проплыл чуть-чуть, но тут же вернулся и вцепился в металлическую стенку. Чуть передохнул и снова оторвался, но теперь отплыл уже подальше — может быть, на целый метр. Долго переводил дух, прежде чем снова ринуться в бой, понимая, как важно закрепить эту победу. И вновь ринулся, бешено колотя руками и ногами. Он подплыл уже к середине чана, сам удивляясь своей смелости и пугаясь ее. Он уже не чувствовал обжигающего холода, не слышал бешеного стука собственного сердца. Он вообще ничего не чувствовал, а лишь бил и бил по воде, высоко задирая подбородок и судорожно глотая вместе с воздухом ледяную воду. Он плыл. Это была его первая победа на воде.

Теперь ему предстояло проплыть в чане не просто от края до края, как в предыдущий день, а туда и обратно без остановки, вдвое превысив личное достижение. Однако уже ни тени сомнения в себе пловец не чувствовал.

— Ну что, ты готов?

— Конечно, готов. Смешно просто!

— Смотрите, ребята, он поплыл. Ай да Како... и правда, плывет! Давай, Како, давай. Еще немножко, и будешь молодец, совсем герой. Ура, Како, уже совсем герой!

Добравшись до финиша, Како действительно был синим. Чтобы никто не заметил, как он замерз и устал, он старался дышать ровно и редко. Но не получалось. Его все сильнее и сильнее била дрожь, он непроизвольно глотал и глотал воздух. Потом ему не раз придется играть матчи в ледяной воде. Но все же так трудно уж вряд ли когда будет. Такова бывает цена первой победы над собой.

...Ватерпольный турнир в бельгийском городе Генте проводился по программе крупной международной выставки. И соревнования были достаточно представительными.

Сборная команда СССР отправилась в Бельгию с хорошим настроением: все здоровы, коллектив в отличной форме, а ожидание игры с сильными соперниками только разжигало азарт. Однако вряд ли кто-нибудь мог предвидеть, что воодушевление будет охлаждено... водой.

Игры проводились в открытом бассейне, а низший предел температуры воды правилами не оговорен. Нагрянувший на Европу холодный циклон остудил воздух до десяти градусов, а воду — до двенадцати.

Два тайма чистого игрового времени, плюс минут семь на паузы, плюс двухминутный перерыв между таймами, который и вовсе превращался в нестерпимую пытку. Выходить на это время из воды не было никакого смысла, а отдыхать плавая — тоже не резон: какой же это отдых?

Первый соперник был легким — сборная Польши. Однако еще до начала игры благодушное настроение команды съезжилось — все поняли, что температура может сегодня уравнивать шансы и все решит просто «хладостойкость». Известно ведь, что даже самые сильные машины и конструкции в условиях особо низких температур неожиданно меняют свои свойства, теряют достоинства.

В конце первого тайма при счете 1:0 в пользу сборной СССР судорогой свело ноги Владимиру Семенову. Тихо и спокойно он сказал: «Ребята, я тону» — и скрылся под водой. За ним дружно нырнула вся команда, и вскоре Семенова отбуксировали к бортику бассейна, где его уже ждал врач.

По существовавшим тогда правилам заменять игрока разрешалось только в исключительных обстоятельствах. Однако

судья матча квалифицировал случившееся по-другому, и потому советская команда продолжила игру вшестером.

Пока собрались да перестроились, пропустили гол — и счет сравнялся. Нужно было играть, а руки мяч не держали. Трясло всех — и наших игроков, и поляков. Со стороны трудно было поверить в то, что играют асы, и вообще все это мало походило на водное поло.

И все же наши ватерполисты атаковали. Пусть некомбинационно и даже бессистемно, но шли вперед. На одной силе воли. И забили шесть мячей (из них три — капитан команды Петр Мшвениерадзе). Из бассейна кое-как доковыляли до ванн. А в горячей воде всех была такая дрожь, что у ванн шатались ножки.

— Что будем делать, Петя? — спросили ребята. — Завтра играть с югославами.

— Завтра будет легче, потому что мы теперь закаленные, — отшутился капитан. — К тому же югославы — народ более южный, чем мы, значит, им будет труднее.

Не мог, конечно, капитан, знать, что югославские ватерполисты привезли на соревнования ставшую вскоре широко известной согревающую мазь «Слонс», а это сразу поставило их в совершенно иные условия. Нашим же спортсменам приходилось рассчитывать только на собственную мышечную энергию, без всякой теплоизоляции.

Наши ребята, преодолевая дрожь и судороги, с посиневшими руками и лицами отважно сражались с превосходящими силами противника. Но если скрипачу сделать анестезирующий укол в кисть, он вряд ли удержит даже смычок. Наши проиграли, а Мшвениерадзе всего лишь забил свой гол.

Этот турнир был отнюдь не самым ответственным в спортивной жизни Мшвениерадзе. Он вполне мог стереться в памяти. Однако и рядовые события по какой-то причине иногда не забываются...

Уже на следующий день после заплыва в чане Како отважился на штурм новой вершины. В ту пору на Куре, как раз напротив дома, где он жил, был небольшой островок. От берега недалеко — камень добросить нетрудно. А чтобы переправиться на него, надо сначала до середины протоки идти вброд, а потом немного проплыть, пока снова не ощутишь под ногами твердь. Задачу осложняло течение: нужно успеть проскочить, чтобы не унесло. Дело нехитрое, если умеешь плавать. Како смело поплыл на остров. И доплыл. И сам удивился, как легко получилось.

Говорят, хорошо на острове ловится цоцхали — знаменитая «курная» рыба. Да, да, весь город так говорит: «курная» рыба,

«курная» вода. Плавать «по-курному» — значит двигаться в воде неторопливо, степенно, не поднимая брызг. Жалко, что никто из друзей пока так плавать не умеет. А таких слов, как «басс», «кроль», «баттерфляй» никому из них, в том числе и Како Мшвениерадзе, пока вообще не доводилось слышать.

Ночь над городом. Ребята перебрались на остров с вечера. Каждый кроме снастей и приманки принес из дому подстилку — время течет медленно, можно и подремать. Взяли хлеба, а Како захватил и любимую всеми вареную картошку. Костер они не разжигали — нечем, да и незачем — и так теплы летние ночи в Тбилиси.

Спят Резо, Мамия, Вахтанг. Рядом с Како, лицом к нему, лежит Гиви. Вдруг откроет глаза, удивленно взглянет на Како и снова задремлет. Како не спит. Смотрит на чуть посветлевшее небо, на гору Мтацминду, над которой сегодня как-то особенно много звезд. А может быть, так всегда, просто он их не замечал.

Не спит Како. Слушает реку. А Кура сегодня будто чем-то встревожена. Кажется, волны несутся быстрее, чем обычно, словно о чем-то предупреждая. Присел Како, прислушался. И различил какой-то нарастающий, но пока еще далекий гул.

И в этот момент он вспомнил! Кто-то говорил вчера, что собираются открыть шлюзы на ГЭС — для очистки их от ила. А если так, то по реке пойдет большая волна. Такая, что сразу затопит остров и смое с него все и всех. «Если это и произойдет, то только ночью, когда на реке никого нет», — думал Како. Никто из ребят не знал, что еще с вечера об этом объявили по радио.

Рокот все нарастал, и сомнений уже быть не могло — шлюз открыли. Како тронул за плечо Гиви:

— Нужно поднимать ребят и быстро уходить на берег.

Осторожно, чтобы избежать паники, разбудили остальных.

А когда они вышли на берег и обернулись, острова уже не было. Бурные воды реки неслись над тем местом, где совсем недавно спали друзья.

— Куда мы теперь пойдем? — спросил Мамия — Ведь еще так далеко до утра.

— Пойдем ко мне, — ответил Како. — Я думаю, что мама проснулась, она все всегда чувствует. Пойдем, пойдем, обсушимся и поспим немного.

Когда они поднимались по улице Чхеидзе, навстречу уже бежала Надежда Семеновна. Она с вечера, увы, тоже ничего не слышала про открытие шлюзов, но какое-то беспокойство не давало ей уснуть, выгнало на улицу.

— Ну, слава богу, все мои рыбаки на месте, пойдемте скорее.

Мама быстро почистила картошку, порезала хлеб, разлила

молоко по стаканам, постелила ребятам на полу.

А утром, как всегда, она помыла им головы. Это были ее дети: шумливые, непослушные, веселые. Но такие родные! И ругала она их, и ласкала так же, как и своего. Они так любили, когда мама Надя мыла им головы, которые в описываемую эпоху вряд ли были отягощены более серьезными проблемами, чем несостоявшаяся рыбалка или предстоящая вечером очередная, «календарная» футбольная игра с соседним двором. Никто, конечно, не мог предвидеть, что Мамия Сихарулидзе станет главным врачом республиканской больницы, Реваз Липартелиани — доцентом Тбилисского политехнического института, Гиви Дзагания — прокурором, а Вахтанг Чарбадзе — главным товароведом треста ресторанов города Тбилиси.

После той неудавшейся рыбалки ни сам Како, ни его друзья уже не сомневались, что плавать он умеет. Однако мальчишеское самолюбие не позволяло довольствоваться достигнутым, и он жаждал новой ступени совершенствования и самоутверждения. Ступень эта — противоположный берег.

До сих пор Како перебирался туда на пароме или по Верийскому мосту. Но за паром нужно платить, а до моста еще надо пройти. Да и какой в этом интерес, если есть третий путь. Вернее, пока его нет, но как хочется его открыть!

И еще одну дерзкую мысль берет Како с собой на тот берег: поплавать в бассейне, что на той стороне у самого берега. Но бассейн обнесен забором, и туда, наверное, не всех пускают. А потому попасть в него особенно интересно. Поплавать самому и посмотреть, как плавают настоящие спортсмены.

Течение сразу же схватило его в охапку и понесло, но он, зная это, вошел в воду с запасом, много выше по реке, и в результате выбрался на противоположный берег как раз у бассейна. Даже сам удивился, как легко все получилось, ничуть не устал. Ну а теперь — в бассейн. Вот только этот забор. Может быть, найдется какая-нибудь лазейка? Нет, дырки, кажется, нет. Придется перелезть.

— Эй, мальчик, ну-ка слезай и иди сюда, — раздался справа чей-то голос, не суливший, кажется, ничего хорошего. Како поднял глаза и увидел сухощавого человека невысокого роста, с лицом строгим, а потому и неприятным. Во всяком случае, таким оно тогда показалось Како. — Ты что собираешься делать?

Так в наше повествование вошел Лука Александрович Иоакимиди — всерьез и надолго, как вошел он в жизнь Петра Мшвениерадзе, будущего знаменитого игрока в водное поло.

Допускаю, что в руках другого педагога он стал бы не менее выдающимся спортсменом — при таких-то данных! Однако

вспомним, сколь щедро была природа ко многим иным, кого белый свет так никогда и не узнал, как ни были велики их мечты и старания. Что-то помешало, где-то попался на пути сучок, соринка, песчинка, масляное пятнышко, — и разом перечеркнулось все. Расчистить метлой бы этот путь да протереть чистой тряпкой. Если бы! Да и зачем? По счастью, Лука Иоакимиди понимал, что дело в другом. Его заслугу я вижу прежде всего в том, что вселял он в учеников высокий настрой духа.

Тогда, в сорок третьем, Луке Александровичу исполняюсь 34 года и сам он был еще действующим спортсменом. Однако рассказ о нем следует начать с более ранней точки отсчета.

В 13 лет Лука заболел малярией и чуть было не отправился на тот свет, еле отходили. Тогда-то и сказал ему доктор: «Хочешь жить дальше, занимайся физкультурой».

Семья Иоакимиди жила тогда в Батуми. Отец по нынешним понятиям был профессиональным борцом — в цирке работал. Боролся даже с самим Поддубным, однако ни к каким физкультурным упражнениям приобщать сына не собирався, наверное, собственный спорт был ему не в радость. В общем, все получилось само собой — Лука сотворил себя сам.

После того как отец Луки простудился и скоропостижно умер от воспаления легких, семья перебралась в Тбилиси.

Лука, держа в уме напутствие доктора, решил закаляться и уже через год купаний в Куре стал всесезонным пловцом, коих нынче именуют «моржами». Кроме того, бегал, придумал для себя гимнастику, поднимал тяжести. Потом как-то, году в двадцать пятом, бегая по парку, очутился на поляне, где увидел двух молодцов, лихо прыгавших в высоту и длину, преодолевавших барьеры, толкавших ядро. Столь высокого мастерства Луке видеть пока не приходилось, и потому стал он специально приходить на поляну и наблюдать за теми двумя, которые оказались братьями Борисом и Владимиром Дьячковыми, ставшими впоследствии знаменитыми легкоатлетами и тренерами. В общем, насмотревшись, Лука стал робко примерять их приемы к себе.

В 1927 году он выступил в легкоатлетическом пятиборье на первой Спартакиаде Закавказских республик. Какое место занял, не помнит, но важно было обретенное чувство своей причастности к миру сильных, здоровых и ловких.

В следующем году состоялось его выступление на первой Всесоюзной спартакиаде. Правда, уже не в легкой атлетике, а скорее в гимнастике, притом не на стадионе, а... в Большом театре. На празднике, посвященном открытию Спартакиады, группа гимнастов выходила на сцену и строила разные фигуры, а

заодно произносила лозунги и призывы, стихи читала. Называлось все это живой газетой — такое теперь разве что в кино увидеть можно.

В спартакиадных состязаниях Луке выступить не довелось, зато гимнастикой он занялся всерьез и вскоре по этой дисциплине стал чемпионом Закавказского военного округа. В тот же период играл в волейбол, участвовал в играх на первенство Тбилиси за команду оперного театра.

Спешу, однако, заверить читателя, что в балете Иоакимиди не танцевал, просто в те годы вопросы ведомственной принадлежности участников соревнований были довольно условными: хочешь выступать — выступай. Хоть за артистов, хоть за пожарных.

Купаний в Куре Лука по-прежнему не оставлял, приобщился также к гребле и, конечно, соревновался. Увлёкся и прыжками в воду. В 1934 году в Ростове, выступив на дистанции 100 метров вольным стилем, поднялся на десятиметровую вышку и совершил прыжок со стойки на кистях. В общем, все умел.

В том же тридцать четвертом году сборная Грузии по водному поло, за которую играл Иоакимиди, встретила с командой Москвы и потерпела сокрушительное поражение — 0:14. Москвичи были быстрее, сильнее физически, они наносили удары с любых дистанций, повергая соперников в смятение, вселяя в них сознание полной беспомощности. Казалось, они могли бы забить еще мячей десять, да сжалились.

Долго приходили в себя грузинские спортсмены. Однако воспрянули духом. Многие почерпнули они для себя из той памятной встречи с москвичами. И вот перед самой войной сумели победить ленинградских военных моряков — одну из самых сильных команд в стране. Выиграли, правда, всего один мяч, но это была принципиальная, вдохновляющая победа, сулившая многое. Если бы не война...

В 1946 году предвоенная история повторится: встреча между москвичами и тбилисцами вновь обернется тяжелым поражением последних, и снова оно станет началом восхождения грузинских ватерполистов.

Конечно, никакого тренера у Луки не было, да и у кого они тогда были? Лука учил себя сам, анализировал, осмысливал, преломлял все в себе, в своем сознании. Без кинограмм или методических пособий. И пусть широкая специализация не позволила ему добиться высот мастерства в каком-то одном виде спорта, зато благодаря ей он овладел высокой общей культурой движения. В дальнейшем, работая тренером по плаванию и водному поло, Лука Александрович первым в стране поставит

вопрос об общефизической подготовке пловцов, заложит в этом деле теоретические и практические основы. Даже такое известное нынче понятие, как «**сухое плавание**» — не от лукавого, а от Луки.

Что же касается чисто табельного выражения результатов тренерской деятельности Иоакимиди, то они — в успехах многих рекорсменов, чемпионов и призеров первенств Советского Союза. Среди них Владимир Лавриненко, Борис Никитин, Юрий Абовян, Лия Пачулия, Александра Антонян, Лидия Алексеева, Рада Аркадзева, Любовь Крюкова, Вадим Букарев, Борис Каменский. А уж сколько «просто» мастеров спорта подготовлено Иоакимиди — не счесть!

Уже семидесятилетним он отправится в долгую поездку по Грузии с тем, чтобы отобрать способных к плаванию детей и привезти в Тбилиси — в спортивный интернат. Среди двадцати отобранных окажется Ирина Герасимова, которая в 1982 году доведет рекорд СССР в плавании на дистанции 200 метров вольным стилем до результата высокого международного класса-2.01,13.

И по сей день Лука Александрович с утра до вечера пропадает в бассейне. Много ли мы знаем тренеров с рабочим стажем больше полувека?

А первые уроки он дал в 1934 году. Его тогда вызвали в ЦК Компартии Грузии и сказали: «Республике необходимы квалифицированные тренеры по плаванию. Мы предлагаем вам полугодовую командировку в Ленинград и Москву для стажирования. Согласны?..»

Так Лука Александрович связал свою жизнь с плаванием уже окончательно и навсегда. Так он стал профессиональным тренером.

В наши дни переход спортсмена на тренерскую работу почти неизменно сопровождается его отказом от дальнейших личных выступлений. Но то был тридцать четвертый год, и Лука считал, что лучшая педагогика — личный пример для учеников. Пройдет еще полтора десятка лет до того, как Лука Иоакимиди выступит в своих последних соревнованиях, защищая ворота ватерпольной команды тбилисского «Динамо».

Когда началась Великая Отечественная война, Иоакимиди был направлен командиром взвода на Кавказ, на Сурамский перевал. Однако спустя полгода его отозвали в Тбилиси. «Здесь вы сейчас нужнее, — сказали ему — Будете на офицерских курсах преподавать военизированное плавание».

Он хорошо освоил и эту дисциплину, хотя ее теорией занимался мало. Но были опыт, знания, глубокая культура

владения движением, его логикой. Это была для него, по существу, тоже тренерская работа. Ученики Иоакимиди впоследствии форсировали Днепр, Керченский пролив, Южный Буг, и в их ратных делах была доля его труда.

Того бассейна, где начал свою жизнь в спорте Петр Мшвениерадзе, давно нет, остались лишь деревья, посаженные Лукой Александровичем. Теперь они большие.

А когда деревья были маленькими, физкультурно-спортивная жизнь была здесь ключом. Спортивный городок включал в себя кроме бассейна волейбольную и баскетбольную площадки, теннисный корт, боксерский зал и даже танцплощадку.

Вода в бассейне была, разумеется, «курная», закачивали ее прямо из реки. Конечно, никаких хлораторов, отстойников, фильтров и в помине не было, да и как можно фильтровать воду Куры, которая занимает, кажется, второе место в мире по илистости. Воду в бассейне, понятно, не обогревали. В общем, была эта вода несколько отличной от той, что в бассейне «Олимпийский», где Мшвениерадзе — самый младший — завоевал золотую олимпийскую награду.

Ничего, конечно, что каждая тренировка в бассейне заканчивалась неизбежной долгой гигиенической процедурой, включавшей в себя чистку от ила носа, ушей и глаз. Куда более хлопотной была чистка бассейна: не раз в месяц — дважды в неделю сотни носилок вытаскивали ребята со дна. Штатных рабочих, разумеется, не было — шла война.

Долго Лука Александрович вынашивал мысль о переоборудовании бассейна. И вот взялись. Построили «лягушатник», разделили 80-метровую ванну перегородкой со стартовыми тумбочками, выделив тем самым спортивную зону длиной 50 метров. Трудней всего было углубить бассейн на полметра и снова забетонировать. Но все сделали. И тренировок не прекращали.

Бассейн был для ребят вторым домом, детским клубом, любимым, если не единственным, местом времяпрепровождения. Лука принимал всех, бесперспективных не отчислял. Сам, однако, с огромной армией желающих справиться не мог, а потому в бассейне был свой актив из лучших, наиболее опытных спортсменов. Они помогали тренеру в работе с малышкой.

Часто они уходили до Дигоми, что километрах в семи-восьми от бассейна. Шли быстро, порой переходя на бег трусцой — хорошая нагрузка получалась. Там, в Дигоми, на поляне играли в футбол, пекли картошку, а под конец непременно собирали цветы, из которых сплетали венки для каждого. Ну а потом

бросались в Куру и — вплавать домой, к бассейну, да еще мяч перед собой гнали и друг другу перебрасывали. Так и неслись вниз по стремительной Куру стоголосый, цветами увенчанный ребячий хор.

Спортивным плаванием в этот день обычно не занимались. Вернувшись в бассейн, ставили ватерпольные ворота, и до темна мелькал над водой мяч.

Однако водная феерия в «клубе» Иоакимиди была явлением сезонным. Хотя Тбилиси и южный город, но вода в Куре, а следовательно, и в бассейне позволяла тренироваться лишь пять месяцев. Тренировки весной начинали градусами при четырнадцати, и осенью терпели до тех же пределов. Хорошо, что никто не болел, закаленный был народ, но ведь и толку от тренировки в холодной воде куда меньше!

Одна беспокойная мысль не покидала Луку Александровича: время военное, отцы на фронте, а значит, воспитание детей, заботу о них должны взять на себя те, кто остался в родном городе, и в первую очередь он, Лука Александрович Иоакимиди, директор бассейна, он же старший (и единственный) тренер, он же слесарь по ремонту оборудования, он же сторож. А значит, межсезонья в бассейне не должно быть.

В те годы идея круглогодичной тренировки в сезонных видах спорта еще только начинала пошевеливать крыльями. И вот однажды Иоакимиди удалось заполучить для своих питомцев на зиму боксерский зал. Тогда он сел за чертежи и расчеты и придумал, скажем даже — разработал, то, что теперь называют спортивными тренажерами. Это были различные приспособления, которые укреплялись у гимнастической стенки или ставились на полу: блоки с веревками, растяжками, подвесными грузами, даже старыми автомобильными амортизаторами. Все было сделано с расчетом на развитие именно тех мышц, которые более всего работают в различных фазах движения пловца. Спортсмен «впрягался» в тренажер и методично выполнял упражнения. Иоакимиди сделал и тренажер для игры в водное поло: на деревянном щите в полный размер нарисованы ворота, на разных участках их площади выведены цифры — вроде стрелковой мишени получалось. Все это ученикам нравилось, занимались они с охотой.

Заинтересовались делами тренера из Тбилиси и в Москве. Позвонили из «Советского спорта», попросили написать статью. Он написал, послал — тут же опубликовали. Потом попросили еще. Он и еще написал. Вновь опубликовали. Предложили написать небольшую книгу. Когда книжка по общефизической подготовке пловца вышла в свет, на Луку Александровича

свалился воз новых хлопот: письма пошли отовсюду, он же по своей обязательности отвечал на все.

На вершине того холма, у основания которого был бассейн, расположился городской цирк. Неподготовленному человеку взбираться к нему пешком — работа. Если же подняться быстрым шагом и тут же вниз трусцой, — это работа и для спортсмена. А если без передышки — вверх и вниз и снова вверх-вниз, то у легкоатлетов это называется интервальной тренировкой. Так работал Иоакимиди со своими ребятами. И сам, конечно, бегал с ними — как же иначе?

Кто-то где-то раздобыл водные лыжи. Не те, что нынче — ковбойские, летучие, лакомство для фоторепортеров, а иные — сигарообразные надувные плотики со специальными полостями для ступней. Предусмотрены были и специальные, нетонущие лыжные палки. Худо-бедно, а зимой, если вода в бассейне не замерзала, тренировались и на водных лыжах. В бассейне и греблей занимались — тоже тренировка, и для разнообразия неплохо. А уж в совсем студеные времена — случаются в Тбилиси и такие — водная гладь бассейна превращалась в каток.

А с весны опять бурлили вода и жизнь в спортивном городке. У Луки Александровича с его неистребимой жаждой приобщить к плаванию как можно больше детей возникали и дополнительные трудности. Бассейн был в определенной степени заведением коммерческим, и немало часов отводилось в нем на обслуживание горожан по платным билетам, а это ущемляло спортсменов... И тогда приходилось Иоакимиди обивать различные административные пороги, доказывать, спорить, стучать кулаком, писать письма: «Сократите количество платных часов, отдайте их детям». Очевидно почувствовав себя на гребне журналистского успеха, он написал об этом новую статью в «Советский спорт». И опять опубликовали.

1985 г. Прошло около 40 лет, а тренер Л. Иоакимиди по прежнему на своем посту

Спортивным отцам города Тбилиси такая активность Луки Александровича не понравилась, и было ему после этого нелегко. Так и живет ему нелегко. С утра и до вечера — все в бассейне, три четверти века прожито, и никаких выходных, отпусков. Однако благодарная у него судьба. Сколько хороших людей не без его помощи в жизнь вышло! Известный хирург Григорий Кирпичев. Капитан первого ранга Юрий Филиппьев, удостоенный уже в семидесятых годах звания Героя Советского Союза за образцовое выполнение особо важного задания Родины. Известный журналист-международник Мэлор Стурау. Доктор технических наук Юрий Сихарулидзе. Заведующий лабораторией в Институте строительной физики Зураб Чачава — в прошлом известный ватерполист, а ныне один из наиболее авторитетных судей. Или его однокашник, а ныне академик Евгений Примаков. Или крупнейшие мастера нашего кинематографа Лев Кулиджанов и Марлен Хуциев. Или всеми любимый актер Зиновий Высоковский. Вратарь сборной СССР пятидесятых годов, а ныне заведующий кафедрой физического воспитания МГУ Михаил Рыжак. Известный спортивный комментатор Владимир Рашмаджан. А еще... Петр Мшвениерадзе, которого мы пока оставили сидящим на заборе бассейна и ничего хорошего не ожидающим от невысокого человека со строгим лицом.

Глава 2 ОБРАЗ ДВИЖЕНИЯ

— Я еще раз тебя спрашиваю, мальчик: ты что собираешься здесь делать? И как ты сюда попал?

Како, так и не слезая с забора, показал жестом на реку.

— Понятно, значит, ты приплыл сюда с другого берега. И что ты собираешься дальше делать?

Наконец Како открыл рот:

— Так, ничего. Хотел проплыть один разок. Если можно. Но если нельзя... — И он собрался было прыгнуть обратно.

— Через забор, конечно, нельзя, — возбужденно заговорил Иоакимиди. — Слезь и войди через калитку, тогда и поговорим... Ну, что ж, — продолжал разговор Лука Александрович, когда Како вошел через калитку, — плавать ты, судя по всему, умеешь.

— Только чуть-чуть, — честно ответил Како. — Совсем немножечко умею.

— Как же ты, почти не умея плавать, переплыл Куру? Ну-ка зайди в воду, я хочу посмотреть на тебя.

Како поплыл. Через какие-то полминуты Лука Александрович остановил его:

— Плавать ты действительно не умеешь, но всему можно научиться. Тебе сколько лет? Четырнадцать? Ты не шутишь?.. Мда... Посмотри, как вон те ребята плавают. Понаблюдай за ними. Нравится?

— Да, конечно, нравится.

— Ну, а если нравится, значит, хочешь так же научиться, правда? Тогда приходи завтра в это же время.

Како не ответил Луке Александровичу. Ведь нельзя же так сразу решить столь серьезный вопрос. Он не за этим предложением сюда приплыл, просто хотел поплавать в бассейне, где вода спокойная, а может быть, и более теплая, чем в реке.

Домой он возвращался по Верийскому мосту. Шел и все думал о разговоре с тренером и вспоминал тех пловцов. Особенно запомнился ему тот, что плыл по самой дальней дорожке. Он, словно подбитая утка, летел по воде, одновременными ударами обеих рук бросая тело вперед и вперед. Како еще никогда не видел, чтоб так плавали. Интересно!

На следующий день Како, конечно, пришел, иначе и книгу эту писать не было бы причины. Како узнал, что поразивший его вчера парень плыл стилем, который называется «баттерфляй», а это в переводе с английского означает «бабочка». Что есть еще кроль, плавание на спине, брасс, который очень похож на бакхакхури — по-лягушачьи. Что плавать «по-курному» просто

неприлично, потому что медленно. Так неприлично, как, скажем, ему, или Гиви, или Резо, или Мамия ходить в панаме.

В этот день Како плавал с дощечкой, которую держал на вытянутых руках, работая лишь ногами. Потом Лука Александрович дал ему задание попробовать плыть «без ног», а только руками. Тренер объяснял ему на суше приемы, показывал. Како повторял. Снова входил в воду и пытался выполнять движения на плаву. Лука Александрович ободрял: «Молодец, молодец, все понимаешь, хорошо схватываешь!» Но сам Како чувствовал, что между настоящим спортивным плаванием и его «стилем» такая же пропасть, как между бегом арабского скакуна и натруженным шагом ломовой лошади, на которой мусорщик Валико приезжает к ним во двор два раза в неделю.

Вернувшись домой, Како решил, наконец, рассказать маме о том, что стал ходить на тренировки в бассейн.

— Что ж, сынок, это дело неплохое, — сказала Надежда Семеновна, — лишь бы тебе это скоро не надоело. А то ведь как бывает: занялся чем-то всерьез, а потом стал понимать, что трудно, работать нужно, уставать нужно. Что времени не остается с ребятами погулять. А еще книжки почитать хочется. Я уже не говорю про школу. Сможешь ли так, Како?

Сама же наперед знала, что сможет. Если увлечется, то наверняка сможет ее Како — такой упрямый, самолюбивый, не терпящий принуждения и, увы, даже возражений. Да и как он в глаза будет смотреть своим друзьям, если бросит тренировки? Ведь он их «кхочи»!

Если быть точным, то «кхочи» — это вожак в овечьем стаде. Причем «должность» эту баран получает после многократных битв с сородичами и побед над ними. А Како не любит показывать свою силу, даже стесняется ее. Но, видно, есть что-то особенное в характере Како, раз стал он «кхочи» у мальчишек.

— Тебя, Како, природа не обидела, — сказал ему Лука Александрович. — Ты уже как настоящий мужчина. Значит, и плавать должен как настоящий мужчина.

Однако к самолюбию новичка можно было и не взывать. Как и все мальчишки в Тбилиси, он с благоговением огносился к Борису Пайчадзе, баскетболистам Отару Коркия в Нодару Джорджikia, легкоатлетам Борису и Владимиру Дычковым, Елене Гокиели, Нине Думбадзе. И — возможно неосознанно — мечтал об их славе.

Тбилиси был далеко от районов боевых действий. Но дыхание войны обжигало и его. Заметно поубавилось мужчин в городе, едва ли не в каждой семье с тревогой ждали писем с фронта, многие по национальному обычаю носили за груди фотокарточки

родных в черной рамке.

Мальчишки в Тбилиси, как и во всей стране, мужали в эти годы рано. Они сокрушались, что поздно родились, что не могут воевать рядом с отцами. И стремились повзрослеть, скорее стать сильными, самоутвердиться.

В бассейне Како подружился еще с одним Гиви, который был старше него всего на полтора года. Тем не менее Гиви, отец которого был на фронте, считал себя достаточно взрослым, чтобы воевать как отец. И рядом с ним. Зная лишь номер полевой почты отца, Гиви отправился на фронт. Далеко он не уехал — поймали и вернули в Тбилиси. Еще два раза Гиви сбегал — и каждый раз его возвращали домой. Но и этого показалось Гиви мало. Он сбежал в четвертый раз. Долго добирался, долго искал. Наконец попал в землянку к солдатам. Его спросили фамилию и имя, он назвал. Спросили, с чем пожаловал. Гиви ответил, что ищет отца, хочет воевать вместе с ним. Через несколько минут в землянку вошел солдат. Это был отец Гиви. Мальчик остался в полку.

Эту историю Петр слышал от разных людей. И даже если в чем-то она стала легендой, главное не вызывает сомнения.

Свое упорство и мужество Гиви доказывал потом не раз. В 1956 году в Мельбурне капитан сборной СССР по водному поло Петр Мшвениерадзе был очень горд, слушая гимн своей Родины, исполняемый в честь олимпийского чемпиона по классической борьбе в среднем весе, своего друга Гиви Картозия.

...Довольно скоро Како понял: чтобы добиться хорошей техники плавания, нужно наблюдать за квалифицированными, техничными пловцами. Он стал приходить в бассейн пораньше. Садился на бортик и внимательно следил. Потом закрывал глаза и мысленно повторял движения, как бы прокручивал в памяти киноленту, закладывая в сознание сложный образ движения. Потом начиналась тренировка, и Како пытался воспроизвести, выразить этот образ наяву. И если даже что-то долго не получалось, он верил — получится, обязательно получится, если думать, постоянно думать.

Лука Александрович считал, что Како наряду с хорошим телосложением и силой, еще и отлично координирован от природы. Пусть так, но у этой координированности были свой секрет, причина и объяснение — сообразительность, умение анализировать. От природы это или от воспитания — кто знает?

Самым верным помощником Луки Александровича был Володя Барнабишвили — в ту пору уже зрелый пловец, рекордсмен Грузии. Неожиданно для Луки Александровича Володя проявил такое рвение к тренерской работе, что Иоакимиди стал доверять ему даже самых способных ребят.

Барнабишвили постоянно что-нибудь придумывал. Предложил тренироваться с доской, создающей лобовое сопротивление. Ввел тренировки в воде со свинцовыми поясами. Потом — с резиновыми жгутами, стягивающими мышцы рук и ног, создающими статическое сопротивление при плавании. А однажды предложил и вовсе, казалось, неприемлемое — тренировку в шерстяном свитере, едва налезавшем на тело, сковывающем движения, мешающем плыть, «ломающем» технику. И эту Володину идею проверили. Выяснили, что толк есть. Приняли и ее.

Иоакимиди не мог не видеть, как правильно Барнабишвили оценивает и понимает технику плавания, замечает ошибки, дает советы. В общем, когда Луку Александровича отозвали на военный сбор, он спокойно доверил Мшвениерадзе своему помощнику. Потом Иоакимиди вернулся, а Барнабишвили, закончив индустриальный институт, ушел на фронт, сдав учителю их питомца с оценкой «отлично». С тех пор Лука Александрович глаз с Како уже не спускал.

На первых порах Иоакимиди мало задумывался над тем, какую плавательную специализацию выбрать для Како, он в равной степени учил его всем стилям, справедливо считая, что «школа», «общее образование» необходимы для каждого. Такой принцип исповедуется большинством тренеров по плаванию и в наши дни, хотя теперь специализированная подготовка пловца обрела крылья настоящей науки, современные методы вобрали в себя достижения биомеханики, гидродинамики, физиологии. Любой тренировочный цикл сейчас просчитан, нормирован, дозирован. Во многом поэтому столь стремительно растут в наше время результаты в плавании. Сейчас, в середине восьмидесятых годов, рекорды в плавании у женщин находятся на уровне мужских высших достижений всего пятнадцати — двадцатилетней давности.

А чем жили тренеры и спортсмены в сороковых годах? Что составляло их методический багаж? Собственный опыт, анализ, интуиция.

Присматриваясь к Мшвениерадзе, Иоакимиди со временем стал все более склоняться к мысли, что из парня может выйти неплохой брассист. Он видел, что наиболее сильны у Како ноги, а это для брассиста особенно важно. Впоследствии именно ноги сделают Мшвениерадзе ватерполистом нового стиля, новой формации — абсолютно непотопляемым, способным вести активную силовую борьбу у ворот соперника. Но пока о таком повороте спортивной судьбы не было ни речи, ни даже мысли.

Не прошло и года занятий — а Како уже рекордсмен своей

республики среди юношей и хочет плыть еще лучше, еще быстрее. Он уже познал острый вкус настоящей спортивной борьбы — с соперниками, с секундомером, с самим собой. Ему нравится соревноваться, нравится побеждать. Терпеть, мучиться, преодолевать усталость. Лука Александрович говорит, что у него сильные ноги. Но этого мало. Надо, чтобы сильными были руки и грудь. Во дворе между двух деревьев Како укрепил железный лом, получилась перекладина — почти настоящий гимнастический снаряд. Попросил у завхоза в школе старые гимнастические кольца, привязал к ним веревки, подвесил.

В футбол он теперь играл меньше — когда очень попросят ребята. Зато все чаще приходил на школьную баскетбольную площадку, играл даже за сборную школы. Когда его команда выступила на всесоюзном первенстве железнодорожных школ и заняла в нем второе место, баскетбольные тренеры города Тбилиси наперебой приглашали его в свои команды, суля Како громкую славу. Однако к тому времени он считал себя вполне определившимся спортсменом, а в баскетбол играл для общего развития и, конечно, ради успехов школьной команды, в которой он был лучшим нападающим.

Друзья гордились успехами Како, но сами к плаванию не пристрастились. Мамия Сихарулидзе неплохо играл в баскетбол, стал ходить в секцию бокса, чего Како никак не мог понять:

— Зачем тебе бокс, Мамия, кого ты собираешься побить? Плавать не научился, а драться хочешь, да?

— Я вовсе не люблю драться, Како. Просто я хочу быть сильным, как ты. Я защищаться хочу уметь. И других защищать.

В городе действительно стало больше хулиганов — сказывалась безотцовщина.

Случай защитить себя и других представился Мамия очень скоро. К большому сожалению Како, очень не любившего, как уже было сказано, демонстрировать собственную силу, не обошлось и без его участия.

Закончился баскетбольный матч. Како и Мамия, переодевшись, вышли из раздевалки. Мамия немного отстал, и когда Како обернулся, чтобы подождать Мамия, он увидел, что друг окружен группой незнакомых ребят, настроенных явно враждебно. Что произошло, Како не знал, но тут же направился к группе. В этот момент один из незнакомцев толкнул Мамия в грудь, на что последний незамедлительно ответил правым прямым, казалось хорошо разученным, ударом, но промахнулся, а посему получил ответный и безошибочный. Размышлять дальше было нечего. Како подошел к нокаутированному Мамия:

— Посиди спокойно. И поддержи мои тапочки.

После чего вступил в бой. Даже в этот момент он сумел укротить свою богатырскую силу, понимая, что если позволит себе разойтись, то последствия для пострадавших наверняка будут тяжелыми. А ведь у этих ребят вся жизнь впереди, из них еще хорошие люди могут получиться. Так что дрался наш Како с холодной расчетливостью турнирного бойца, помнящего о том, что бокс — не драка, а игра на кулаках. И досталось ему, конечно, немало: все-таки их было шестеро.

Но, видя бесполезность своих дальнейших действий и сочтя результат встречи ничейным, шестерка наконец удалилась, пообещав завтра продолжить престижный для себя «поединок».

И слово свое ребята сдержали. Только на этот раз их было уже вдвое больше. Како же вышел из школы один. С ним заговорил самый крупный малый из всей компании

— Ну, вот мы и пришли.

— Очень хорошо, что пришли. Что будем делать?

— Пойдем в переулок, если не боишься.

— Почему боюсь? — усмехнулся Како. — Пойдем.

Однако в этот момент на сцене неожиданно появилось новое действующее лицо — матушка бедного Мамия которая уже все знала, а потому и все предвидела.

— Ну, герои, теперь вам придется воевать не с одним, а с двумя. Так что кто смелый — выходи.

На том все и кончилось, и Како пошел на тренировку в бассейн, довольный тем, что бой не состоялся: он не терпел бессмысленную грубость, жестокость.

...Через несколько лет на ватерпольных полях появится яркий, самобытный игрок Петр Мшвениерадзе. Мощный, неудержимый. Его появление застанет врасплох буквально все команды соперников. Защитники станут искать методы нейтрализации бомбардира.

Иные защитники обращались с ним довольно жестоко. Его хватали, пытались топить. И так усердствовали в этом, что Мшвениерадзе часто уходил с матча украшенный выразительными синими отметинами. И может быть, потому так распоясывались некоторые защитники, что наперед знали: в ответ хоть и последует удар, но только по воротам.

Изобрели и еще один способ воздействия на неудержимого нападающего. Зная его тончайшее чувство мяча, некоторые хитрецы, принимавшие на своем поле команду Мшвениерадзе, специально поддували мяч, увеличивая его объем. Хотя и редко, но такое случалось. Бомбардир это чувствовал сразу, с первого же

прикосновения к мячу. Но лишь молча усмехался.

Однако — парадокс. Он, не уставая, боролся в игре с защитниками, но от таких противоборств начали уставать... судьи. Иные защитники лишь в запрещенных приемах видели свое спасение. Значит, никакой игры, одни лишь судейские свистки. И психика иных судей не выдерживала. На многие нарушения против Мшвениерадзе они стали смотреть сквозь пальцы. От этого жизнь его стала еще сложнее. Но все, даже самые грубые нарушения спортивной этики, допущенные соперниками, он комментировал спокойно: «Ничего особенного, игровой эпизод».

Однако что-то уж совсем неправдоподобным миролюбцем предстает наш герой. Неужто никогда не реагировал он на грубость?

Реагировал. Подплывет к грубияну- и скажет:

— Ты зачем обнимаешься? Любишь, да? Очень любишь? Но вижу, не уважаешь. А я тебя уважаю. Вот я тебе сейчас еще один гол забью. Из уважения забью. Не обижайся, пожалуйста.

Реагировал. Был у армейцев вратарь, который, не имея возможности вступить в личный тесный контакт с бомбардиром, постоянно атаковал его другими приемами — словесными, не воспроизводимыми на бумаге. И однажды нервы у капитана не выдержали. Зная о том, как вратарь бережет свой красавец нос, он в один прекрасный миг, оказавшись с ним с глазу на глаз, вложил в удар всю накопившуюся обиду. И метил единственный раз в жизни не в ворота, метил в нос. И опять не промахнулся. Но команда Петра тогда проиграла. Как раз один мяч.

Реагировал. Однажды в Италии в матче с командой ФРГ двое защитников не отходили от него ни на взмах руки. Делали все, что могли, взамен того, чего не могли. Судья же был подчеркнута бесстрастен. И вот в один из моментов Гиви Чикваная, держа мяч, крикнул Петру: «Дам повыше». Тот понял и взлетел. Причем необычайно высоко. И встрепелась сетка. Никто не понял, что на самом деле произошло. Никто, кроме бомбардира и тех защитников, которые почему-то оказались сразу отброшенными от него на немалое расстояние. Секрет же был в том, что Петр, не имевший никакой возможности отогнать от себя защитников, использовал их натиск — уперся им в плечи и резким толчком выбросил себя вверх. Таков был его ответ нарушителям.

Реагировал. Зайдет перед игрой в раздевалку команды соперника — поздороваться, перекинуться несколькими фразами. Вот хотя бы с этим, самым неласковым.

— Здравствуй, — скажет ему. — Хорошо сегодня выглядишь. Значит, выспался. Как жена, как дети? А у меня скоро еще один

родится. Тоже ватерполист будет. Нападающий будет — очень уж энергичный мальчик, много двигается. Почему мальчик? Обязательно мальчик, чтобы команда у нас своя была. Папу будут защищать. А ты здорово играл вчера с торпедовцами, мне очень понравилось...

Друзья удивлялись: «Как все-таки ты терпишь грубость?» Он же усмехался: «Вору часто бывает стыдно воровать. Он хочет быть честным, но работать не хочет. Грубому, я знаю, тоже стыдно. Но голы пропускать еще стыднее. Что же ему остается делать? Я его понимаю. Когда он научится играть лучше, будет и повежливей».

Как-то одного игрока из своей же, динамовской команды он увещевал:

— Вот мы с тобой сидим на концерте и музыку слушаем.

И тут кто-то рядом громко заговорил. Пусть даже о музыке. Так что же, и нам тоже нужно громко разговаривать?

Или, скажем, ты играешь на рояле, а кто-то опять-таки громко разговаривает. На твоём месте я бы сказал себе: значит, ты не так хорошо играешь, маэстро. Значит, ты пока не маэстро. Нужно лучше играть.

Надо признать, что хорошие, по-настоящему высокотехнические защитники играли против него, как правило, корректно. Видимо, в том был свой престиж — почетно сыграть с самым Мшвениерадзе на равных, честно. Почетно не дать ему забить больше двух голов.

Но такое удавалось нечасто. И потому грубили. А он отвечал всем одинаково — забивал голы...

В это просто трудно было поверить: он едет на соревнования. Да на какие — на юношеский чемпионат СССР! И куда — за тридевять земель, в город Горький. Сегодня Лука Александрович торжественно объявил об этом перед тренировкой.

И путь лежит через Москву! Ему всего пятнадцать лет, а он уже побывает в столице! Кто-то из ребят достал из портфеля карту.

— Ого, как далеко! А сколько будем ехать, Лука Александрович?

— Боюсь, что долго, ребятки. Точно никто этого сказать нам не сможет, время такое, сами понимаете.

...В эти последние дни июля 1944 года в сводках Совинформбюро сообщалось, что перешедшие в наступление войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев на Львовском направлении. Войска 3-го Прибалтийского фронта взяли город Остров, овладели Псковом. Войска 1-го Белорусского фронта освободили Паневежис и Люблин. Шли упорные бои под

Брестом.

А тем временем в стране возрождалось физкультурное и спортивное движение. Плохо пока было с топливом, транспортом, продовольствием, весь народ по-прежнему работал на победу. И тем не менее не забывали физкультуру и спорт. Многие известные спортсмены с первых же дней войны ушли на фронт. Многие погибли, другие вернулись с тяжелыми увечьями, ранениями. Известны случаи, когда спортсменов отзывали с фронта для выступления в соревнованиях. Неважно, что подчас их результаты оказывались далекими от рекордных. Народ должен был знать и понимать: если в столь нелегкую пору наши спортсмены состязаются в скорости, силе и ловкости, значит, победа будет за нами.

Били рекорды легкоатлеты Сеченова и Пугачевский, восстанавливали форму и как в былые годы соперничали пловцы Бойченко и Мешков, вернувшийся в строй после тяжелого ранения. При переполненных трибунах игрались матчи чемпионата страны по футболу. В те дни было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР» футболисту Пайчадзе, волейболисту Чинилину, легкоатлетке Васильевой, лыжнице Дубининой, гребцу Пахомову.

В газете «Советский спорт» можно было прочесть, что в городе Горьком на водно-спортивной станции «Водник» проведены всесоюзные юношеские соревнования по плаванию. В заметке, в частности, говорилось, что команда Тбилиси в общем зачете места не получила, так как в составе ее не было девушек. Зато юноши столицы Грузии заняли второе место вслед за москвичами.

...Добирались они до Горького восемь дней. В Москве Лука Александрович отвез ребят ночевать к своей тетке па Мещанскую, и до отправления в Горький они успели несколько часов побродить по Москве, вернулись на Мещанскую возбужденные, полные впечатлений и ночью долго не могли уснуть.

Дорога осталась в памяти нестерпимой жарой и липнущими к телу рубашками, бесконечными, иногда полудневыми стоянками на станциях, полустанках и в тупиках. Запомнилась сосущей пустотой в желудке, потому что «дорожные» команде выдали в виде мешка сухарей, небольшого кулька сахара да пакета маргарина.

— Ну как мы сможем выступать при таком пайке? — все сокрушался Петя Дадианидзе. — Мы целую неделю не тренируемся. Какие будут у нас результаты?

— Никак не сможем, все нас побьют, — отвечал ему Како. — Потому что все летят в Горький на самолетах. У каждой команды

— свой самолет. И все кушают перед соревнованиями жаркое из парной телятины, пьют сливки и заедают их пирожными, которые ты очень любишь.

— Ты все смеешься, Како. Тебе смешно! Если б ты знал, как я хочу кушать.

— Ты шутишь, поверь мне. Ты совсем не хочешь кушать, все ты выдумал. Ведь я же не хочу. Совсем не хочу.

На обратном пути, когда они вновь остановятся в Москве, Лука Александрович выдаст ребятам на карманные расходы по 200 рублей, которых хватит Пете Дадиянидзе ровно на четыре пирожных. И не будет никого на свете счастливей его. Но до этого пока далеко.

«Бассейн» в Горьком соорудили на Волге с помощью двух плотов с натянутыми между ними веревками, обозначавшими дорожки. Любая дистанция преодолевалась по течению и обратно, что предполагало выравнивание результатов, хотя, конечно, сильное течение заметно их снижало.

Однако никто не роптал, понимая, что для всех условия одинаковые. И что результаты невысокие — тоже не беда. Придет время, страна расправит плечи, восстановит заводы и железные дороги, школы и стадионы. Построит целые спортивные комплексы и, конечно, бассейны. Сотни бассейнов. А пока — станция «Водник» с мутной волжской водой, быстрым течением и этими канатами.

Како направлялся к старту, спиной чувствуя взгляд тренера. Обернулся — точно, смотрит, не может скрыть волнения. Како улыбнулся ему, помахал рукой.

По команде стартера он занял место на тумбочке с номером «2». И вдруг ощутил такое волнение, что слегка закружилась голова и он даже переступил с ноги на ногу. Позже он скажет себе: «Волноваться нужно, обязательно нужно. Если у тебя холодное сердце и не кипит кровь, ты уже не спортсмен. Но волноваться нужно уметь». Тогда Како еще этого не знал.

Старт! Он прыгнул в воду... Потом ему жали руки, обнимали, а Лука Александрович даже прослезился. Судья-информатор, сложив рупором ладони, объявил:

— Первое место в плавании на сто метров брассом среди юношей среднего возраста завоевал Петр Мшвениерадзе из команды города Тбилиси. Его результат — одна минута, двадцать две и три десятых секунды.

Трудно оценивать этот результат по меркам сегодняшнего дня, ведь нужно учесть все, абсолютно все условия, факторы и обстоятельства того времени. Тем не менее выступление пятнадцатилетнего никому не известного пловца привлекло

внимание специалистов. Впрочем, а кто из его ровесников был тогда известен в нашем возрождавшемся спорте?

Наверняка специалисты восьмидесятых годов сказали бы, что 15 лет — возраст для начинающего пловца чересчур почтенный, и потому вряд ли бы приняли его в секцию. Будем считать, что Петру Мшвениерадзе повезло. А значит, повезло и всему нашему спорту.

Как водилось тогда у пловцов, после соревнований участники сыграли товарищеский матч по водному поло... И здесь чемпион-бассист еще больше удивил всех. Он так ловко обращался с мячом, что после игры к Иоакимиди подошел весьма ответственный спортивный руководитель Семкин и сказал:

— Из вашего парня может выйти отличный ватерполист.

Получается, что именно товарищ Семкин был первым, кто предсказал Петру Мшвениерадзе большое будущее. Его личный тренер на этот счет был всегда сдержан.

В том матче участвовал приехавший в Горький для показательных выступлений Леонид Мешков, и Како, играя против него, несколько раз финтами перебрасывал мяч через знаменитого пловца и ватерполиста. Приемы были исполнены так мастерски, что сам Мешков похвалил его.

Он вернулся в родной Тбилиси кумиром всей округи.

— Слушай, Резо, а ты помнишь, как наш Како в бочке плавал? Вот было смеху.

— Ничего смешного, Вахтанг. Я помню, как он еще ходить не умел. Я, между прочим, раньше Како ходить научился.

— А может быть, это ты учил его ходить?

— Ходить не учил. А вот в футбол — точно, я учил его играть.

— Ну и шутник! Да он в футбол лучше всех нас играет. И в шахматы лучше. Боюсь только, Како будет теперь нос задирать.

Напрасно беспокоился Вахтанг. Приехавший из Горького Како сказал, что очень соскучился по родному Тбилиси, по друзьям, но вместо прогулки с ними отправился в бассейн. Дорога отняла много дней от тренировки, нужно было наверстывать.

Чемпионат СССР следующего, 1945 года проводился во Львове.

И снова путь предстоял долгий, и тоже с пересадкой — в Пятигорске. На этот раз в команде были и девочки. Памятуя об успешном выступлении своих юных пловцов на предыдущем чемпионате (кроме Мшвениерадзе чемпионом стал еще Валико Чедия), республиканское спортивное руководство согласилось увеличить состав команды вдвое.

В Пятигорске им пришлось ждать львовского поезда двое

суток. Ночевали прямо на траве возле вокзала.

Когда же наконец объявили, что прибывает поезд, следующий до Львова, толпы людей, измученных ожиданием, высыпали на перрон.

Велико же было их разочарование, когда поезд тяжело замер у платформы. Вагоны были переполнены, люди сидели на мешках, узлах и чемоданах в тамбурах. Лишь один вагон оказался полупустым, но подлетавшие к нему пассажиры как-то опасливо отходили, выслушав объяснения дежурного по станции.

— Лучше поищите себе место где-нибудь еще. Здесь едут уголовники, вернее те, кто освободился из заключения, — говорил дежурный.

Времени до отправления оставалось немного. Како, ни слова не говоря, направился к полупустому вагону.

На подножке сидел парень с цыгаркой в зубах. На его лице вряд ли можно было прочесть выражение гостеприимства.

— Позвольте, пожалуйста, пройти в вагон, — решительно произнес Како.

То ли парень от рождения был таким обозленным, то ли во время пути привык к роли пугала для пассажиров, но ответил он очень недружелюбно:

— Как войдешь, так и выйдешь! Брысь отсюда, пока...

На том речь его оборвалась, ввиду того что он был подхвачен под мышки и внесен в тамбур, где обнаружил себя сидящим на полу.

— Вставай, дядя, и давай будем дружить.

Через минуту Како вновь появился на площадке:

— Всех, кто из Тбилиси, прошу сюда, вагон забронирован специально для вас. Девочки входят первыми, мальчики вслед за ними. Прошу вести себя прилично, пассажиров не обижать.

В этот момент за спиной Како появился кучерявый добрый молодец и через его плечо изрек:

— Ну, чего боитесь, генацвале? Заходи, не обидим.

Еще через минуту поезд тронулся. Доехали без приключений.

Прибывшую команду тбилисцев разместили в общежитии техникума, в двух больших комнатах. Вскоре появился Лука Александрович и сказал:

— Соревнования начинаются завтра, сейчас все едем в бассейн и проведем легкую тренировку. Предупреждаю: никому не отставать, после тренировки все собираемся и возвращаемся в общежитие. Учтите, ребята, после девяти часов вечера по улицам ходить не рекомендуется. В городе неспокойно, орудуют недобитые бандеровские банды.

Но как обидно приехать в красивый, большой город, где

никогда не бывал, и просидеть все вечера в общежитии. И Како решился чуть-чуть нарушить запрет. Пошел по тихим, узким брусчатым улочкам. Было тепло и безветренно. На улице ни души. Он заметил лишь женщину в темном плаще, торопливо шедшую впереди по противоположной стороне.

Но что такое? В тишину резко ворвался рокот мотора. Черная «эмка», выскочив из переулка, скрипнула тормозами. Из нее выскочили двое, подхватили женщину под руки и потащили к машине. Та отчаянно сопротивлялась, однако не проронила ни звука, очевидно, рот ее был зажат. В это время Како уже во весь опор мчался к нападавшим. Не останавливаясь, он ударил в плечо одного из них так, что тот рухнул. Забыв от волнения все русские слова, он что-то выкрикивал по-грузински. Внезапно второй налетчик выпрямился, заговорил на его же родном языке:

— Откуда ты, кацо?

— Из Тбилиси, — оторопело ответил Како.

— А что ты делаешь в этом городе?

Только в этот момент Како вспомнил, где он.

— Я тебе скажу, что я здесь делаю, только отпусти сначала женщину. Ты не грузин, если нападаешь на женщину.

— Да ты что, кацо. Мы просто так, кацо. Пошутить хотели, понимаешь? И больше ничего. Пускай идет своей дорогой. Извините, гражданка, если обидели. Спокойной ночи, гражданка. Ну вот, кацо, и все в порядке. Больше никто не обижается. Ты тоже не обижайся. Ах какая радость, земляка встретил!

Како, поняв, что инцидент исчерпан, повернулся и зашагал прочь.

Во Львов наш герой приехал бесспорным фаворитом: он победил годом раньше, а теперь, оставаясь все в той же средней возрастной группе (15–16 лет), выиграть соревнования был просто обязан.

За год он вытянулся еще на полголовы, а потому, выходя на старт со сверстниками, чувствовал не благодущное спокойствие, а скорее неловкость. Он бессознательно горбился, втягивал голову в плечи. Когда же диктор, представляя участников, называл его фамилию, лицо Како покрывалось алыми пятнами. Но что оставалось делать? Нужно было прыгать в воду и выигрывать соревнования. Победа досталась ему без особого труда, и, видимо, поэтому он не ликовал.

Глава 3 НАЙТИ СВОЙ КАМЕНЬ

Однако настала пора вложить, наконец, в руки нашему герою мокрый и скользкий мяч, коль скоро Мшвениерадзе известен как один из лучших ватерполистов мира всех времен. Но сначала надо пояснить, что до пятидесятих годов ватерпольный мяч в нашей стране держали в руках только пловцы. Специализированных ватерпольных команд не существовало. Игра на воде была как бы дочерью плавания, матчами ватерполистов чаще всего завершалась программа соревнований по плаванию. И все же это была дочь, а отнюдь не падчерица, она расцветала и хорошела, набирая год от года силу, красоту и популярность.

А начали играть в водное поло в Англии более ста лет назад. В 1885 году английская федерация плавания выделила ватерпол в самостоятельный вид спорта. Внешняя простота и явная доступность новой игры привели к тому, что уже в 1900 году она была включена в программу Олимпийских игр, правда пока не на полных правах, а скорее как спектакль: в Париже, столице Игр, был проведен показательный турнир с участием трех европейских команд.

Олимпийская история водного поло началась с 1908 года. Примерно в ту же пору эта игра появилась и в России. В Петербурге существовала тогда известная Шуваловская школа плавания. Для популяризации школы и ее идей устраивались праздники на воде. И вот однажды в программу праздника включили водное поло.

Вскоре с этой игрой познакомились и в Москве, стали играть в прудах и на Москве-реке, на фотографиях сохранились самые причудливые конструкции, обозначавшие ворота. Судьи же размещались на берегу или плотах. Появились и первые книги, посвященные водному поло. Вот что писал об этой игре, к примеру, А. Шеманский, полковник Генерального штаба:

«Хотя ватер-поло всюду сопутствует футболу, но у нас ватер-поло появилось совсем недавно, тогда как футбол занимал русские команды с конца 90-х годов прошлого века. Но сейчас, кажется, нет уже ни одной спортивной организации, которая не играла бы в ватер-поло. И на этих еще днях (июнь 1914 г — В. Л.) Его Величество Государь Император смотрели, между прочим, и игру в ватер-поло в Петербургской офицерской гимнастической школе. Конечно, эти офицеры, инструкторы гимнастики и плавания в армии, будут культивировать в ней и ватер-поло. Спортивные организации у нас растут в последнее время как

грибы, и стало быть, и ватерполо ждет широкое применение. А в водном раздолье у нас при общем подавляющем сухопутье недостатка нет — лишь бы нашлись инструкторы-зачинщики, да и всякое начальство отнеслось бы к занятию этому в армии и в школах поощрительно».

В 1923 и 1924 годах состоялись первые товарищеские встречи между командами Москвы и Ленинграда, которые с той поры стали традиционными. В 1926 году в Берлине были проведены первые международные встречи с участием советских ватерполистов: сборная команда профсоюзов, составленная из пловцов Москвы и Ленинграда, встретила с рядом сильнейших берлинских команд, однако лавров ни в одном из четырех проведенных матчей не снискала.

В 1925 году состоялся первый чемпионат Советского Союза по водному поло. Уже тогда он был вполне представительным — в нем участвовали команды Москвы, Ленинграда, Киева, Закавказья, Крыма, Урала, Черноморского, Балтийского и Каспийского флотов. Правда, возможностью проведения круглогодичных тренировок располагали в ту пору лишь ленинградцы — только у них был свой закрытый бассейн. А потому вплоть до 1933 года на ватерпольных площадках верховодили они. Потом подтянулись и москвичи. Игра все более распространялась по стране. В крупнейших городах начали проводиться состязания между командами клубов и спортивных обществ.

Ну а на мировой ватерпольной сцене произошла смена лидеров. После крупных успехов на Олимпиадах 1908, 1912 и 1920 годов сборная туманного Альбиона скрылась в тумане, откуда так до сих пор и не появилась. А главными героями ватерпольных турниров стали спортсмены Венгрии. В 1932 году в Лос-Анджелесе они впервые стали олимпийскими чемпионами, после чего еще пять раз завоевывали это почетнейшее в мировом спорте звание. Одиннадцать раз венгерские ватерполисты побеждали на европейских чемпионатах.

Но и у этой команды было в достатке драм и невзгод. В 1948 году в Лондоне в финальном матче олимпийского турнира венгры встретились с итальянцами. На последней минуте игры сборная Венгрии получила право на четырехметровый штрафной бросок. Забитый гол сделал бы их победителями, чемпионские медали они, казалось, уже держали в руках. Вопрос о том, кто будет бить, не обсуждался. Сивош, только великий Сивош мог и должен бросить по воротам и добыть победу своей команде.

Сивош не спеша поплыл к четырехметровой отметке, трибуны замерли в ожидании. Судья дал свисток. Сивош взмыл над

водой... В следующее мгновение мяч мирно покачивался на воде перед воротами. Удар пришелся в штангу. Венгры в тот год не стали олимпийскими чемпионами.

Едва ли меньшее разочарование пережили венгерские ватерполисты и па Московской олимпиаде — в матче со сборной СССР, когда незадолго до окончания игры, во многом решавшей судьбу золотых медалей, лидер атак Фараго также с пенальти попал в штангу.

В Грузии водное поло процветало еще до войны. Играли серьезно, остро, с азартом, бившим порой через край и границы правил логики, а часто и здравого смысла. Играли так, что сторонний наблюдатель вполне мог заключить, будто от исхода встречи зависят судьбы и честь семей, а то и всего города. Игроки и судьи нередко пускались в словесные распри, достойные сюжетов итальянского кинематографа.

— Судья, он меня за шею схватил, почему не свистишь?

— Где я тебя схватил? За какую шею? Зачем говоришь неправду?

— Да, да, схватил! Если б не схватил, нам бы гол не забили! Судья, не засчитывай гол!

— Как не засчитывай, обязательно засчитывай, судья. Я тебе говорю!

— Если ты, судья, гол засчиташь, я не буду играть. Домой пойду!

— А если не засчиташь, то я не буду играть. Я домой пойду.

Так и обрывалась игра. И кто-то напоследок кричал:

— Иди, судья, сам играй!

В Тбилиси проводились соревнования на первенство города, причем не только среди взрослых, но и среди юношей. Играли и в других городах. В Сухуми большой популярностью в предвоенные годы пользовалась команда водителей такси, неизменная победительница городских первенств. Тем не менее успехи грузинских ватерполистов на всесоюзном уровне были весьма скромными. Вплоть до конца сороковых годов грузинский ватерпол далеко отставал от футбола. И не было, конечно, своего ватерпольного Бориса Пайчадзе. Он тогда еще только подрастал.

Однако память старых болельщиков хранит некоторые имена: батумца Георгия Каландадзе — капитана сборной республики первых послевоенных лет, его земляка Алексея Гегелия, сухумца Валико Чедия, тбилисца Василия Териакиди.

Были и свои ватерпольные предания, истории, похожие на анекдоты.

Например, такая — о вратаре из кутаисской команды,

которого все считали выдающимся игроком. Действительно, пока он защищал свои ворота в одном из затонов реки Риони, забить ему гол было почти невозможно.

Но вот команда Кутаиси приезжает в Тбилиси выступать на первенство Грузии в ОСВОДовском бассейне. Игроки прыгают в воду, судья вбрасывает мяч в центр. Начинается атака на ворота кутаисцев, и тут все видят, что непробиваемый вратарь вцепился в штангу — и ни с места. К нему подплыли товарищи, стали успокаивать — думали, разволновался. А он по-прежнему не шелохнется.

Что же оказалось? Тренируясь в Рионе, вратарь нашел на дне большой камень. Стоя на нем, он чувствовал себя вполне уверенно. А плавать он не умел абсолютно. Тогда у грузинских ватерполистов и родилась поговорка: «Главное в водном поло найти свой камень, остальное приложится».

Обратившись к началу тридцатых годов, мы увидели бы водное поло бесхитростным и наивным, как «крестики-нолики». В команде были нападающие и защитники. Первые только атаковали, вторые лишь защищались. Так играли достаточно долго, пока не поняли, что действия передней и задней линий нужно как-то связать. И тогда появился игрок нового профиля — полузащитник. Как только его команда получала мяч, он шел вперед и участвовал в атаке. При переходе мяча к сопернику полузащитники оттягивались в оборону. Следовательно, от них требовались высокая скорость плавания и выносливость. Вот почему в полузащитники стали отряжать классных пловцов. Таким был, например, ленинградец Владимир Китаев, более двадцати лет выступавший в составе сборной СССР. В предвоенные годы в число лучших полузащитников выдвинулся известный пловец Виталий Ушаков.

Однако тактическое нововведение заставило искать средства борьбы с ним. Противники старались не допускать свободного прорыва полузащитника в линию атаки и создания таким образом численного преимущества у своих ворот. И тогда в защиту стал отходить быстроплавающий и выносливый нападающий. Так появилась тактика игры с «оттянутым нападающим».

Но игровая мысль, конечно, на том не остановилась. После поисков появилась тактическая расстановка «двух треугольников». В треугольнике защиты вперед выдвигался полузащитник, а в треугольнике нападения двое были впереди, а один немного оттянут назад, что еще улучшило взаимосвязь между защитой и нападением и обогатило возможности маневрирования в середине поля. То есть тактика постоянно развивалась за счет повышения маневренности игроков.

Появились формы «с четвертым атакующим», затем с «пятым атакующим». Вместе с тем совершенствовалось и нападение при численном равенстве игроков, единоборствующих друг с другом.

Своеобразными были правила игры. Так, после свистка судьи, прервавшего игру, спортсмены обязаны были замереть и не перемещаться. Потому и все действия игроков сводились к тому, чтобы успеть нанести удар по воротам до того, как к бьющему подплывет соперник. Многие хитрили: сохраняя кажущуюся неподвижность, незаметными движениями рук и ног старались продвинуться к противнику. И потому нападающий с мячом в руке, ожидая свистка, после которого игра будет возобновлена, нередко зывал к арбитру и к сопернику:

— Судья, судья, он плывет на меня... Ты что делаешь? А ну давай назад!

В общем, зрителям бывало нескучно. Однако нелепый пункт правил ощутимо мешал развитию самой игры. На тренировках ватерполисты могли порой показывать чудеса техники, а в игровой обстановке это случалось далеко не часто.

Отмена «правила неподвижности» сказалась тут же. Игроки стали широко маневрировать, значительно активней наступать и обороняться. Начали пересматриваться и взгляды на плавательную подготовку спортсменов.

Нет, пожалуй, ни одного вида спорта, который бы выдержал столько посягательств на правила соревнований, как водное поло. Сейчас команда может владеть мячом не более 35 секунд (до 1976 года было 45 секунд). Если за это время она не успела нанести удар по воротам, мяч переходит к сопернику.

Многие специалисты считают, что это правило практически не дает возможности для подготовки и логического развития атаки, заставляя наступающую команду излишне торопиться. Для наглядности сравним водное поло с баскетболом. Размеры баскетбольной площадки почти те же, а время владения мячом лишь на 5 секунд меньше. Но ведь скорости передвижения игроков несоизмеримы. Ватерполистам приходится спешить, и потому высокую индивидуальную технику применять в таких условиях значительно сложнее.

Ну а раньше время владения мячом вообще не ограничивалось, что нередко приводило к любопытным и даже нелепым ситуациям. Так, в решающем матче олимпийского турнира в Мельбурне сборная команда Венгрии, игравшая против югославов, вела в счете, когда ее игрок за нарушение правил был удален из воды. Возвращение такого игрока разрешалось только после гола, забитого в любые ворота. Однако венгры рисковать не хотели. И тогда они пошли на уловку: стали подолгу держать мяч,

умело разыгрывали его между собой, в атаку же не шли. Югославы ничего с этим поделать не могли. Такую тактику венгры сумели выдержать в течение более половины игрового времени. Так и победили.

Еще пример нововведений. Раньше играли два тайма по десять минут, теперь — четыре по семь.

Еще. Сейчас игрок, получивший три персональных замечания, удаляется из воды до конца матча с правом замены. Пользуясь этим, некоторые защитники специально побуждают к запрещенным приемам наиболее опасных или неудобных для себя нападающих, не говоря уже о том, что нынешние правила весьма расплывчато трактуют для судей само понятие фола. В общем, как это ни удивительно, усовершенствование правил пока не слишком способствует развитию игры. Видимо, у этого вида спорта все еще впереди...

Как в сороковые годы тренировались ватерполисты? Вернее, как тренировались пловцы в игре с мячом? Очень просто. Непринужденно и весело. Как футбольная ребятня во дворе. Впрочем, некоторые игроки по своему усмотрению отрабатывали или разучивали элементы техники. Когда кончалась плавательная тренировка, снимались разделительные дорожки, устанавливались ворота, спортсмены делились на команды и — мяч на центр. Так что ответить на вопрос, когда Петр Мшвениерадзе начал играть в водное поло, трудно. Наверное, тогда же, когда стал регулярно ходить на тренировки к Иоакимиди. Разумеется, и ватерпольных тренеров как таковых не было. Руководили игрой или те же тренеры по плаванию, или сами спортсмены.

И вот в 1946 году питомцев Иоакимиди, совсем еще зеленых юнцов — и по паспорту и по опыту, — направили в Москву на соревнования по водному поло. Да не на какие-нибудь, а самые что ни есть серьезные и авторитетные — на матч сильнейших команд. Уже одно это слово — «сильнейшие» — поднимало дух, настроение, а также носы тбилисских динамовцев и вряд ли вызывало серьезное беспокойство о том, что в действительности ожидает их в столице.

И снова предстояла долгая дорога через Баку и Грозный, в душных вагонах, на жестких полках со старыми соломенными матрасами, все с теми же нудными стоянками на станциях, полустанках и в тупиках. Все на том же скудном сухом пайке.

Поезд подходил к Баку, когда Како достал из сумки и разложил на полке два пустых холщовых мешка.

— Зачем эти мешки? — удивился Петя Дадиянидзе.

— Потом узнаешь, — ответил Како. — Иди попроси у проводника ведро, бери с собой мешки и выходи за мной на платформу.

Дадзианидзе никогда не спорил с товарищем. Он привык к тому, что в их давней дружбе право принимать решения принадлежит Како. Он не обижался, потому что это было справедливо. К тому же Петя Дадзианидзе замечал, что подобные отношения у Како сложились со многими ребятами, хотя он сам, казалось, к этому не стремился, ни на кого не давил, не повышал голоса. Современные ученые, занимающиеся проблемами психологической совместимости и лидерства в коллективе, нарекли бы нашего героя «неформальным лидером с демократической тактикой руководства».

Итак, поезд остановился в Баку и Како вместе с Петей вышли на перрон. Когда через несколько минут они вернулись в вагон с двумя полными мешками соли, ребята и Лука Александрович очень удивились.

— Ты что надумал, Како? — спросил Дадзианидзе. — Ты, наверное, хочешь высыпать эту соль в бассейн, чтобы вода держала тебя хорошо и высоко. И тогда мы выиграем у всех, правда?

— Э-э, нет — отвечал тот. — Пока мы доедем до Москвы, от этой соли ничего не останется. Но зато все мы будем сыты.

— Ты что, хочешь кормить нас этой солью?

— Почти угадал, потерпи немножко.

Когда на одной из станций после Грозного Како вышел из вагона с ведром соли в руке, а вскоре вернулся уже без соли, но с картошкой и яйцами, все прояснилось: Како произвел элементарный товарообмен, чтобы подкормить ребят в пути, чтобы они доехали до Москвы сытые и веселые.

Видя, как уплетают эту нехитрую снедь его полуголодные ученики, Лука Александрович не решился вмешиваться. Он, педагог, смолчал, но всю дорогу корил себя за то, что сразу же, увидев мешки с солью, не догадался и не пресек действия своего любимца, лучшего своего пловца.

И только в Москве, в общежитии, он вызвал Како на откровенный разговор.

— Я понимаю, — сказал Лука Александрович, — что не о себе ты заботился, а о товарищах. Но тебя не смущает, что все так легко получилось? Что так просто оказалось накормить ребят, когда вокруг столько людей недоедают? Вспомни, сколько ты заплатил за соль в Баку и сколько там, в Баку, стоят яйца и картошка. Вспомни также, сколько зарабатывает твоя мама. И теперь все сопоставь. Что-то здесь не сходится, не так ли? Правда,

за руку тебя никто не схватил, спекулянтom никто не назвал. Но суть-то от этого не изменилась! Приведу другой пример. Ты плывешь на соревнованиях сто метров и перед стартом тебе стало известно, что на повороте не будет судьи и, стало быть, ты незаметно для остальных можешь повернуть, не коснувшись стенки, и сэкономить на этом секунду, а то и две. Совершишь ли ты такой обман? Думаю, что нет, потому что ты честный спортсмен. Но честный спортсмен не может быть нечестным человеком.

— Вы, наверное, правы, Лука Александрович... Я просто плохо подумал... Да, нельзя было так поступать. Выходит, мы себя поставили в лучшие условия, чем все остальные спортсмены.

— Если б только спортсмены, — вздохнул Иоакимиди. — Всему народу трудно. Но ведь уже стало получше, замечаешь, Како?

— Да, конечно, я вижу.

— Так что тем более можно обходиться без... соли. А?

— Лука Александрович, я все понял...

Опозорились они в Москве. Провалились с треском. Конечно, можно было винить и жребий, который беспощадно свел тбилисцев сразу же с московскими торпедовцами. После матча Како не мог вспомнить, держал ли в руках мяч. Москвичи с неторопливой снисходительностью забили им десять мячей, на чем и успокоились, решив, что счет 10:0 достаточно убедителен. Другие матчи вспоминать было еще тоскливее.

Однако Како огорчался недолго. Во-первых, понимал, что по заслугам и честь. А во-вторых, отношение его к водному поло было в ту пору не более заинтересованным, чем, скажем, к футболу или баскетболу. «Ладно, — думал он, — скорее домой, и — на дорожку».

Однако на пути к дому он все время ловил себя на мыслях об игре. Наконец-то он увидел настоящее водное поло, истинных мастеров этого дела. Уже в Горьком ему довелось играть против самого Леонида Мешкова, но теперь, увидев его вновь, Како понял, что в той показательной игре Мешков просто забавлялся, не мог позволить себе играть всерьез против мальчишек.

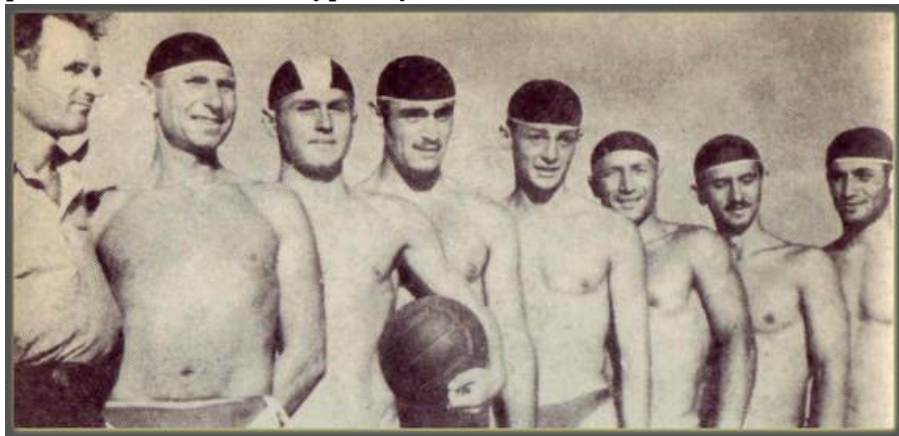
Здесь же, в матче «Торпедо» — ЦДКА, он увидел Мешкова совсем иным. Да не его одного — целое созвездие мастеров, быстрых, маневренных, техничных.

Видимо, с этого московского турнира и началось обращение Како в ватерпольную веру. Оно было еще неосознанным. Пока лишь пробудился интерес к игре, Како увидел ее новыми глазами, пусть еще не восторженными, но уже любопытными или, скорее,

любопытными. Во всяком случае, теперь во время тренировочных игр он нет-нет да и пытался по памяти исполнить некоторые запомнившиеся приемы. В Москве он, пожалуй, впервые увидел, как остроумными перемещениями игроков можно создать опасную ситуацию у чужих ворот или как малыми силами защитить свои. Оказывается, и к водному поло можно относиться, как к шахматам. «Но если так, — продолжал размышлять Како, — то можно и самому искать неожиданные, новые решения игровых ситуаций. Даже самому придумывать технические приемы. И уж во всяком случае как-то иначе выполнять известные».

Ну, почему, скажем, нельзя лечь с мячом на спину? Ведь правилами это не запрещено. Почему не принято бросать мяч по навесной траектории? Почему все принимают мяч только на прямую руку? Чем объяснима такая мода? Кто сказал, что нельзя или невыгодно бросать мяч с воздуха, а не с воды? Кто узаконил эти пресловутые «ударные» точки, с которых бьют по воротам? Все ведь зависит от ситуации.

Он вспомнил, как в сорок третьем, когда он впервые попал в бассейн и прыгнул в воду, то более всего боялся поднять фонтан брызг. На Куре почитался степенный стиль плавания. Но оказалось, что это всего лишь нелепая мода. И вот теперь Како все больше склонялся к мысли, что многое в водном поло — сродни плаванию «по-курному».

1948 г. Тбилисское «Динамо». Первый слева — тренер команды Л. Иоакимиди, четвертый — П. Мшвениерадзе, с мячом — Г. Харебов

После всего сказанного можно предположить, что отныне в далекой южной ватерпольной глуши вспыхнул неслыханными идеями и стал их поочередно воплощать в жизнь новый

спортивный изобретатель, тогда как столичные знаменитости безмятежно дремали на лаврах, не являя миру ничего нового. Но это не так. Сама игра в тот период стала резко меняться, а нашему герою сказать свое веское слово суждено было еще нескоро. Однако...

Сейчас никто уже не помнит, что это был за матч. Ясно, что не официальный, так как никаких записей или протоколов не сохранилось. Игра проходила все в том же тбилисском бассейне в мутной, «курной» воде. Против команды Мшвениерадзе играли братья Зураб и Ростом Чачава, непробиваемый вратарь Калаушин. Остальных участников матча память очевидцев не сохранила.

Игроки обеих команд замерли на лицевых линиях. Мяч в центре. Свисток. Самые быстрые устремились к мячу. Сейчас, как водится, он будет отброшен чуть назад, и тогда начнется атака.

Но что это? Оказавшийся первым у мяча, Мшвениерадзе не отбрасывает его партнерам, а делает мощный замах и бьет по воротам. Калаушин настолько не ожидал этого, что даже не шевельнулся. Гол!

Вскоре Зураб Чачава сравнял счет. И вот снова розыгрыш с центра. Снова двое нападающих несутся к центру, и опять Мшвениерадзе опережает соперника. И опять не отдает мяч назад, а, поднявшись из воды, бьет по воротам. На этот раз Калаушин уже среагировал и чуть было не дотянулся до мяча.

Казалось, Мшвениерадзе, открыв для себя этот новый прием, решил тут же его как следует отработать. И третий, и четвертый голы влетают в ворота Калаушина все так же — с центра, бесхитростно, бескомбинационно, залихватским ударом.

— Ну что, Како, — сказал после игры Иоакимиди, — будешь и дальше так играть?

— Возможно, иногда буду. Но где такое позволят? В Москве не позволят, в Ленинграде тоже. Да и разве это игра? Это все равно что петь «Сулико» на одной ноте.

И все же это была его нота, пропетая звонко и не фальшиво. Потекут годы, и он будет создавать уже сольные партии, яркие и неповторимые. Далеко не все воспримут их сразу на слух или пусть на веру и тогда будут пытаться заглушить его голос, образумить, вернуть исполнителя в общий, пусть нестройный, но хор. Но из этого ничего не выйдет.

Прошло всего два месяца, и тбилисские динамовцы отправились в Баку на игры Кубка СССР. Игры в Москве многое дали не только Мшвениерадзе, но и всей команде. В эти два месяца и тренировки проходили уже иначе — с подъемом, азартом. С такими, как Василий Териакиди, Лев Крылов, Алеша Гегелия, Жора Харебов, Жора Каландадзе, Владимир Тутов,

можно было даже в огонь. А уж в воду...

Конечно, и теперь замахиваться на многое не приходилось. Однако главный смысл новых встреч с настоящими мастерами виделся им в осмысленном обретении знаний и опыта — философия старая, взгляд на себя новый. Жалко только, что жребий опять оказался к тбилисцам беспощаден: первая встреча — с ЦДКА. Ясно было, что она станет и последней, так как проигравший должен выбывать. Однако нужно играть и учиться.

Начало встречи оказалось совершенно неожиданным. Сразу же после свистка судьи и розыгрыша вбрасывания недалеко от центра поля сцепились двое игроков — в светлой и темной шапочках. Да так, что на мгновение оба скрылись под водой.

Мшвениерадзе ринулся к месту происшествия... Ба-а! Да это же Тутов, снова забияка Тутов не поладил с противником. С Дмитриевым, кажется? Точно, с Иваном Дмитриевым. И что они могли не поделить на первой же минуте? Да еще вдали от центра событий, от мяча.

Так размышлял Мшвениерадзе, плывя к драчунам под истошный свист судьи. Недоумевали и игроки обеих команд.

Но что такое? Две головы в светлой и темной шапочках, вновь появившись над водой, вдруг крепко поцеловались и поплыли в разные стороны. Тем не менее игра была приостановлена, а Тугова и Дмитриева пригласили к бортику бассейна для установления состава преступления. Через минуту судья безудержно и громко хохотал, а вместе с ним и все игроки. Как выяснилось, встретились два старых товарища. Оба до войны учились в Ленинграде, играли там в водное поло. Война разбросала их, друг о друге они ничего не знали. Оба воевали. Тутов был в плену, совершил четыре побега...

Проиграли динамовцы тот матч. Шесть мячей пропустили, а сами так ни одного и не забили. И снова Како был недоволен собой, хотя товарищи по команде и уверяли, что он играл уже намного лучше, чем в московском матче с торпедовцами. Но он ожидал от себя большего, во всяком случае большей раскованности, непринужденности. Не боялся он армейцев, но от груза авторитета классной команды, видно, так и не сумел избавиться.

В общем, настроение было неважное.

У всех, кроме Тугова. Играл он неизменно яростно, выкладывался весь, но к поражениям относился легко — такой был человек.

— А ты, Како, уже готов был Дмитриева стукнуть, чтоб наших не обижал, да?

— Я тебя был готов стукнуть, чтобы ты других не обижал.

Слава богу, ошибся.

У него были все основания так говорить. Володя Тутов, несмотря на свой маленький рост, «преклонный» возраст (до двадцати семи уже дожил человек) и отсутствие кавказских кровей, был горяч не только в игре.

— Почему ты такой беспокойный, Володя? — увещевал его юный Како. — Хочешь подраться, иди в боксерский зал, там груша висит. Скажи ей все, что о ней думаешь, и стукни. И раз, и два. Сколько хочешь, столько и стукни.

— С грушей неинтересно, — смеялся Тутов, — она не ответит.

— Как не ответит? Еще как ответит! Стукни и подставь голову, получишь удовольствие. Очень полезно, честное слово.

Однажды после тренировки Тутов торопился на свидание и потому ушел из раздевалки раньше всех. Он так спешил, что, подойдя к троллейбусной остановке, не мог позволить себе выстоять длинную очередь и, расталкивая законных претендентов на посадку, напрямую ринулся в дверь. Однако был незамедлительно остановлен крепкого сложения парнем, причем с помощью не самого корректного жеста и не самого изысканного словоизлияния. Этого Тутову оказалось достаточно для того, чтобы начисто забыть о предстоящем свидании.

— А ну отойдем, я с тобой разберусь! — свирепо пообещал он.

У парня оказалось двое приятелей, что Тутова, однако, нимало не смутило. Ему в таких случаях был совершенно безразличен численный состав неприятельского войска. Душа его рвалась и пела от предвкушения грядущего сражения. В его позе и выражении лица читались праведный гнев и неукротимая решимость. Еще секунда — и полетят перья.

И в этот самый момент наш рыцарь вдруг обнаружил себя болтающимся в воздухе. Чьи-то большие и сильные руки подхватили Тутова и понесли прочь с поля боя. Не понимая еще, в чем дело, он кричал и извивался, будучи уверенным, что число врагов увеличилось до четырех. Скосив, однако, глаза, он увидел, что поднят в воздух своим другом Како.

— Ты что делаешь, Како? Мне надо с ними разобраться!

— Побей лучше меня, Володя, — спокойно ответил Како.

— Эй, тебе что надо, дядя? — толкали его в спину те трое. — Ну-ка отпусти его.

— Отпущу, ребята, отпущу, — не сбавляя шага, отвечал Како. — Вот только отнесу его домой, покормлю и принесу вам обратно. А когда покормлю, он станет уже большим-большим. Как я. Кто хочет меня поколотить? Ты, дорогой?

При этом он остановился и, положив руку на плечо одного из парней, слегка надавил. Тот так и осел.

— Нехорошо драться, ребята, совсем нехорошо. Да еще троим против одного! И такого маленького! Приходите лучше к нам в бассейн, научим в водное поло играть. Знаете, как Володя в водное поло играет? Лучше всех в Тбилиси. А вы такого парня хотели поколотить. Хотя, правда, колотить его иногда нужно.

В общем, расстались друзьями.

В том же 1946 году сильнейшим грузинским пловцам и ватерполистам пришлось еще раз приехать в Баку — на Спартакиаду Закавказских республик. Программа соревнований была широкая, комплексная — легкая атлетика, плавание, прыжки в воду, баскетбол, футбол, стрельба. Каждый состязался в своем виде спорта. Однако один вид соревнований был обязательным для всех участников — военизированный кросс. Здесь не определялись индивидуальные чемпионы, здесь побеждали командой. Причем по условиям соревнований никто из участников не имел права сойти с дистанции. Результат даже последнего из финишировавших мог существенно повлиять на итоги командной борьбы. Длина дистанции — 8 километров у мужчин и 5 километров у женщин. Бежали при полной военной выкладке — в сапогах, с винтовкой, противогазом, гранатами, скаткой. Была сильная жара.

Такие соревнования проводятся сейчас разве только в армейских коллективах. А тогда в них еще ощущалось дыхание недавней войны, в которой советский человек доказал, что он может сделать невозможное. Военизированный кросс был данью памяти павшим, выражением морального долга перед ними, перед народом, возрождавшим страну из руин. Вот в чем была главная суть этой жесткой формулы: «финишировать должны все». И никто не роптал.

Особенно тяжело на трассе пришлось тем, у кого профиль спортивной подготовки был далек от бега на длинные дистанции. Спортсмены останавливались, переходили, пошатываясь, на шаг, а то и садились в изнеможении на землю.

Их поднимали товарищи, подхватывали под руки. И снова продолжался этот трудный бег.

Так получилось, что на дистанции кросса суждено было познакомиться тогда уже великому футболисту Борису Пайчадзе и еще мало кому известному пловцу-ватерполисту Петру Мшвениерадзе. Долгое время они бежали рядом, Пайчадзе немного впереди. Несколько раз он оглянулся на высокого, широкоплечего юношу, заметив, что тот явно выбивается из сил. Стараясь не нарушить ритм и дыхание, Пайчадзе спросил:

— Может, помочь?.. Давай возьму у тебя что-нибудь.

— Нет, не нужно... все отлично, Борис Соломонович... Лучше я у вас возьму что-нибудь.

— Молодец, парень... Мне не нужно помогать, я сам... давай лучше вот этому... видишь, он уже ничего не соображает... побежал в сторону... Эй! Куда ты?

Они приблизились к товарищу по команде.

— Что? — прошептал Како. — Плохо тебе?.. Давай сюда винтовку и скатку... вот так... совсем немного осталось... давай не посрамим нашу команду... сам Пайчадзе с нами...

После финиша, скинув с себя тяжелый груз, они еще долго стояли, поддерживая друг друга, — два человека, оставивших неизгладимый след в истории спорта.

Спустя много лет писатель Мартын Мержанов напишет: «Борис Пайчадзе вошел в советский футбол как один из самых талантливых нападающих со своим самобытным почерком, своим пониманием игры, своими взглядами на тактические эволюции. Он решительно ломал все старое, косное, мешавшее развитию игры, а потому почти всегда был в какой-то скрытой, а иногда выходявшей наружу оппозиции к тем тренерам, которые ограничивали его возможности и слишком уж придерживались «тактических законов», слепо копируя другие команды.

Будучи лидером, он прекрасно взаимодействовал со своими партнерами по атаке и полузащитниками, вел коллективные действия, перемежал их в нужный момент индивидуальными прорывами на выгодную позицию. Такая игра была ему по душе, и он совершенствовал ее. Во всей этой блестящей и как будто механической динамике чувствовался необыкновенный энтузиазм».

Если в этих строках заменить имя и фамилию на «Петр Мшвениерадзе», а слово «футбол» на «водное поло», истина не пострадала б ничуть.

Спорт занимает все больше места в жизни Како Мшвениерадзе. Спорт дарит ему неповторимое чувство остроты бытия, а с ним и стремление к цели, пусть сам юноша пока и не примеривается к ее высотам, не грезит большими победами в лучших бассейнах мира. Еще не знает он даже того, что скоро отзвучит для него последний выстрел стартового пистолета, а стрелки секундомеров станут отсчитывать лишь время ватерпольных матчей. Тем не менее он все больше подчиняет свою жизнь и суть спорту. Важно, что он отнюдь не обольщается, не упивается силой и здоровьем: «Природа дала мне кое-что, но я должен взять у нее вдвое больше». Если раньше Како занимался

во дворе ежедневно по полчаса, то теперь вдвое дольше. Он придумывает для себя все новые специальные упражнения, развивающие определенные группы мышц. Его снарядом становится и легкоатлетическое ядро. Только он его не толкает, как легкоатлеты, а метает, как... нет, он пока не хочет даже самому себе сознаться в том, что имитирует именно броски по ватерпольным воротам. Он считает, что развивает силу.

Как-то известный тбилисский тренер по легкой атлетике Владимир Лаккербай показал Како основные движения в метании молота. Како взял этот семикилограммовый снаряд и отправил его в такой полет, что не поверивший глазам своим Лаккербай схватил молот и побежал искать весы, а потом долго уговаривал Мшвениерадзе никогда не подходить к воде, предпочесть ей навсегда сектор для метания.

Кстати, попробуем разобраться: каковы оптимальные исходные данные классного молотобойца? Крупное телосложение, длинные руки, большая физическая сила, причем не культуристско-статическая, а взрывная, импульсная, динамическая. Особенно важна сила мышц ног. Всем этим требованиям наилучшим образом отвечал Мшвениерадзе. В общем, можно посочувствовать Лаккербаю, а в его лице и всей легкой атлетике.

Однако для Како наступила пора окончания школы, а точнее, одиннадцатого класса — такова в те годы была учебная программа в Грузии. Предстояло решать, кем быть дальше.

Глава 4 ПРОЩАЙ, КАКО!

Через много лет, объясняя, почему Мшвениерадзе выбрал профессию юриста, некий газетчик напишет, что Петр, мол, с детства увлекался чтением детективных романов, восхищался их героями — следователями и сыщиками, особенно Шерлоком Холмсом, старался предугадать развитие действия и развязку. Бомбардир, прочитав это о себе, не возмутился. А встретив того газетчика, улыбнулся и сказал:

— Спасибо вам. Приятно узнавать о себе новое и интересное.

Все же журналист был прав в одном: в выборе Петром профессии литература сыграла важную роль. Но иная, нежели детективная. Например, изданные речи знаменитого русского адвоката Федора Плевако. В них изумляла Петра блестящая логика, ход рассуждений, острая игра ума. Не будем пытаться искать связи, строить нарочитые параллели между игрой спортивной, которой посвятил много лет жизни наш герой, и той игрой ума, что увлекла его уже профессионально. Однако всегда и во всем Петра интересовал поиск нестандартных решений, что характерно для людей незаурядных.

Читатель, возможно, заметил, что автор оставил некоторую вольность, которую до сих пор позволял себе по отношению к своему герою, называя его детским именем Како. Отныне автор считает необходимым обращаться к вполне уже повзрослевшему герою только по его официальному паспортному имени. Итак, прощай, Како, и здравствуй, Петр!

Петр знал, что поступать в университет будет нелегко, что его успехи в бассейне приемную комиссию заинтересуют не больше, чем, скажем, размер обуви абитуриента. Впрочем, сравнение вряд ли удачное, потому как сорок седьмой размер ноги абитуриента Мшвениерадзе удивил бы кого угодно.

Но шутки в сторону, во всяком случае, в сторону от экзаменаторов. Тбилисский государственный университет — слишком серьезное учебное заведение. И не только не просто серьезное, но преисполненное духа степенности и почтения к ее величеству науке. Взять, казалось бы, такую стороннюю от учебы сферу, как музыка. По всем вузам Тбилиси волной тогда пошло увлечение джазом. Всюду образовывались джазовые коллективы. Но только не в университете. Здесь незыблемым и святым оставалось преклонение перед Чайковским, Шопеном, Григом, Бетховеном, Бахом. И уж никак не перед Гленном Миллером. Симфонический оркестр университета был его славой и гордостью. Конечно, гордился университет и своими

спортсменами. Но только когда они преуспевали в своем основном деле — в учебе.

Тридцать человек на одно место — таков был конкурс на юридический факультет в то жаркое лето 1947 года. С раннего утра Петр садился за письменный стол, потом шел на тренировку. После обеда ложился на диван и полностью отключался. Ровно десять минут он спал, больше не позволял себе. Снова садился к столу. Через четыре часа вставал и выходил на полчаса во двор. Всего полчаса упражнений вместо привычного часа. Однако нужно было успеть выполнить всю намеченную программу. Значит, вдвое повысить плотность, интенсивность занятий, делать упражнения вдвое быстрее. Тридцать минут — и снова за стол.

Однажды его товарищ по секции Тенгиз Мдзинаришвили, проходя мимо дома 68 по улице Камо, решил заглянуть к Петру на огонек. Поднялся на второй этаж, постучал — никто не отозвался. «Может, уже спит?» — подумал Тенгиз. Взглянул на часы — половина двенадцатого. Однако, услышав шорохи за дверью, все-таки приоткрыл ее. Петр сидел у настольной лампы и что-то писал, чуть слышно нашептывая. Причем Тенгиз обратил внимание на то, что в талии Петр туго перетянул себя полотенцем.

— Здравствуй, Како! — сказал Тенгиз. — Извини, если помешал.

— Здравствуй, — не отрывая глаз от листа бумаги, ответил абитуриент. — Ничего, садись.

— Я просто шел мимо, решил заглянуть. Слушай, Како, а для чего ты перехватил себя полотенцем?

— Это чтоб глаза ночью сами не закрывались.

— Странно, я про такое никогда не слышал. Хорошо помогает?

— Я тоже никогда не слышал, сам придумал. Мне помогает.

— Но ведь так трудно даже дышать.

— Дышится немного трудновато, это правда. Зато легко думается.

Через пять лет Петр получил диплом юриста. Получит перед самым началом Олимпийских игр в Хельсинки, в период напряженнейших тренировок. Тем явит он пример далеко не типичного спортсмена-студента. Все эти годы он будет стремительно и неуклонно восходить по лестнице спортивных успехов, однако это не помешает ему столь же неизменно являться к сроку на каждую сессию и всегда сдавать ее, не оставляя долгов и хвостов. И окончит он учебу в числе лучших на своем факультете.

В 1947 году студент первого курса Мшвениерадзе никуда из

Тбилиси решил не выезжать — надо было включаться в учебу. Так что перевернем сразу несколько листов ежегодника...

Летом следующего года на матче пловцов Закавказских республик он занял свое законное первое место на дистанции 100 метров брассом. Здесь же проводились зональные соревнования на Кубок СССР по водному поло. Сборная Грузии победила команду Азербайджана — 6:0 и Армении — 5:0. Вскоре Мшвениерадзе отправился в Днепропетровск на чемпионат СССР по плаванию. На той же дистанции — 100 метров брассом — он попал в финал, где пропустил перед собой знаменитых Бойченко и Мешкова и какие-то крохи проиграл тоже известному пловцу Р. Абязову. У Петра почетное четвертое место среди сильнейших пловцов страны и личный рекорд—1.14,1. (Отметим при этом температуру воды — всего 17 градусов.)

Осенью в составе тбилисского «Динамо» Мшвениерадзе едет в Баку (опять в Баку!) уже на ватерпольный чемпионат страны. Команда неровная, но преисполненная огромного желания продемонстрировать хорошую игру. Физическое состояние и технический уровень товарищей по команде заставляют лидера тбилисцев играть по всему полю, двигаться, бороться за мяч, бить по воротам — все на пределе сил. Возможно, поэтому пока он не так опасен и ярок. И тем не менее его игра уже отмечена специалистами, и некоторые из них как бы между прочим подолгу беседуют с Петром после матчей.

Тбилисцев не выбило из колеи поражение от ленинградцев — 0:3, раньше их встречи с сильнейшими заканчивались куда печальнее. С армейцами Москвы они сыграли уже почти на равных. Правда, в матче со столичными торпедовцами выглядели значительно беспомощнее — мастерства не хватало, да и подустали тбилисцы уже к той игре, потратили много сил. И все же пятое место среди лучших было очень почетно. Даже газета «Советский спорт» признала этот результат большим успехом тбилисского «Динамо».

В первые послевоенные годы бесспорными лидерами нашего водного поло были две команды — ЦДКА и московское «Торпедо». Они редко проигрывали другим, а итоги их очных поединков были обычно непредсказуемы. Каждая команда пылливо искала свою игру, создавала все новые тактические ходы, приемы, хитрости. От них во многом и зависели результаты каждой очередной встречи между лидерами. На чемпионате СССР 1946 года армейцам противостояли мощные торпедовские защитники Виталий Ушаков, Леонид Мешков, Иван Штеллер, которые вместе с нападающими представляли собой хорошо

сыгранный, согласованный коллектив. Но команда ЦДКА разработала и применила новую тактику, сводившуюся к тому, что игроки защиты, меняясь местами, блокировали нападающих противника лишь тогда, когда те занимали позиции, с которых можно было бить по воротам. В иных ситуациях армейские защитники не опекали торпедовских нападающих. Такая тактика позволила трем армейским защитникам удерживать четырех торпедовцев. Армейцам это неплохо удавалось, в результате чего их лишний игрок создавал численный перевес в атаке, что и обеспечило успех.

Однако и торпедовцы искали свою контригру. Прежде всего, они еще более повысили надежность действий своей защиты и стали переходить в атаку лишь в самые благоприятные моменты. Вместе с тем их нападающие Соколов и Простяков значительно улучшили технику владения мячом, и особенно бросков по воротам. Николай Простяков стал выполнять молниеносный удар, причем с воздуха — сразу же после приема мяча. Центральный нападающий Валентин Соколов отработал технику навесного и прямого точного удара. Появился в его арсенале и еще один новый и сложный по тем временам прием: находясь спиной к воротам, он получал пас, затем мгновенно, не опускаясь в воду, разворачивался и бил.

В 1947 году торпедовцы оказались сильнее. Казалось, и следующий сезон не изменит соотношения сил. Но армейцы пошли на новые тактические поиски. Они распространили принципы зонной игры не только на своих защитников, но и на нападающих, причем зоны распределили в соответствии с индивидуальными особенностями игроков. Так, Василий Казаков, обладавший хорошей техникой завершающего удара с места, играл в непосредственной близости от ворот противника. Владимир Кузнецов, умевший бить со значительного расстояния, должен был играть в удаленной от ворот зоне. В его задачу входило также руководство действиями нападающих. Молодому и энергичному Александру Ефимову вменялось в обязанность маневрировать на определенном удалении от ворот соперника и служить связующим звеном между своими защитниками и нападающими. По такому же принципу были распределены функции между защитниками армейской команды, которые должны были блокировать игру нападения противника и использовать смену мест лишь в исключительных случаях.

Эти изменения привели к такому результату встречи между ЦДКА и «Торпедо», который многим показался неожиданным. На весьма популярных и престижных в то время соревнованиях — чемпионате Москвы 1948 года армейцы разгромили автозаводцев,

забив в их ворота четыре мяча и пропустив лишь один.

Оставалось еще целых три года до первого прикосновения советского водного поло к мировому — до приезда в нашу страну сборной команды Венгрии, признанного лидера в этом виде спорта. А пока наши ватерполисты росли и крепили сами по себе, не перенимая чужого опыта, попросту не зная его. Но уже тогда, как можно видеть, на водных площадках разворачивалась борьба игровых принципов и идей. Утверждались или отменялись тактические и технические новинки. Появлялись другие. Шел поиск. Водное поло завоевывало все больше сердец — спортсменов и зрителей. Ну а Петр Мшвениерадзе тем временем неспешно приближался к окончательному выбору — к игре, все более привлекая к себе внимание лучших специалистов.

Говорили о его необыкновенном позиционном чутье, самобытной технике, о его удивительной «непотопляемости», в основе которой, несомненно, была огромная сила ног.

Как-то в Москве, на первенстве Центрального совета «Динамо» ему случайно довелось услышать разговор о себе тренера московского «Динамо» Абрама Петровича Гильда с Виталием Ушаковым.

— Из этого парня может выйти отличный вратарь, — сказал Гильд. — Сильные ноги и отличная реакция.

— Нет, он уже сложившийся полевой игрок, — возразил Ушаков. — Силен, быстр, эластичен, координирован.

Московские и ленинградские тренеры уже не раз заговаривали с Петром о переезде из Тбилиси. Петр и сам понимал, что как ни любит он свой город, как ни тяжела разлука с семьей и друзьями, надо решаться. Ежегодная длительная оторванность от бассейна будет давать себя знать теперь все более остро и болезненно. Занятия в бассейне уже не заменишь кроссами, тренажерами, нарисованными на щите воротами, водными лыжами, байдарками, коньками. Все это — хорошее и нужное подспорье, но не более.

Приближалась зима 1949 года. Он думал о том, что скоро придется снова «сохнуть» полгода, а потом в мае или в лучшем случае в апреле восстанавливать все накопленное за прошлое лето. Еще свежа была в памяти минувшая весна, первые тренировки на воде, в которых с трудом восстанавливались навыки и острота мышечного чувства. Сколь ни истязал он себя зимой общефизической подготовкой, почувствовал себя в форме лишь во второй половине июня, то есть уже в разгар сезона.

...Ученик и тренер стояли у бортика бассейна, невесело глядя на воду, ершисто подрагивавшую от порывов холодного ветра. Уже давно клонилась к закату осень, лишь изредка напоминая о

себе прорвавшимися сквозь тяжелые облака лучами солнца. Давно никто не купался в Куре, жизнь в бассейне еще немного потеплится и тоже сникнет.

— Так что же делать? — в который раз спросил Петр Луку Александровича.

— Я думаю, ты уже сам все решил, — вздохнул Иоакимиди. — И правильно решил. Нужно уезжать, другого выхода нет. Ты станешь большим спортсменом, выдающимся ватерполистом. Наверно, лучше всего тебе будет в московском «Динамо». Там хороший и сильный коллектив. Да и сам ты тоже динамовец.

Итак, главное было решено. Но сколько проблем оставалось в Тбилиси. Прежде всего, университет. Нет, он не хочет учиться нигде, кроме родного Тбилисского университета. Нужно сделать все, чтоб остаться его студентом. Конечно, понимал Петр, теперь будет намного труднее, ему предстоит постоянно приезжать и наверстывать упущенное. Что ж, придется еще туже перетягивать себя полотенцем. И еще — Нателла...

Автор не может простить себе того, что до сего момента не ввел ее в состав действующих лиц своего повествования. И дело даже не в том, что Петр и Нателла уже не первый месяц знакомы, а в том, что ей суждено сыграть весьма важную роль в судьбе нашего героя, хотя, конечно, он и она пока того знать не могут. А начиналось все примерно так.

Эту девушку с филологического факультета Петр заметил давно, очень давно. Встречая ее на лестнице, в коридоре, в университетском саду, всегда останавливался и подолгу провожал взглядом. Потом стал провожать домой, стараясь оставаться незамеченным ею. Он уже наизусть знал, где, когда и в каких аудиториях у Нателлы лекции и семинарские занятия. Знал в лицо всех ее преподавателей и подруг.

Его друг Гия Абзианидзе стал замечать, что Петр часто бывает молчалив и задумчив, не сразу отвечает на вопросы. А когда внимательно присмотрелся и понял, в ком и в чем дело, удивился:

— Э-э-э, кацо, бедный кацо. Такой красивый и такой робкий. Ничего и никого не боялся, а тут с ног до головы испугался. Ну ладно, у меня есть ребята с филологического, хочешь познакомим?

— Не надо, не хочу. Обойдусь.

— Значит, не хочешь познакомиться с девушкой?

— Не твое дело... Очень хочу. Сегодня же познакомлюсь. Сам. Через десять минут у нее кончается лекция, пойду и

познакомлюсь.

— Ну, дай бог тебе силы, сынок, — продолжал веселиться Гия, — Если голова закружится, позови на помощь, я отвезу тебя домой или «скорую» вызову.

Звонок. Первые группы студентов-филологов стали выходить из аудитории. «Все, — сказал себе Петр, — отступить дальше некуда. Сейчас или никогда».

— Простите, одну минуточку, — Петр не узнал своего голоса.

Нателла с удивлением обернулась:

— Вы меня?

— Да, вас, Нателла... то есть, девушка... Я хотел вас спросить...

Боже, он забыл, что собирался сказать. Все кончено, сейчас она усмехнется, а он больше никогда не осмелится к ней подойти.

— Так о чем вы хотели меня спросить?

— О чем хотел?... Простите, я хотел вас спросить о том... что меня зовут Петр...

И ей стало просто жалко этого верзилу. Так он получил право носить ее портфель.

Прошло несколько дней, в один из которых Петр, как обычно, поджидал Нателлу после занятий. Они спустились в вестибюль и вышли в сад — знаменитый сад Тбилисского университета. Это был сад-гордость, сад-святыня. Здесь было не принято громко разговаривать, бегать, даже быстро ходить. Здесь каждый кустик, если не каждая травинка, были взлелеяны годами трудов, а каждый камень освящен памятью выдающихся деятелей грузинской науки. И как Петр мог забыть об этом? Видимо, совсем потерял голову. Или, может быть, он старался хоть как-то скрыть волнение, снять с себя это предательское напряжение, показаться непринужденным, легким. Иначе чем объяснить это странное предложение:

— Давайте сядем на травку, Нателла. Здесь тень, а кругом так жарко.

— Как сядем? Если кто-нибудь увидит, нас с вами исключат из университета.

Видимо, только после этих слов он опомнился. Но что теперь делать? Не отступать же! Оставалось лишь показать, что он ничего не боится. И никого. Даже самого ректора, грозного и всемогущего академика Кецховели.

Что ж, Нателле тоже не к лицу было бояться. И они уселись. Некоторое время молчали, видимо переводя дух от собственной смелости. И вдруг, скосив взгляд на Петра, Нателла увидела, что лицо его сделалось белей полотна. В каких-нибудь двадцати шагах от них стоял ректор.

Много лет руководил Николаи Николаевич Кецховели Тбилисским университетом. Блестящий ученый-ботаник, замечательный педагог, он был окружен атмосферой благоговейного почитания. О строгости его и бескомпромиссности передавались легенды — из уст в уста, из поколения в поколение. И очень мало кто знал о мягком и добром характере академика. Впрочем, он и сам не любил этого показывать.

Студента Мшвениерадзе академик Кецховели знал, так как сам немало интересовался спортом и к спортсменам относился с пристальным и строгим вниманием. Николай Николаевич рад был, что у этого парня нет никаких академических задолженностей, хотя знал, как ему нелегко, ведь часто приходится уезжать из Тбилиси. Он понимал, что Мшвениерадзе времени в этих разъездах даром не теряет, но на всякий случай однажды сказал ему:

— Если учеба начнет хромать, то придется тебе выбирать между поездками и учебой, помни это.

Тот разговор состоялся недели за две до описываемого эпизода — как раз после баскетбольного матча на первенство университета, где Петр выступал за команду своего факультета, а ректор, как всегда, болел за всех.

Петр искренне удивился, ведь повода для такого разговора не было. Он не знал, что особенно строг и придирчив Кецховели к своим любимцам.

И вот теперь студент Мшвениерадзе и студентка Гогоа сидели в университетском саду на траве. И надо ж было тому случиться, чтобы в этот момент в сад вошел сам ректор.

Кецховели, окруженный группой людей, видимо гостей университета, стоял в этот момент спиной к Петру и Нателле и что-то объяснял своим спутникам. Сделав широкий жест рукой, он повернулся и... осекся на полуслове. Некоторое время он смотрел прямо в глаза Петру. Петр не опускал глаз и не отводил их в сторону. Кецховели резко повернулся и как ни в чем не бывало продолжал свой рассказ, а потом увел группу из сада.

Ничего Нателла не могла понять, но посмотрела на Петра оценивающе. «Что-то в нем есть», — подумала она.

Теперь они встречались каждый день. Гуляли по городу и университетскому саду (правда, на траву уже не присаживались), ходили в кино. В общем, проводили время так, как это делают двое молодых, симпатичных друг другу людей, которым вскоре предстоит самым серьезным образом выяснить свои отношения и намерения.

Нателле понравились друзья Петра, особенно Гиви Дзагания

и Гия Абзианидзе. Она вслед за ними тоже стала называть его Како, от чего он, кажется, еще больше таял. Иногда она вместе с теперь уже общими друзьями ходила в бассейн, если там выступал Петр. Сам же он не очень любил, чтобы Нателла сидела на трибуне. Знал, как она за него переживает, и ему было неловко. Потому, видно, в эти моменты у него все получалось хуже, чем обычно.

Нателла выйдет замуж за Петра Мшвениерадзе, родит ему двух сыновей, которые станут знаменитыми ватерполистами. Всю свою жизнь Нателла посвятит мужу и детям, сознательно принеся на алтарь их жизненных и спортивных успехов свою профессию. И в том, чего достигнут муж и сыновья, будет огромная доля ее труда, любви, заботы, терпения. Даже через тридцать лет Нателла Силовановна будет помнить буквально всех игроков, с кем или против кого играл ее муж, безошибочно называть результаты давних-предавних матчей. Вслед за мужем она будет стыдить Нугзара за его нерадивость на первых порах занятий спортом. И вообще всегда доказывать детям правоту отца, утверждать перед ними его авторитет. Ей выпадет трудная доля быть женой и матерью больших спортсменов, людей сложных, противоречивых, как большинство сильных личностей. Она будет жить их радостями и печалью. Но сама никогда не будет ходить на игры. «Не женское это дело», — скажет она однажды мужу. А он поймет. И ответит: «Ты права».

Однако не будем опережать течение событий. Пока Петр даже не жених Нателлы, а лишь друг, который впервые в жизни приглашен в ее дом — на день рождения. Нателле исполняется девятнадцать лет. Опять волнуется Петр. Еще бы — ему предстоит явиться пред очи родителей, о строгости которых он так много наслышан.

Кто не возденет мечтательно глаза, услышав всего лишь два слова — «грузинская кухня»? Кто не придет в восторг от огненного супа-харчо и нежной чихиртмы, пикантных чижипыжи, хрустящих цыплят-табака с ткемали, от индейки в ореховом соусе — сациви, от кахетинских чакапули из молодого барашка в чуть кисловатом соку из алычи и вина, от тающей во рту осетрины на вертеле да еще под гранатовым соусом? Ну и конечно, от покрытого нежной зеленью и неувядающей славой шашлыка из барашка? Разве найдется человек, равнодушный ко всем этим кулинарным шедеврам?

А если и найдется, то этот человек наверняка не грузин, не так ли?

Однако стоп, друзья, переведем дух. Такой человек нашелся, И оказался грузином. Это он, все тот же герой нашей книги Петр

Мшвениерадзе, юноша, который ухаживает за Нателлой Гогуа с филологического. Только боже упаси нас подумать, будто он почитает грузинскую кухню меньше, чем мы с вами. Нет, конечно, иначе почему он такой большой и сильный? Он любит все национальные блюда, кроме самого главного — шашлыка из барашка. И в том, что он никогда больше в жизни не возьмет в рот и кусочка этого замечательного кушанья, виновата, увы... Нателла. А дело вот в чем.

Собираясь на день рождения, Петр так разволновался, что даже не сразу смог застегнуть пуговицы на рубашке. Зашедший за ним Гия Абзианидзе, видя такое, сказал:

— Хочешь стать сразу хладнокровным? Я знаю рецепт. Скажи только, что хочешь.

— Очень хочу. Говори рецепт.

— Нужно скушать много-много шашлыков. Двенадцать порций — в самый раз будет. Все как рукой снимет.

— Двенадцать — много, Гия, двенадцать я не съем.

— Не съешь, тогда волнуйся на радость папы и мамы Нателлы.

— Хорошо, я согласен, но где взять столько денег?

— Для святого дела денег не жалко, друзья тебе помогут.

После шестого шашлыка Петр почувствовал, что больше не может. Тогда он стал вспоминать самые трудные эпизоды из своей жизни, когда приходилось терпеть, но преодолевать. Вспомнил тот кросс в Баку. На половине дистанции у него уже не оставалось сил. Однако добежал! Теперь позади тоже была лишь половина дистанции. Он продолжил борьбу: любовь творила чудеса.

Через час он финишировал, поклявшись никогда больше не есть не только шашлык, но и вообще баранину.

Ему понадобилось время, чтобы прийти в себя, и потому на день рождения они с Гией немного опоздали, что вызвало некоторое недоумение у родителей Нателлы. Однако в остальном все сложилось хорошо. Вместе с Гией они принесли преогромный торт на фанере. Все веселились, все смеялись и пели. Угощения, конечно, не отличались тем разнообразием, которым мы недавно восхищались. Другие пока что были времена. Однако по небольшой порции шашлыка всем преподнесли. У нового друга Нателлы от запаха баранины закружилась голова, он выбежал подышать свежим воздухом.

И вина этот юноша тоже не пил. Совсем не пил. Нателла решила, что причиной тому спортивный режим. Отчасти она была права. Однако воздержанность он сохранил на всю жизнь, даже когда ушел из спорта. Веселый и общительный, Петр Яковлевич

всегда был заводилой в компаниях и застольях. Его часто избирали тамадой, признавая тем самым его добрый юмор, общительность, житейскую мудрость. Грузинское застолье всегда сопровождается шутками, соревнованиями в стихосложении и танцах, его украшают национальные песни, музыка, цитаты и афоризмы из произведений грузинских поэтов и писателей. И вершит всем этим действием тамада с бокалом, кубком или рогом вина. Наш герой был и остался прирожденным тамадой. При этом одного бокала ему обычно хватает на весь вечер.

1949 год. Петр Мшвениерадзе, теперь уже в составе московского «Динамо», едет в Баку на Кубок СССР.

В финальном матче динамовцы встретились с бесспорным фаворитом — чемпионами страны московскими торпедовцами.

Кто мог бы предсказать их поражение, когда в команде такие личности, как Виталий Ушаков, Леонид Мешков, Иван Штеллер, Николай Простяков, Борис Гойхман, Валентин Соколов? К тому же во все послевоенные годы, вплоть до этих соревнований, встречи между «Торпедо» и «Динамо» неизменно заканчивались победами автозаводцев.

Торпедовцы начали матч спокойно, в их действиях читалась уверенность в том, что они забьют столько, сколько сочтут нужным. Мшвениерадзе пока относительно свободен, хотя защита соперника держит его на доступном для себя удалении — все-таки темной лошадкой новобранца из Тбилиси уже не считают, а потому за ним надо приглядывать.

Но вот торпедовский вратарь Гойхман в спокойной ситуации забирает мяч. Метрах в четырех перед ним Мшвениерадзе, а за его спиной — торпедовский защитник Штеллер. Сейчас Гойхман перебросит ему мяч через голову Мшвениерадзе, и Штеллер начнет атаку.

Итак, пас своему — ватерпольный е2 — е4. В этот миг из воды резко и высоко вздымается мощный торс новобранца, Мшвениерадзе перехватывает мяч и, не опускаясь в воду, вонзает его в ворота Гойхмана. Редчайший случай, никто потом не мог припомнить ничего похожего.

Торпедовцы явно удивлены — но не голом, а приемом. Лучший вратарь страны допустил такую оплошность! Впрочем, оплошность ли? Он направил мяч своему игроку по тысячекратно выверенной траектории. Простейший бросок — и каков результат?

Автора первого гола начинают держать плотнее, и несколько направленных ему пасов до адресата не доходят.

Но вот прервана очередная атака динамовцев, и в результате

быстрой контратаки Простяков сравнивает счет.

Вскоре в ходе групповой схватки у ворот «Торпедо» мяч взлетает вертикально в воздух. Чьей добычей он станет? Высоко взмывший Мшвениерадзе дотягивается до него первым и хлестким, почти волейбольным ударом выводит свою команду вперед.

Автозаводцы уже играют с полной отдачей сил. Они поняли, что так можно и проиграть. Два раза пытается прорваться к воротам Ушаков, на третий раз это ему удается — 2:2.

Второй период Мшвениерадзе чуть отходит назад, словно усыпляя бдительность противника. Однако торпедовские защитники теперь уже не спускают с него глаз, а нередко и рук. Благодаря этому получают большую свободу действия одноклубники Петра, и Крылов увеличивает счет до 3:2 в пользу динамовцев. Но тут же Ушаков вновь выравнивает результат — 3:3.

Истекает основное время матча. Ничья исключается, скорее всего, придется играть добавочное время, ведь это кубковая встреча. Но, участвуя в трехходовой комбинации, Петр Мшвениерадзе обманным движением ускользает от наседающего защитника, вновь высоко выпрыгивает, его уже ждет мяч, точно поданный Крюковым, и в четвертый раз трепещет сетка ворот чемпионов страны. Но не обладателей Кубка. Дебютант становится героем победного матча. Три гола из четырех — на его счету. Так он ворвался в ватерпольную элиту.

Тем же летом в Москву приехали чехословацкие пловцы и ватерполисты. Сборная Чехословакии по водному поло всегда была командой средней руки, ярких побед не имела, а потому против нее наши выставили не сборную СССР, а ленинградскую команду Военно-Морских Сил, которая, кстати сказать, осенью того же, 1949 года стала серебряным призером чемпионата страны. При этом по согласованию с руководителями чехословацкой делегации в команду ленинградцев включили и Мшвениерадзе. Так что этот матч тоже стал для него дебютным, на этот раз уже на международном уровне.

7:2 в нашу пользу — так закончилась игра. В нашей команде по одному голу забили В. Китаев и В. Попов. А все остальные — Петр Мшвениерадзе.

Наверное, следовало ожидать, что сживаться с новым коллективом Петру будет непросто. Но московские динамовцы сразу приняли новичка. Тренер команды Абрам Петрович Гильд и все игроки увидели в нем не лихого удальца, прибывшего покорять Москву, а крепкого и вдумчивого трудягу, обстоятельного во всем, даже в том, что иными не принималось

во внимание. Шутка ли, человек плотно обедает за сутки до матча, затем не ужинает, а завтракает как средней величины птичка — и это при ста килограммах собственного веса! Жидкость он потребляет с расчетливостью борца или штангиста, которому перед выступлением предстоит пройти взвешивание. «Зачем все это? — спрашивали его — Мы же обходимся без такого самоистязания». А он простодушно отвечал, что, мол, иначе хуже себя чувствует, а значит, и играет хуже.

На самом же деле все обстояло несколько сложнее. Буквально с самого начала систематических занятий спортом Петр подспудно, а потом все более осознанно учился слушать свой организм, изучая его, оценивая реакции на те или иные формы нагрузок, искал наилучшие средства подведения себя к соревнованиям, приходя подчас к неожиданным, а потому и непонятым для других заключениям.

Как подготовить себя к игре? Как добиться наилучшего физического и психического состояния именно к началу матча? Петр позволил себе усомниться: нужна ли пловцу и ватерполисту разминка? И если нужна, то как и в каком объеме ее проводить? Мнения на этот счет были самые разные, а нередко и противоположные.

Иные разминались, проплывая в четверть силы метров сто, а то и пятьдесят, затем выходили из воды и долго отдыхали. Кто-то считал, что перед игрой нужно непременно поесть картошки. Известный венгерский пловец и ватерполист Кадар тонизировал себя... кружкой пива. Не менее известный спортсмен Леонид Мешков, приходя в бассейн на соревнования, на второй этаж в раздевалку поднимался несколько минут, отдыхая на каждой ступеньке. Он берег силы.

Ну а Мшвениерадзе вывел для себя такую форму подготовки: разминаться нужно очень интенсивно и долго. Выполнить много подготовительных упражнений сначала на суше, а потом в воде, проплыть несколько отрезков в полную силу. После разминки он шел в душ, тщательно тер руки намыленной мочалкой — это уже был элемент скорее психологического настроя, хотя сам Петр считал, что в таком случае пальцы чувствуют мяч более тонко.

Он также установил, что должен являться на игру скорее вялым, сонливым, нежели взведенным, как пружина. Когда же бывал возбужден, то ему требовалось немало времени, чтобы поймать и почувствовать свою игру. Это был его опыт, его, как теперь принято говорить, «алгоритм», приемлемый для его физиологии и психики, хотя кое-что из этого опыта перенимали другие спортсмены уже в ту пору, а позже многие из его открытий были подтверждены наукой. В частности, он был прав в

отношении интенсивности разминки. Тактика «экономии сил» Леонида Мешкова оказалась абсолютно нежизнеспособной — к этому выводу пришел и сам выдающийся спортсмен, потом он уже не рекомендовал ее своим ученикам.

Пытаясь как можно точнее определить собственный «алгоритм», Мшвениерадзе не только осмысливал личный опыт, но и внимательно наблюдал за другими спортсменами.

Как-то в Тбилиси во время чемпионата СССР по легкой атлетике он разговорился с победителем первенства Европы в беге на 200 метров Николаем Каракулевым, который, несмотря на сильную жару, разминался в двух теплых тренировочных костюмах. Причем очень интенсивно.

Каракулов рассказал ему о появлении особого мышечного чувства в результате такой изнуряющей разминки. «Это чувство нужно поймать до старта, — пояснил он. — Оно появляется лишь тогда, когда мышцы пылают».

Своему опыту интенсивной разминки Петр получил подтверждение и позже — на Олимпиаде в Хельсинки. Американские баскетболисты, разминаясь перед финальным матчем, который им предстояло провести с нашей сборной, устроили настоящий боевой микроматч в одно кольцо и вышли на игру совершенно мокрыми.

В 1953 году во время фестиваля молодежи и студентов в Будапеште советская ватерпольная команда ехала на матч в одном автобусе с боксерами. Рядом с Петром сидел Гиви Дарбайсели, которому в тот день предстоял бой с знаменитым венгром Ласло Паппом. Гиви казался совершенно безмятежным. Он шутил, смеялся, причем отнюдь не нервным смехом. Гиви уверял своего земляка, что непременно победит Паппа. Петр, конечно, пожелал Гиви успеха, однако своим ребятам сказал:

«Он проиграет сегодня. И не потому, что Папп великий боксер, а потому, что Гиви морально не готов к бою». Так оно и оказалось — во втором раунде бой был прекращен ввиду явного преимущества Паппа.

Однако, возразят автору, известны случаи, когда такое же безмятежное предстартовое состояние оборачивалось победой. Верно, и Мшвениерадзе это знал. Но все дело в том, что людей с одинаковой психикой не существует. Потому-то так важны для каждого спортсмена интуиция, самопознание. И Мшвениерадзе не ошибся только потому, что, достаточно зная себя и других, сумел прочувствовать человека, с которым к тому же вырос под одним солнцем.

Жаль только, что он ничем не мог ему помочь.

Петру Мшвениерадзе было суждено в течение четырнадцати

лет оставаться капитаном московского «Динамо» и десяти — сборной команды страны, вести за собой людей. Эта высокая обязанность была признанием и подтверждением особых спортивных и личностных достоинств Петра Мшвениерадзе. Одно из них и, может быть, важнейшее — это умение понимать и чувствовать человека.

Итак, личные качества новичка московские динамовцы оценили. Что же касается игры, то, казалось, он только и ждал, когда рядом с ним окажутся такие мастера, как Николай Крюков, Алексей Пустяков, Лев Пущинский, Иван Пипаичев, чтобы взорваться игрой настолько яркой, мощной и самобытной, что пришлось срочно перестраивать под нее действия всей команды. Существо их заключалось прежде всего в оригинальном использовании отличных физических качеств, высокой, устойчивой посадки в воде и великолепной ударной техники Мшвениерадзе. Так родилась схема игры, получившая название **«тактика со столбом»**.

Суть ее была такова. Центральный нападающий Мшвениерадзе располагался непосредственно перед серединой ворот противника. Кто-то назвал игрока, занимающего такую позицию, по-баскетбольному — **«столбом»**. Так это слово и утвердилось, стало ходовым термином. Второй нападающий находился немного сзади, а справа и слева от него — два полузащитника. Двое игроков защитной линии оставались на своих обычных местах.

Чтобы не позволить противнику во время своей атаки плотно опекаать игроков, динамовцы постоянно менялись местами, совершали быстрые и неожиданные рывки, так или иначе сводя все действия к одному — дать удобный и своевременный пас своему «столбу», который и должен был завершать комбинации ударом по воротам. Что Мшвениерадзе и делал.

Но вот атака срывалась, мяч переходил к сопернику, динамовцы стремительно неслись к своим оборонительным позициям. Мшвениерадзе при этом возвращался медленнее других, готовый в любой момент вновь примчаться на свою ударную позицию. Сила бомбардира, его «непотопляемость» были столь велики, что он мог обходиться без финтов и прочих хитростей и все равно переигрывать защитника, какой борцовский прием тот бы ни применял. И стала привычной такая картина: мяч летит на пятачок перед воротами, из воды навстречу ему вздымается облепленная соперниками фигура Мшвениерадзе, который неотразимо забивает гол.

Матч, о котором пойдет сейчас рассказ, заведомо не мог стать

историческим, потому что его исход не решал судьбу олимпийских наград, не определял победителя международного турнира. Этот матч не входил даже в программу чемпионата страны. И тем не менее он надолго остался в памяти поклонников водного поло. Остался как редкий по красоте спектакль одного актера.

В московском бассейне № 2 заканчивается турнир восьми сильнейших ватерпольных команд страны, собравший огромное количество зрителей. К этому последнему дню семь проведенных туров так и не выявили победителя, все команды сыграли друг с другом, а две из них — ВВС и московское «Динамо» — так отношений и не выяснили, вследствие чего был назначен дополнительный матч.

С первой же минуты выявилась основная игровая установка летчиков: нейтрализовать Мшвениерадзе, рвать его связи с партнерами, не давать им снабжать его мячами. С этой задачей они справлялись плохо, хотя постоянно оттягивали всех своих нападающих и отвлекались от организации наступления на динамовские ворота.

Правда, первые минуты проходили в равной борьбе. Но вот динамовец Василий Карманов, получив право на свободный бросок, посылает мяч в штрафную площадку летчиков, где ожидающий его Мшвениерадзе изящным переводом, едва коснувшись мяча, открывает счет. Это было сделано так, что никто не понял, как мяч оказался в воротах. Даже судьи, которые по этому поводу устроили долгое совещание.

Шло время, игра не возобновлялась, все нарастал шум на обеспокоенных трибунах, а судьи так и не могли прийти к единому мнению.

— Что же они там все-таки решают? — спросил Петра Карманов.

— Как всегда: а был ли мальчик?

— Ты знаешь, я даже сам не понял, как у тебя это получилось.

— Я тоже, — усмехнулся Петр. — Ладно, потом покажу.

Гол, однако, засчитали, игра была продолжена, и вскоре Мшвениерадзе мастерским броском правой рукой через левое плечо забил второй мяч в ворота команды Военно-Воздушных Сил.

Через несколько мгновений ситуация почти повторяется, на этот раз центральный нападающий динамовцев бьет левой рукой через правое плечо — и опять неотразимо.

После перерыва положение не меняется, динамовцы продолжают наступать, в результате чего лучший вратарь страны Борис Гойхман (перешедший недавно из «Торпедо») вынимает из

сетки четвертый мяч, посланный Мшвениерадзе. Все чаще теперь его блокируют два, даже три защитника. Отчаявшись, они уже просто толкают его, виснут на нем. Но частокол поднятых перед ним рук не выручает летчиков: бомбардир неизменно выпрыгивает выше и получает мяч.

Ясно, что команда ВВС уже проиграла матч, защитить свои ворота ей не удастся. И чтобы уже совсем не уронить свой престиж, армейские защитники начинают выходить вперед, пытаются организовать атаку. Семенов, не справившийся сегодня с опекой Мшвениерадзе, несколько раз оставляет его и рвется к воротам сам. Вспышка активности летчиков оказывается результативной, и Простякову (также недавнему торпедовцу) удастся сквитать один мяч, а затем Семенов едва ли не с центра поля сильно и точно бросает по динамовским воротам — 2:4.

И вновь у ворот ВВС хоровод, в центре которого главный герой матча. Опять вырастает он над всеми и, получив мяч, вабивает пятый гол.

Семенов, рискнув вновь на миг оторваться от Мшвениерадзе, доходит с мячом до середины поля, но дальше не решается. Он сильно бьет — штанга. Отскочивший от руки динамовского защитника мяч уходит на угловой. В результате его розыгрыша Николай Простяков изменяет счет — 3:5. На что Мшвениерадзе немедленно отвечает очередным голом.

Создавалось впечатление, что он задался целью довести матч до конца с достаточно уважительным для летчиков разрывом в три мяча. Во всяком случае, теперь на каждый их гол он тут же отвечает своим. И вот наконец последний обмен голами: Семенов забивает его издали, а Мшвениерадзе — из-под груди «неприятельских» тел. Итог — 7:4.

В этом матче наглядно подтвердилась догадка, что в советском водном поло появился безусловный лидер, игрок новой формации, нападающий, с которым трудно, если вообще возможно, бороться.

*Острый момент игры. Армейца В. Прокопова
Петр ощущал затылком*

Задача нейтрализовать Мшвениерадзе вызывала у большинства защитников других команд не меньшее уныние, чем попытка поймать солнечный зайчик. Динамовский лидер, находясь на своей ударной точке прямо перед воротами, не пытался даже хитрить, чтобы избавиться от защитника. Он как будто предлагал: вот я, делай со мной что угодно — и ты, и вся твоя компания, но я все равно исполню то, что хочу.

В общем, в ряды сторонников маневренных форм наступления был внесен явный разлад. Тогда, не видя спасения в защите, они срочно стали искать и выдвигать «столбов» А своих коллективах. И небезуспешно. Так в ЦДКА в новом амплуа стал неплохо играть Г. Пярон, в «Торпедо» — И. Григорьев. Однако

копии, как всегда, оказались хуже оригинала. Мшвениерадзе при всем своем огромном трудолюбии был прежде всего созданием природы. Удивительным и неповторимым.

Уже больше двадцати лет прошло с тех пор, как он закончил выступать, однако нет в нашем водном поло игрока, подобного Петру Мшвениерадзе, как нет в футболе второго Всеволода Боброва. Правда, серьезным оправданием нынешнему спортивному поколению служит то, что резко возрос общий уровень мастерства, а значит, и проходной балл в клан великих уж далеко не тот, что прежде. Если бы Полярная звезда при всей своей яркости состояла в «штате» Большой Медведицы, то одной знаменитостью на небе было б меньше, это точно. Но Полярная тем и дорога, что она звезда на фоне тусклых «лампочек».

Есть и еще одно «но». Нынешняя всеумеющая спортивная поросль вознеслась да простят меня за перефразирование Ньютона — «на плечах гигантов». А на чьих плечах вырос Мшвениерадзе? Ответа нет.

На чемпионате страны 1950 года команда Военно-Морских Сил из Ленинграда на борьбу с грозой всех защитников отрядила В. Дулинца, который при своей худощавости, да еще и низкой посадке в воде поначалу казался кроликом, брошенным в клетку леопарда. Но не в пример неудачливым предшественникам Дулинец предоставил бомбардиру позицию за своей спиной, а не наоборот. Ленинградцы поставили перед собой задачу прерывать все передачи, адресуемые динамовскому нападающему. И что же?

Соблюдение строжайшей игровой дисциплины, прекрасные действия Дулинца на перехватах мяча и своевременные смелые выходы вратаря ленинградцев сделали свое дело. Поражение москвичей на очередном первенстве СССР было сокрушительным — 1:5. Конечно, и Мшвениерадзе был в тот день не в ударе, а видя это, сникла и его команда. Да и ленинградцы были сильны как никогда — недаром стали они чемпионами страны. Но в любом случае было ясно показано, что новая динамовская тактика — не панацея, не гарантия безоблачной жизни, что и на этой «столбовой» дороге будут рытвины, ухабы, а то и яма, в которую сами авторы тактики и провалились.

Все большее распространение стала получать форма атаки «шестым выходящим», впервые примененная московскими динамовцами и ленинградскими военными моряками. На первых порах это выглядело так: двое защитников мчались параллельным курсом вперед, ставя тем самым задачу ввести в зону противника лишнего игрока и начать наступление, — дойдя до середины поля, один из защитников тут же возвращался назад.

Команда ЦДКА пошла дальше, продемонстрировав тактику нападения всем составом. Начинались эти действия в тот момент, когда прерывалась атака соперников и таким образом создавалась благоприятная ситуация для контратаки. Тогда оба защитника, поддерживаемые партнерами центральной зоны, быстро уплывали вперед, сразу же создавая угрожающую ситуацию у чужих ворот. Особенно оправдывала себя такая тактика, когда соперник имел малоподвижного центрального нападающего.

Тактика «тотального ватерпола» требовала высокой игровой дисциплины, каковую четко соблюдала армейская команда. У других коллективов это получалось хуже, и потому соперник, атакующий всем составом команды, нередко оставлял у ее ворот одного своего нападающего, который в случае прерванной атаки мог сразу же оказаться в выгоднейшем положении для завершения броска.

В дальнейшем, однако, функции выдвинутого вперед нападающего пришлось расширить: он должен был препятствовать прорыву заднего защитника, а потому и отходить назад, создавая тем самым численное равенство противоборствующих сторон. Так, и Мшвениерадзе стал играть более комбинационно, по-прежнему представляя собой грозную силу.

1950 г. Мшвениерадзе, Пётр Яковлевич

Однако с ним боролись разными средствами. И эти средства не всегда были в согласии с неписаным кодексом спортивного рыцарства, даже когда уживались с правилами, а вернее — с судьями, которые, как известно, контролируют игру с бортика бассейна, а не из подводного отсека. Что ж, даже в футболе, где вся игра на виду, на поверхности, неплохо живется иногда и крупному фолу, а о мелком и говорить излишне. Ватерпольное же поле бурлит и пенится, под такой водой и щуку трудно разглядеть, а уж как она расправляется с карасем — тем более. К тому ж и правила здесь таковы, что читать их порой можно по-всякому.

Глава 5 ПРИНЦИП АНАЛОГИЙ

До пятьдесят первого года, когда в Москву переехала Нателла, Петр часто бывал в Тбилиси. Не мог он долго жить вдали от родного города, мамы, друзей и, конечно, любимой девушки. Звали его в Тбилиси и учебные дела.

Прожито всего двадцать лет, но его уже узнают на улицах, у него просят автограф. Незнакомые люди приветливо улыбаются, знакомство с ним считают за честь. Всегда ему уготовано почетное место на свадьбе, в гостях, а иногда и в президиуме. Даже ректор университета порой приглашает в свой кабинет — просто так, поговорить, расспросить о жизни. Что еще нужно для счастья? Солнце сияет ему.

Тот день был действительно солнечным, и весь Тбилиси собрался на торжества в честь открытия Дома-музея великого писателя Ильи Чавчавадзе. Но вот праздник закончился, и колонна транспорта отправилась в обратный путь.

Машина, в которой ехал Петр с друзьями, быстро догоняла переполненный автобус, в переднем окне которого чья-то рука держала древко с красным полотнищем.

— А что, друзья, — сказал Шота Вашакидзе, — почему у них есть флаг, а у нас нет?

От неожиданности ему никто не ответил.

— Стало быть, этот флаг должен быть нашим, — распалялся Шота, — Мы его захватим, и тогда победа будет за нами.

Кого Шота собирался побеждать, он так и не уточнил, но когда «Победа» поравнялась с автобусом, Шота, поддерживаемый Петром, высунулся из окна машины и резко дернул древко на себя. Они умчались вперед, напрямик на стадион, где проводился очередной матч тбилисского «Динамо».

Ночью Петра подняли с постели: кто-то настойчиво и не слишком деликатно стучал в дверь.

— Кому мы могли понадобиться в четыре часа? — охнула Надежда Семеновна, направляясь в прихожую.

Петр еще сидел на кровати, протирая глаза, когда в дверях показался милиционер:

— Вы Мшвениерадзе? Быстро одевайтесь, вопросов не задавайте, в милиции вам все объяснят.

Ночной дежурный по городскому управлению смотрел на Петра с удивлением и нескрываемым сочувствием. Дежурный знал, кого именно доставили — он был яростным болельщиком.

— Итак, Мшвениерадзе Петр, тысяча девятьсот двадцать девятого года рождения, проживающий по адресу улица Камо,

дом шестьдесят восемь, студент университета, все правильно?

— Все правильно, товарищ капитан.

И вдруг капитан развел руками:

— Ну, что мы будем делать с тобой? Что делать, чем тебе помочь? Как же это ты так? Такой известный человек, и вдруг... даже язык не поворачивается сказать — злостное хулиганство.

Сомнения Петра теперь окончательно рассеялись: его арестовали за кражу флага. Древко выхватил Шота, Петр лишь помогал ему. Но какая разница? Пусть даже не помогал, а просто видел. Все равно он такой же соучастник преступления.

— Ты выхватил флаг?.

— Да, я.

— Я думаю, мне не нужно объяснять тебе, что означает этот поступок.

— Не нужно.

— Но может быть, все-таки флаг вырвал не ты?

— Это сделал я.

— Очень, очень жаль. Распишись пока о невыезде. Иди досыпай.

Петр тяжело усмехнулся. «Что ждет меня? Исключение из университета? Лишение звания мастера спорта, дисквалификация? Позор, какой позор! Сегодня о происшедшем узнают все. Жизнь кончилась», — такие мысли выстраивались в сознании Петра, когда он медленно шел из милиции. Шел, сам не зная куда, иногда останавливался и тупо глядел в землю. Уже рассвело. На проспекте Церетели ему встретилась старушка, видимо шедшая на базар. Увидев юношу, она поставила кошелку на землю и тронула его за плечо:

— Тебе плохо, сынок? Я не буду спрашивать, какое у тебя горе. Но я вижу — ты сильный. Будь всегда таким, сынок. Все обойдется, вот увидишь.

— Нет, бабушка, ничего уже не обойдется.

— Э-э, дорогой, надо всегда быть сильным. Ты постарайся, сынок.

— Хорошо, бабушка, я постараюсь.

Прошло, наверное, еще часа два, когда Петр вдруг обнаружил себя сидящим на скамейке возле университета.

«Зачем я пришел сюда, что мне здесь делать? Сегодня или завтра будет напечатан приказ: «Студент второго курса юридического факультета за злостное хулиганство отчислен из университета». И внизу подпись: «Ректор академик Н. Н. Кеңховели».

— Петр, что ты здесь делаешь? Скоро звонок.

О ужас! Это был он, Николай Николаевич, ректор строгий, но

явно симпатизирующий студенту Мшвениерадзе.

«Он, конечно, еще ничего не знает, — подумал любимец. — Ну, ничего, осталось совсем немного до взрыва».

— Пойдем, пойдем, — сказал Николай Николаевич, даже не обративший внимания на то, что студент Мшвениерадзе явился на занятия без портфеля. Тот, не зная как быть, неловко шел рядом. И вдруг он явственно осознал, что должен обо всем рассказать сам, сейчас. Он набрал побольше воздуха и уже открыл было рот, как вдруг Николай Николаевич произнес:

— Ты знаешь, какое ужасное происшествие произошло вчера? Украла знамя нашего университета. Да, да, украла наш флаг. После открытия музея какие-то хулиганы на серой «Победе» обогнали наш автобус и на ходу выхватили флаг.

И самое страшное, Петр, что в машине находились наши студенты. Да, это уже установлено. Сейчас я узнаю подробности.

— Не нужно узнавать, Николай Николаевич. Это сделал я.

— Как это... я? Как... ты? — С лица ректора все еще не сходила улыбка. — Не хочешь ли ты сказать...

— Да, Николай Николаевич, знамя украл я.

— Ну-ка зайдем в мой кабинет.

Николай Николаевич сел за стол.

— Значит, это ты с компанией подвыпивших молодых людей ехал в серой «Победе»? И ты выхватил флаг университета?

— Да, это был я. Только мы не пили, я вообще никогда не пью. К тому же никто из моих друзей там, у Ильи Чавчавадзе, не посмел бы...

— Не посмел бы? А совершить такое кощунство посмели? Однако это дела не меняет. В прошлом году мы отметили тридцатилетие университета, и не было в его истории ни одного подобного случая.

— И больше не будет, Николай Николаевич.

— Ты правильно говоришь, Мшвениерадзе. Больше не будет. Потому что больше некому будет совершать такие поступки. Вот так, Петр. Очень жаль, что так все вышло. Ты полагаешь, что я питал к тебе симпатию только потому, что ты сильный спортсмен? Нет. Ты мне казался сильным человеком, то есть таким, действиями и поступками которого руководит осмысленное стремление к высокой цели, а не жалкие, низменные сиюминутные желания. Я думал, человек ты светлый. Но я ошибся. Ты оказался никчемным, ты оказался цветком без завязи. Ты опозорил университет. Ты опозорил меня, который так в тебя верил. Мне больше нечего тебе сказать, можешь идти.

Кецховели встал, давая понять, что разговор окончен. Петр направился было к двери и вдруг резко обернулся:

— Так вот что я вам скажу, товарищ ректор, — в голосе его не было ни отчаяния, ни мольбы. — То, что я сделал, заслуживает самого строгого наказания. Меня, наверное, исключат из университета. Это будет справедливо. Я не прошу у вас снисхождения. Но даю вам честное слово, что все равно вернусь сюда, и только на юридический факультет. Снова буду сдавать вступительные экзамены. И все начну сначала. Я хочу и буду учиться на юриста. И стану достойным человеком. Это я не сейчас придумал, у меня было время разобраться в том, что произошло.

Ректор даже опешил. «Он не просил ни прощения, ни снисхождения. Что за нахал... Впрочем, нет, здесь что-то другое...»

Петр шел по коридору, направляясь к выходу, как вдруг его догнала секретарша ректора:

— Мшвениерадзе, вернитесь, Николай Николаевич хочет вам сказать что-то еще.

Он вернулся.

— Я подумал, — сказал Кецховели, — что есть смысл поговорить с тобой еще кое о чем. Однако сейчас у меня нет времени. Жду тебя вечером у себя дома. И вообще, не намерен больше с тобой беседовать в университете, здесь я встречаюсь с профессорами, преподавателями. И студентами. Но твоя судьба мне не безразлична. Так что жду в восемь часов.

Весь день Петр бродил по городу, еще и еще раз обдумывая происшедшее и предстоящую встречу. Друзья уже знали о ней и к назначенному часу ждали его возле дома, где жил Кецховели. Когда Петр появился, никто из них не сумел произнести даже ободряющего слова. И никакого другого тоже. Он позвонил.

Прошло часа полтора, прежде чем он вышел. И опять ни слова не проронили друзья, когда взглянули на Петра. В руках его они увидели невесту откуда взявшийся браслет от часов, вернее, не браслет, а то, что от него осталось. Сам того не замечая, он все продолжал мять его. Петр медленно двинулся вниз по улице. Потом обернулся:

— Возможно, нас оставят в университете.

Он так и продолжал жить между Москвой и Тбилиси. Обязанности перед клубом побуждали его быть с командой на сборах и соревнованиях.

Когда Петр, уже окончив Тбилисский университет, будет постоянно жить с семьей в Москве, он неизменно, каждый год станет привозить Надежду Семеновну к себе, в двухкомнатную квартиру возле Смоленской площади, где живет по сей день. И мама будет жить у него подолгу, с осени до весны. Пока же в

Тбилиси оставалась большая часть его самого. И он при каждой возможности торопился туда.

Сестра Дареджан в ту пору уже жила отдельно. Вышла замуж, растила сына. Однажды, когда Дареджан вместе с сыном пришла навестить матушку и брата, маленький Гурам, роясь в ящике, спросил:

— Дядя Како, а можно мне поиграть с твоими медалями?

Дядя Како, сидевший за учебниками, не вдумываясь в опасную суть вопроса и к тому же привыкший всегда говорить «можно», разрешил.

Через несколько дней Надежда Семеновна хватилась:

— Како, а где твои медали? Что-то я их не вижу.

— Да там, в ящике, где ж им еще быть? — отвечал сын, нимало не встревоженный.

Однако медалей в ящике не было. В других тоже. Целый день искали — никаких результатов. Надежда Семеновна была в таком отчаянии, что сыну стало не по себе:

— Да не расстраивайся, мама, когда-нибудь найдутся. А если нет... ну что делать! Придется завоевывать еще. Стоит ли переживать?

Сам он, конечно, был расстроен. Уже тогда мечтал: вот вырастут дети, станут играть в водное поло — пусть гордятся отцом. Но считал, что не имеет права показывать свое горе, не позволяло самолюбие даже перед мамой. Да и разве это настоящее горе?

Через несколько дней снова пришла Дареджан с Гурамом.

— Ты знаешь, Како, где твои медали? Вот твои медали. Это Гурам их стащил, негодный мальчишка. Поносить их ему, видишь ли, захотелось. Дядя Како, говорит, ему разрешил. Нацепил их, да так по улице и пошел. Да разве дядя Како мог тебе разрешить взять такую ценность? Это же самое дорогое, что у него есть.

— Да что ты, сестра! Если Гурам говорит, что я разрешил, значит, так и было. Разве Гурам может врать? Он же не украл, а просто захотел поносить. Мальчишки всегда во что-нибудь играют, кто — в медали, кто — в мячик. Я вон уже какой большой, а все играю. Но меня мама за это не ругает. И ты не ругай Гурама.

Гурам вытер слезы и улыбнулся.

Профессор Тинатин Васильевна Церетели была не только деканом юридического факультета Тбилисского университета, не только блестящим ученым, впитавшим все лучшее от своего педагога Луарсаба Андроникашвили (отца Ираклия Андроникова). Она была обаятельнейшей женщиной, излучавшей мудрость и доброту.

Член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР Тинатин Васильевна Церетели оставила после себя много ценнейших трудов по теории уголовного права. Ее влияние на коллег и студентов было огромно. Лекции профессора Церетели неизменно собирали переполненные аудитории, ее семинары были для студентов праздниками. Спрашивала она всегда строго, даже придирчиво. Предстать неподготовленным перед ее проницательным взором считалось так же невозможно, недопустимо, даже неприлично, как, скажем, запеть на лекции.

Третьему курсу Тинатин Васильевна читала лекции по специальному разделу уголовного права и вела по той же дисциплине семинар в группе, где учились Гия Абзианидзе и Петр Мшвениерадзе.

Тогда, на стыке сороковых и пятидесятих годов, был выпущен законопроект об улучшении уголовного законодательства, остававшийся незыблемым с 1918 года. Естественно, что законопроект изучался и обсуждался на юридическом факультете.

Однажды профессор Церетели вела семинар по теме «Принцип аналогий». Суть этого принципа сводится к тому, что если совершенное деяние не предусмотрено определенной статьей уголовного законодательства, то оно рассматривается по сходной, близкой статье этого же документа. Тинатин Васильевна предложила участникам семинара обсудить этот принцип, его применение в сложных ситуациях.

Уже прозвенел звонок — это был последний академический час учебного дня, — но никто не обратил на него внимания. Оно было целиком сосредоточено на двух спорящих. Их позиции оказались наиболее убедительными и аргументированными. Одного из них профессор хорошо знала. Это был блестящий студент, который не просто досконально изучил учебную программу, но всегда радовал ее множеством дополнительных сведений. Тинатин Васильевна прочила ему большое будущее.

Ну, а кто же второй? Она знала его гораздо хуже, чем других. «Нечасто балует он нас своим присутствием, — подумала про себя. — Фамилия его... Мшвениерадзе. Да, тот самый спортсмен. Говорят, он гордость института. Вот, значит, каков он».

За свою долгую педагогическую практику она повидала немало студентов-спортсменов. И не сказать, чтоб у нее к ним сложилось предвзятое отношение. Было среди них немало толковых и старательных. Иные также встречались, и нередко.

Мшвениерадзе откровенно ее удивил. Не знанием предмета — знания были хорошими, крепкими, но не более того. Ей очень понравилась самостоятельность или, скорее, независимость

суждений, мгновенное схватывание сути и, конечно, четкая логика аргументации.

Мшвениерадзе заявил о несостоятельности «принципа аналогий» вообще — ни больше ни меньше. Он доказывал, что этот принцип дает возможность широкого, а значит, произвольного толкования статей, что может повлечь за собой либо незаконное осуждение обвиняемого, либо превышение меры наказания.

— Но вы понимаете, Мшвениерадзе, — спросила профессор, — что отмена «принципа аналогий» может привести к тому, что человек, совершивший уголовно наказуемое деяние, будет оправдан только потому, что это деяние не предусмотрено конкретной статьей?

— Понимаю, — ответил студент, — но зато будет сохранен принцип социалистической демократии. А это важнее.

К единому мнению участники дискуссии так и не пришли. Но справедливости ради нужно добавить, что и на гораздо более высоком уровне проблема «принципа аналогий» была решена лишь через несколько лет: он был упразднен.

На последующих занятиях профессор Церетели все больше убеждалась в том, что то впечатление, которое сложилось у нее о Мшвениерадзе на семинаре, не оказалось ошибочным, перед ней был явно незаурядный человек.

Так началась дружба, которая длилась тридцать лет, вплоть до смерти академика Церетели. Тинатин Васильевна станет научным руководителем диссертации Петра Яковлевича Мшвениерадзе. Эта работа — «Институт давности в советском уголовном законодательстве» будет вообще единственной большой работой по данной теме, ее признают явлением в теории права. Она будет издана монографией, на нее станут многократно ссылаться авторы научных работ и диссертанты.

Когда после защиты диссертации друзья и коллеги Петра Яковлевича соберутся у него дома, он скажет:

— Есть два человека, кому я особенно обязан в жизни. Это Лука Александрович Иоакимиди, который опустил меня в воду, и Тинатин Васильевна Церетели, которая вынула меня из воды. Спасибо вам, дорогие мои!

В 1983 году Петр Яковлевич закончил работу над докторской диссертацией, но Тинатин Васильевна об этом уже не узнает.

Петр Яковлевич принимает экзамены в академии

Но до этого еще много промчится вихрей. А пока студент Мшвениерадзе пишет курсовую работу по теории уголовного права. Эту работу выдвигают на конкурс студенческих работ сначала Тбилисского университета, потом Тбилиси, а затем и всей Грузии. И член сборной команды СССР по водному поло Петр Мшвениерадзе становится лауреатом республиканского конкурса. Но пора снова ехать в Москву, где ждут его другие дела.

Глава 6 ЕГО КОМАНДА

А дела его ждали не самые веселые — предстояло расставаться с динамовской командой, ставшей для него близким, родным коллективом, где он так резко прибавил в мастерстве, выдвинулся в лидеры, стал капитаном. Но в тот период некоторые влиятельные деятели спорта сочли, что для интересов сборной команды СССР лучшие ватерпольные силы необходимо сосредоточить в команде Военно-Воздушных Сил.

Тяжело уходил Петр из «Динамо», зная, что мотивы его перевода в команду ВВС вряд ли убедительны, веря в то, что в скором времени все равно вернется обратно. И слабым утешением ему служил выигрыш его новым коллективом первенства СССР. Он получил первую в своей жизни золотую медаль «взрослого» чемпиона страны. И тем не менее вскоре подал заявление о переходе в «Динамо».

И вот тогда произошло событие, в которое сейчас, в наши дни, трудно поверить: Петра Мшвениерадзе отдали под суд. И этот суд состоялся. Несмотря на очевидную абсурдность обвинения (поскольку Петр являлся спортивным инструктором, его обвинили в невыходе на работу), на полное отсутствие состава преступления, никто из находившихся в зале людей, среди которых была и вся команда «Динамо», не был уверен в благополучном исходе. Сам бомбардир готовился ко всему — такое было время, он это понимал.

Как жаль, что никто не сохранил в памяти фамилию женщины-судьи, нашедшей в себе силы отстоять правду, несмотря на явное давление «извне». Нелегко дался этот процесс и самому обвиняемому, но спокойствие и выдержка не изменили ему и на этот раз. Он привык держать удары и отвечать на них в честной борьбе.

Его оправдали. Он вернулся в «Динамо».

В 1951 году в Советский Союз для проведения серии товарищеских матчей прибыла сборная Венгрии по водному поло, и это стало значительным явлением в спортивной жизни нашей страны. Венгерских ватерполистов ждали, как, быть может, футбольную команду басков перед войной или Бразилии в 1969 году. Причин для столь необычного ажиотажа было несколько. Прежде всего — выдающаяся репутация и великолепный, лучший в мире послужной список венгров. Далее — крайняя в ту пору редкость международных встреч советских спортсменов. Наше спортивное телевидение делало пока лишь первые шаги, и

болеельщики были отнюдь не избалованы настоящим спортивным зрелищем. Существенным было и то обстоятельство, что советские спортсмены, в том числе и ватерполисты, готовились впервые принять участие в олимпийских играх.

Как мы уже знаем, двумя годами ранее советские ватерполисты (и наш герой) встречались с командой Чехословакии. Были встречи со спортсменами этой страны и раньше — в 1946 году. Однако нужно напомнить, что сборная Чехословакии отнюдь не принадлежала к лидерам мирового водного поло. Теперь же речь шла о сопернике очень высокого уровня.

Водное поло в Венгрии традиционно один из самых популярных видов спорта, а в описываемый период — особенно. Имена лучших венгерских ватерполистов Сивоша, Марковича, Больвари, Антала были едва ли менее популярны, чем футболиста Пушкаша или боксера Паппа. А Иштван Сивош-старший и по сей день вместе с Петром Мшвениерадзе делит лавры лучшего игрока всех поколений.

Вот с таким коллективом предстояло встретиться нашей сборной. Она готовилась сделать первый шаг на своем долгом пути утверждения, начать новый этап своей истории.

В команду были включены вратари Б. Гойхман и И. Либель, защитники Е. Семенов, Ю. Теплов и Л. Мешков, полузащитники В. Китаев, В. Ушаков, Г. Дойкин и Л. Кокорин, нападающие Г. Пярон и П. Мшвениерадзе. Готовил команду И. П. Штеллер, помогали ему Н. И. Малин и А. П. Гильд.

Венгры начали первую встречу с неторопливым благодушием умудренных опытом педагогов. Ученики же напротив — с тем отчаянием и азартом, с которым порой несется на первом круге дистанции юный неопытный бегун, таща за собой всю группу участников и совсем забыв про то, сколь далек путь до финиша. Впереди всех был Мшвениерадзе, то и дело пытавшийся пробить оборону противника. Он и первый гол забил.

Мяч попал к вратарю Анталу. Тот собрался было ввести его в игру, как вдруг находившийся рядом с вратарем Мшвениерадзе резко двинулся на него. Сделано это было так неожиданно, что опекавший нашего нападающего венгерский защитник не шелохнулся. Антал поспешил бросить ему мяч. И тогда повторилась ситуация матча «Динамо» — «Торпедо», когда Мшвениерадзе дебютировал в московской команде: увидев мяч над своей головой, он резко выпрыгнул, перехватил его и вогнал в сетку. Мяч проскользнул между руками Антала, который был удивлен не меньше, чем тогда Гойхман.

Однако венгров этот курьезный гол не смутил и не погнал, в

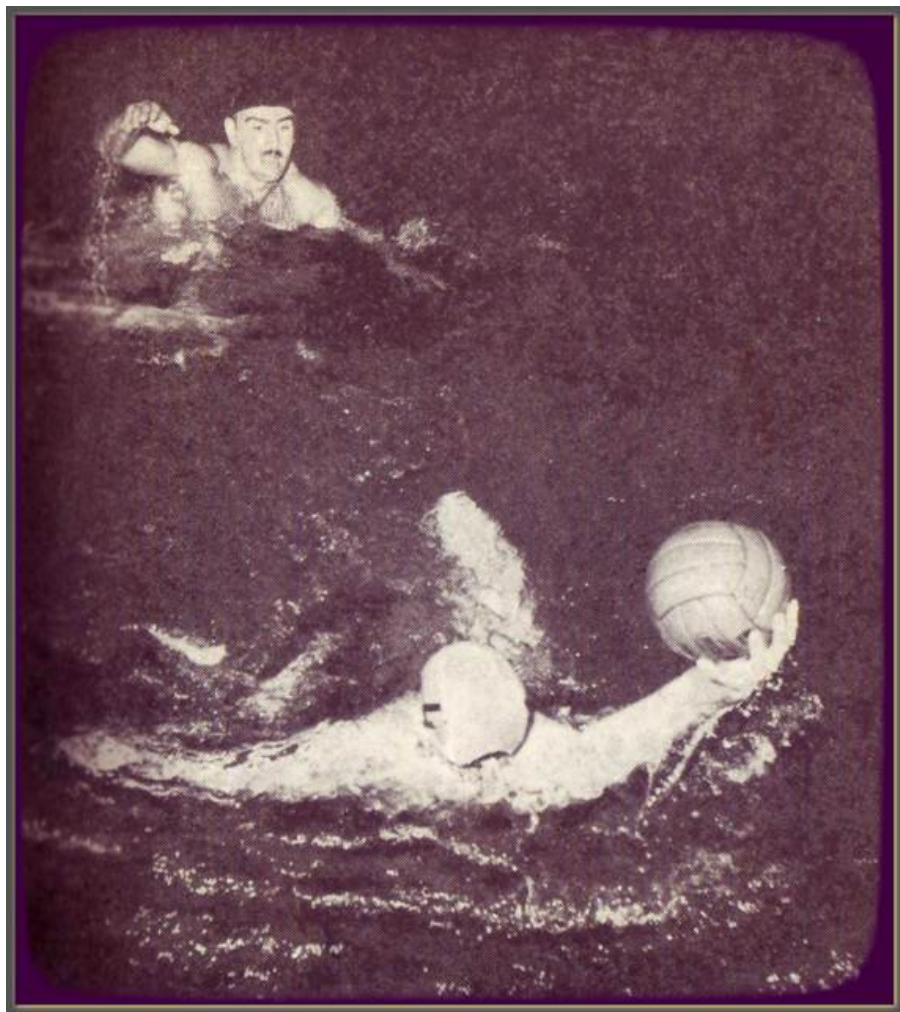
атаку, Антал продолжал улыбаться и несколько раз, получив мяч, звал жестом Мшвениерадзе: иди, мол, ко мне, я дам тебе еще раз забить так же. Партнеры же Антала явно не торопились, подолгу разыгрывали мяч и нечасто приближались к нашим воротам. Но вот Сивош, приняв передачу, легко и быстро уходит от своего сторожа Семенова, ложится на спину и вдруг резко бросает по воротам. Эффектнейший гол, к тому же забит с большой дистанции.

Проходит несколько минут, и Ушаков выводит нашу команду вперед, а в самом конце первого тайма Мшвениерадзе в силовом единоборстве с защитником выходит победителем и увеличивает счет до 3:1.

Соперники советской команды теперь, конечно, проснулись. Поняли, что они в гостях, где играть всегда труднее, но главное, что имеют дело не с той командой, о которой они слышали, или, вернее, с той командой, о которой они почти ничего не слышали. Во всяком случае, советских игроков не парализовал бесспорный авторитет соперников, и вода в бассейне кипела. В конце концов венгерские спортсмены сумели взять инициативу в свои руки, однако удача из этих руках ускользала. Гойхман и защитники играли цепко и хладнокровно и довели игру до победы. Сенсационной победы!

Но второй мяч в наши ворота все-таки попал. Его забил все тот же Сивош. Получил передачу, опять рывком ушел от Семенова, на этот раз почти в самый угол площадки, и вдруг, не поворачиваясь лицом к нашим воротам, бросил. Так вот он какой — знаменитый задний бросок Сивоша! Настоящий задний бросок. Столько раз наши ребята слышали про него, сами пытались исполнять, но не получалось. Какой-то был здесь секрет.

Итог — 3:2. Причина победы советской команды была не только в огромных волевых усилиях наших ватерполистов. Они не проигрывали соперникам в скорости, подвижности и, что особенно важно, в выносливости. Не выглядели учениками и в тактике. Нападающим Мшвениерадзе и Пяруну хорошо помогали Ушаков и Китаев, которые явно переигрывали полузащитников венгерской команды. Наконец, и попеременные выходы вперед защитников Теплова и Семенова то и дело создавали численное преимущество в нападении и нередко повергали соперников в растерянность.

Бомбардир в защите

К следующей встрече венгры отнеслись уже всерьез, хотя, видимо, неофициальный характер матчей сказался на их настроении в этот раз. Встреча закончилась вничью — 4:4. И тогда перед заключительной встречей серии старший тренер венгерской сборной Бела Райки заявил, что она будет решающей, он пообещал победу своим питомцам. Однако этим обещаниям не суждено было сбыться. Питомцы Райки снова проиграли — 2:6, причем три мяча забил Мшвениерадзе.

И тем не менее итоги серии не подорвали высокий авторитет венгерской сборной ни за рубежом, ни у нас в стране. И Петр, и все наши ватерполисты понимали, что все трудности еще впереди, что до венгров нужно еще дорасти. Что-то, видимо, расстроилось в их игре, но ненадолго. Что же касается

индивидуального мастерства, то порой гости показывали такие чудеса исполнительского совершенства, что Петр ахал и готов был аплодировать, многое было ему в диковинку.

Особенно восхищал его Сивош. После каждого матча Петр вновь и вновь пытался воспроизводить в памяти его приемы, особенно броски по воротам. Как хотелось с ним поговорить, расспросить.

Случай представился очень скоро. На предложение наших спортсменов провести совместную тренировку венгры откликнулись охотно. После совместной разминки венгерские игроки забивали Гойхману, а наши — Анталу. Петр подплыл к Сивошу и попросил показать задний бросок. Тот сделал и раз, и два, и три. Петр пытался повторить, но мяч все время выскальзывал у него из рук. Сивош объяснил: «Ты неправильно берешь мяч. Видишь, как делаю я?» Ах, вот в чем хитрость: Сивош прижимает мяч кистью к предплечью и только после этого бросает. Отсюда и все коварство заднего удара: мяч может оторваться от руки в любое мгновение, в любой фазе ее движения. В результате вратарю очень трудно угадать направление полета мяча.

— Понял, Иштван, а теперь покажи работу ног при твоём уходе от защитника. Я заметил, что делаешь ты это не так, как мы.

— Хорошо, смотри, ногами я работаю, как лыжник, взбирающийся на гору.

— Ага, понял. Мы бы это назвали «елочкой».

Сивошу перевели, он охотно закивал головой. Потом сам обратился к Петру:

— Положи мне руки на плечи. Так. Теперь с силой надави. Видишь, не тону. А теперь я сделаю с тобой то же самое. Ты все же покачиваешься. У тебя, Петр, сильные ноги, это хорошо. Но нужно, чтобы они были еще сильнее, тогда ты будешь в нападении хозяином, тебя никто не сможет утопить.

Потом Сивош по просьбе наших спортсменов и тренеров стал показывать свои приемы уже замедленно и каждый раз пояснял их суть и сложности. Затем повторил все специально для киносъемки, в том числе и подводной. А под конец он снова обратился к Мшвениерадзе:

— У тебя отличная координация, ты хорошо схватываешь движение. Ты быстро научишься выполнять эти приемы на тренировках. Но в настоящей игре применять их гораздо труднее. Важно, чтоб ты сразу начал отрабатывать новые технические элементы именно в игре. Не бойся, что сначала будет много брака.

Прощание с венгерской командой было теплым, договорились в ближайшее время провести еще серию встреч.

И они вскоре состоялись — на этот раз в Венгрии. Итоги оказались не в нашу пользу: одна победа, одна ничья и три поражения.

Еще два матча были сыграны в Киеве. Один из них закончился вничью, в другом наши одержали победу. На этот раз венгры уже не захотели проводить совместные тренировки: приближались Олимпийские игры. Но в этом было и определенное признание возросшего мастерства нашей сборной.

Особенно преуспел Мшвениерадзе. Он уже перенял приемы Сивоша, особенно задние броски, причем с удивительно малым процентом брака. К тому же мощно заиграл левой рукой. Раньше его правая была заметно сильнее и техничнее левой, теперь же он забивал левой не меньше голов. Так что и в этом он приблизился к великому венгру. Правда, через много лет он усомнится в том, что правильно поступил, уделяя так много внимания игре левой. Добавит, что, возможно, лучше иметь «одну руку, но совершенную, чем две половинки». Но кто, кроме самого Петра, посмел бы назвать эти руки половинками? Сыновья его играют каждый «своей» рукой: Нугзар — правой, Георгий — левой, отец счел, что так лучше. Они, конечно, и с обеих рук могут, но не так хорошо, как он. Почему-то свой опыт в этом частном вопросе он пересмотрел.

Перед расставанием тренер Бела Райки сказал советским ватерполистам:

— Играете вы уже хорошо, а иногда превосходно. Приятно, что появляется еще одна команда международного класса. Подчеркиваю, друзья: появляется, а не появилась. Я не сомневаюсь в том, что вы станете большими мастерами и многого добьетесь. И не буду говорить вам прописные истины, что, мол, нужно много работать и много соревноваться. Вы и так все это станете делать, это ясно.

Но я хочу охладить ваш пыл и предупредить вот о чем. Как бы вы ни истязали себя в тренировках, с каким бы упорством ни сражались с соперниками, международное признание придет к вам еще не скоро. Нужны годы, я даю вам на это пять лет. Возможно, вы завоюете сердца болельщиков и симпатии прессы раньше. Но важнее завоевать... судей, а это — долгая история. Судей и в нашем виде спорта завоевывают годами, и ничего здесь не поделаешь.

Послушали ватерполисты Бела Райки, покивали головами и не то чтобы усомнились, но решили, что главное — это все же сама игра, а с ней дела идут все лучше и лучше. «В общем,

поживем — увидим». И увидели очень скоро — на Олимпиаде. Тогда-то и вспомнили слова венгерского тренера.

Олимпийский ватерпольный турнир 1952 г. в Хельсинки оказался на удивление представительным. Кроме государств, издавна культивирующих эту игру, желание участвовать в турнире неожиданно выразили Аргентина, Индия, Португалия, Мексика, Южная Африка, Египет, Бразилия. Видимо, это сильно озадачило организаторов.

Во всяком случае, формула проведения соревнований была настолько сложной, что до конца ее не поняли даже сами участники. Нередко бывало так: закончив очередную встречу, наша команда уезжала в гостиницу и ожидала возвращения тренера. Наконец Владимир Андреевич Кузнецов появлялся и сообщал: «Завтра играем с...».

В первый же день турнира — проигрыш голландцам (2:3). Незаслуженное, обидное поражение от команды, у которой могли, обязаны были выиграть. Но цена предстартовой лихорадки оказалась слишком высокой. «Ничего, — решили, — многое еще можно исправить, тем более что формула турнира это позволяет».

Но и на другой день лицо судьбы обернулось к сборной СССР с недоброй усмешкой: как выяснилось, ей предстоял матч с Венгрией. Пусть наши игроки и знали венгерских лучше, чем других, но понимали, что вряд ли среди всех участников Олимпиады есть команда более сильная. Вспомнили и предостережение Бела Райки о не скором международном признании советского водного поло.

Но робости не было. Более сильное чувство жило в игроках — высокое чувство ответственности. Решили играть этот матч, как главный в жизни.

Дебют его для нас не сложился: венгры забили гол, едва только началась игра. Однако наши ребята собрались с духом, ринулись в атаку и тут же сравняли счет. И все же объективное неравенство сил дало себя знать, советская команда проиграла — 3:5.

На следующий день она победила египтян — 3:2.

Счет явно неубедительный, не по игре, многие завершающие атаки просто не удавались. Однако газеты отметили, что советская сборная от матча к матчу выглядит все лучше. Предстояла важная игра с командой Западной Германии.

В результате простой, но четко разыгранной комбинации Юрий Теплов точно и сильно посылает мяч в ворота соперника.

Ватерполисты Западной Германии бурно атакуют, но Борис Гойхман играет великолепно. Правда, один гол он все же

пропускает. С этой минуты на авансцену выходит солист, бывший до этого как бы невидим и тих и ждавший момента, когда нужно будет личным примером переломить ход событий.

Получив мяч с углового, Владимир Семенов сильно бьет и попадает в штангу. На отскок бросаются несколько человек, но всех опережает Мшвениерадзе. Перед ним лес поднятых рук и гора тел — ударить невозможно. А он и не пытается, он идет напролом и, не выпуская мяча из рук, вгоняет его в ворота.

Он же спустя минуту, после отлично разыгранной комбинации, высоко взмывает и точно бьет — 3:1.

Наконец он нашел, поймал свою игру, команда это видит, понимает и продолжает снабжать и снабжать его мячами. То и дело наши полузащитники и защитники выходят вперед, стараясь замкнуть каждую очередную комбинацию на лидера атак. Так он забивает еще два мяча. 5:1.

Игра сделана, однако соперник не хочет признавать этого и идет в наступление всей командой. Но неизменно побеждает Гойхман. И в самом конце матча комбинация, разыгранная Мшвениерадзе и Семеновым, заканчивается последним голом в ворота немецкой команды. Так советские ватерполисты вошли в число восьми сильнейших команд мира и получили право бороться за звание олимпийских чемпионов. Задача, конечно, невыполнимая, но об этом как-то не думали. Готовились решать текущие задачи — бороться в каждой игре.

Восьмерку сильнейших разбили на две группы. В одну из них вошли СССР, Голландия, Югославия и Венгрия (опять она!). Формула игр в группе такова: каждый встречается с каждым, по два победителя попадают в финальную группу, где и разыгрывают призовые места.

Команда уже села в автобус, чтобы ехать на матч с югославами, когда на подножку вскочил Бела Райки и весело спросил:

— Ну, как дела? Настроение, я вижу, бодрое, к бою готовы. Желаю успеха... И вот вам мой совет: стройте игру на Петра.

Тренер венгров всегда был добр к нашим ребятам и совет дал от чистого сердца. Однако сослужил он им недобрую службу. Бомбардир был явно перевозбужден и сыграл хуже, чем мог. К перерыву счет был 2:1 в нашу пользу, но во второй половине югославам удалось нейтрализовать лидера наших атак и забить два гола, пропустив в свои один. В итоге — ничья.

Но и для венгров тот игровой день не оказался радостным. Ведя в матче с голландцами с разницей в два мяча, они уверовали в успех, решили поберечь силы, ушли в глухую защиту, за что и поплатились ничьей.

Оставшиеся два матча сборная СССР проиграла и в итоге заняла седьмое место. Бориса Гойхмана признали лучшим вратарем турнира. И это было единственным для нас утешением. Звездный час героя этой книги пока не настал. Впереди у него еще двенадцать лет в большом спорте, позади — учеба в университете: за месяц до Олимпиады он с отличием закончил его.

И еще одно важнейшее событие олимпийского года: перед самым отъездом Петра в Хельсинки Нателла явила на свет первенца, и отец сразу же предрек Нугзару большое ватерпольное будущее. В наше время малышей учат плавать задолго до того, как они делают первые шаги по земле. Остается лишь удивляться тому, что инициатором этого спортивно-педагогического почина не стал основатель ватерпольной династии Мшвениерадзе.

В общем, пока дела Петра на личном фронте выглядели предпочтительней, чем на спортивном.

Но уже в начале следующего лета сборная СССР, выступая на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте, добилась победы в турнире. Это была, по существу, первая крупная победа в международных соревнованиях. Правда, Венгрия прислала не лучшую свою команду, и все равно победа окрыляла и подтверждала верность пути. Спортивные контакты советских ватерполистов расширялись, игроки набирались ума, опыта и навыков, росло мастерство клубных команд. Приближалось время многолетнего безраздельного царствования в бассейнах страны московского «Динамо». Ушли из команды Николай Крюков, Лев Пущинский, появились молодые и одаренные Николай Мальцев, Юрий Шляпин, Василий Карманов, Зураб и Ростом Чачава, позже Нодар Гвахария, Анатолий Карташов, Владимир Новиков, Юрий Григоровский. Но лишь в 1955 году динамовцам удалось впервые стать чемпионами страны. Обладая безусловно лучшим, сильнейшим подбором игроков, не раз выигрывая Кубок СССР, первенство Москвы, динамовцы необъяснимо уступали чемпионское звание то армейцам, то торпедовцам. Многие специалисты эту игровую нестабильность относили на счет чрезмерной приверженности тактике «со столбом». Однако так ли это было?

Действительно, поначалу Петр Мшвениерадзе выполнял роль малоподвижного выдвинутого нападающего, хотя и обладающего великолепной техникой, особенно при исполнении броска по воротам, но не особенно стремящегося маневрировать и умышленно идущего на силовое единоборство с защитником.

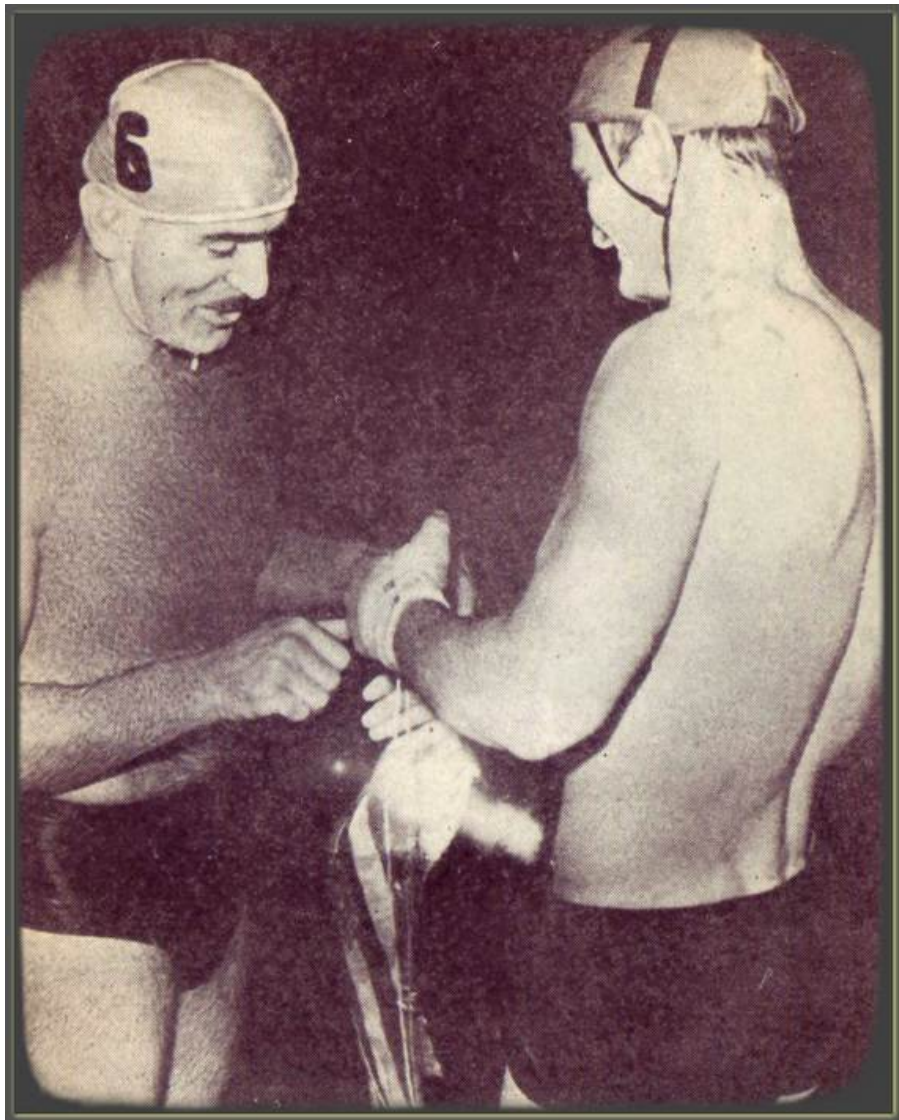
Однако скоро игра его стала меняться, обретать новые краски и воплощать в себе уже иные игровые идеи. Нередко, выполняя функции разыгрывающего, он выводил партнеров точными и острыми передачами на выгодные позиции. Причем, отходя назад и освобождая таким образом своего опекуна, он получал большую свободу для маневренной игры, чем неизменно пользовался.

По предложению Мшвениерадзе, динамовцы научились выводить против тяжелого, сильного, но не слишком быстрого защитника соперников своего легкого и скоростного нападающего. Теоретически — абсурд: как это отдать тяжеловесу на расправу «мухача»? Но Петр объяснял, доказывал и показывал, что «мухач» может заставить играть тяжелого защитника в не свойственной ему манере. Защитник станет много двигаться, а значит, уставать. И вот когда он совсем выдохнется, в игру против него мог вступать Мшвениерадзе. Бесчисленное множество раз он бывал особенно результативен на последних минутах. К тому же на финише постоянно добывал своей команде пенальти. И, как можно догадаться, небеспричинно — защитник от бессилия спасался грубостью.

В атаке динамовцы использовали все современные тактические приемы: нападение выдвинутым игроком или двумя нападающими, скоростные рейды вперед полузащитников, выходы вперед одного или двух защитников для создания численного преимущества. В обороне же неизменно применяли прессинг. Зонной защитой пользовались лишь тогда, когда сопернику удавалось вывести вперед лишнего игрока. Динамовский прессинг был хлестким, он постоянно выматывал соперников — и физически и нервно.

С 1955 года началась восьмилетняя, практически непрерывная серия побед динамовцев Москвы. Это была золотая пора и для капитана. Именно в те годы самый авторитетный в мире тренер по водному поло венгр Бела Райки написал в своей книге:

«Петр Мшвениерадзе — лучший игрок Советского Союза, один из самых характерных игроков водного поло. В настоящее время он является без сомнения лучшим центральным нападающим в мире. Его физические данные, огромная сила и техника владения мячом делают его способным показывать такие шедевры технического мастерства, что его впору сравнить с жонглером».

1954 г. Белград. Капитан югославской сборной Г. Мушкетирович поздравляет капитана сборной СССР с 25-ти летием.

Можно сколько угодно рассуждать о передовых тактических построениях, искать и воплощать все новые и новые схемы атакующих и оборонительных действий, можно создать самую техничную и самую скоростную команду и тем не менее с треском проиграть, когда трудно, когда сил лишь крохи, а трибуны дружно болеют за соперника, который к тому же, обретая второе дыхание, наступает мощно и неумолимо. **Великая сила — дух коллектива.** Сейчас проблемой его создания, становления,

воспитания занимаются серьезные люди, профессионалы. Но в описываемые годы психология коллектива как наука была эмбрионом. О создании микроклимата в команде заботились тренер и капитан.

В этом смысле союз Малина и Мшвениерадзе был редким и замечательным.

Вся жизнь Петра Мшвениерадзе в динамовском коллективе связана с Николаем Ивановичем Малиным. Когда в 1949 году тбилисец стал москвичом, сорокашестилетний Малин еще играл за «Динамо». В следующем году он закончил выступления, а в 1953-м возглавил команду. В значительной степени на это назначение повлиял Петр. Он чувствовал, что по своему пониманию игры, человеческим качествам и, главное, по редкостному умению вдохновлять команду ей нужен именно такой старший тренер. Авторитет же самого капитана уже в ту пору был так высок, что к его мнению прислушались.

Тренерские установки перед игрой бывали предельно краткими. Команда была так сыграна, так сильна, что модель любой встречи жила в сознании каждого игрока — все отработано до автоматизма. Если же по ходу событий требовалось внести изменения в тактику, на то был капитан. Малин полностью доверял Петру руководство игрой, на этот счет никаких разногласий у них не случалось.

Во многом капитан заменял тренера и как воспитатель. В повседневной жизни он, естественно, был к своим ребятам ближе, чем Николай Иванович, больше с ними общался, лучше их знал, чувствовал. У каждого свои заботы, удачи, неурядицы, о каждом — свой разговор. К иным недостаткам товарищей Петр относился снисходительно, лишь одну слабость никогда не прощал — ту, что со стыдливой деликатностью называют в спорте нарушением режима. К таким нарушителям Петр был яростно непримирим, даже жесток. И Малин его в этом всегда поддерживал.

Центральный нападающий П. Мшвениерадзе, вратарь Б. Гойхман и тренер московского «Динамо» Н. И. Малин

Он был очень скромным человеком. До пятидесят первого года ютился со всей семьей в тринадцатиметровой комнатенке большой коммунальной квартиры. Потом, опять-таки благодаря стараниям Петра, перебрался в отдельную двухкомнатную квартиру и сам не знал, чем больше счастлив — новым жильем или преданностью ученика. Сын Малина, ныне известный тренер Николай Николаевич Малин, вспоминает, что не было вечера, чтоб тренер и ученик не поговорили перед сном по телефону.

А ведь их отношения могли сложиться и по-другому. Мшвениерадзе пришел в команду если не зрелым, то уж, во всяком случае, известным игроком. И было ему в ту пору всего двадцать лет — возраст далеко не всегда адекватной самооценки. Игрок Малин, напомним, был старше его более чем вдвое.

А когда он вернулся в команду тренером — молодым, неопытным — Мшвениерадзе был уже безусловно лидером в ней, непререкаемым авторитетом, ведь позади у него десятки матчей за сборную, олимпиада. Сколько же нужно было благоразумия, здравого смысла, такта с обеих сторон, чтобы этот союз оставался незыблемым и плодотворным.

Оба считали, что коллектив не может и не должен быть однородным. В команде нужны люди разного темперамента, склада характера, эмоциональной заряженности и игрового стиля. На каждый «выступ» должно приходиться «углубление». Как подогнать одно к другому? Если удастся, это будет добротно собранный механизм — единый, монолитный коллектив со своим

стилем, почерком, лицом.

Разноплановость игроков — это непременно и человеческая разнохарактерность. Юрий Григоровский был упрям и трудноговорчив, но прямодушен и откровенен. Борис Гришин — молчалив, сдержан, весь в себе. Новиков не обладал сильным характером, а потому легко поддавался влиянию. Ему требовалось особое внимание, зоркий глаз. Шидловский поначалу был вообще непонятен, никак себя не проявлял. Но тренер и капитан умели разглядеть задатки в каждом, а затем развивать их. И если спортсмен оставался в коллективе, то, значит, он нашел свою игру. И нашел себя. Таковы корни громкого и долгого успеха ватерпольного коллектива московского «Динамо». Николай Иванович Малин руководил им ровно двадцать лет, вплоть до своей кончины. За эти годы динамовцы девять раз становились чемпионами страны. После его смерти тринадцать лет минуло, прежде чем им снова (в 1985 г.) удалось завоевать этот титул.

С тренером у капитана бывали и разногласия. Особенно по поводу ввода в состав команды молодых игроков. В 1955 году в резервном составе появился совсем еще молодой полузащитник Анатолий Карташов. И вот перед решающим матчем чемпионата страны с армейцами капитан попросил Николая Ивановича поставить Карташова на игру. Тренер удивился, поначалу даже возмутился: «Как можно в таком важном матче испытывать судьбу?»

Но Петр не уступал: «Я внимательно за ним наблюдаю. Парень тонко чувствует игру, позицию, отлично подыгрывает, хорошо обороняется. И характер — то что надо». В общем, убедил. Карташов отыграл хорошо и с того матча прочно вошел в основной состав динамовцев, а затем и сборной команды страны, много лет был одним из лучших ее игроков.

Подобная история произошла и с восемнадцатилетним Юрием Григоровским в 1957 году, и опять же перед решающим матчем с армейцами. Григоровский, будучи уверенным, что играть ему в тот день не придется, даже немного опоздал на предматчевое собрание команды. Явился и узнал, что ему сейчас выходить на поле. И на этот раз Мшвениерадзе одержал верх в споре со старшим тренером. Великолепный дуэт Мшвениерадзе — Григоровский принес потом немало пользы не только в «Динамо», но и в сборной. Многие считают, что таких дуэтов в нашем водном поло больше не было.

Григоровский вспоминает, что у его партнера кроме других игровых достоинств было и еще одно удивительное качество: он всегда чувствовал, когда Юрий подустал, когда нужно взять игру,

пусть даже игровой эпизод на себя, подстраховать, поплыть за мячом... Он так и не понял, как, каким чутьем капитан улавливал, постигал это.

Однажды в грузинском сатирическом журнале «Нианги» появилась серия рисунков. Некий приехавший в Москву тбилисец забрел на ватерпольный матч. И услышав по радио состав одной из команд, подумал: «свои» и стал неистово их поддерживать. Но оказалось, что болеет он за чужую команду, его сбили с толку грузинские фамилии московских игроков.

Карикатурист, конечно, увлекся (что, правда, дозволено жанром), однако от фактов далеко не ушел. Несколько грузинских игроков в водное поло действительно уехали в Москву и играли в то время в столичных командах, в основном в «Динамо». Кроме Мшвениерадзе это были Михаил Рыжак, Георгий Харебов, Нодар Гвахария, Зураб Чачава, позже — Владимир Рашмаджан, Гиви Чикваная. Однако к столь дружному переезду своих коллег сам Мшвениерадзе имел не большее отношение, чем, скажем, к переходу в Большой театр известных теноров Зураба Анджапаридзе и Зураба Соткилава, пусть даже последний и состоит с нашим героем в большой дружбе.

У каждого из новоявленных москвичей были свои личные мотивы, но главный — тот же, что у Петра: стремление к высокому мастерству. Это понимали все, кто хотел здраво смотреть на вещи. Даже мать, даже любимый тренер, подаривший ему на прощание книгу с надписью: «Помни, что ты можешь сделать для своего народа, для своей Грузии». Он помнил. Но многие в Тбилиси так ему этого и не простили.

Сколько раз, особенно во время матчей против тбилисского «Динамо», ему приходилось слышать с трибун обидные реплики, от которых закипала кровь. Но каждый раз он говорил себе: «Спокойно, ты играешь за свою страну, а значит, и за свой народ». Все ж однажды, когда его в очередной раз наградили серией изысканных сравнений на родном языке, он чуть отплыл в сторону и поднял голову к трибуне. Неожиданно наступила тишина, и тогда он по-грузински сказал:

— Если ты мужчина, спустись после игры и скажи мне эти слова в лицо. Сможешь так сделать — считай, что ты прощен.

Никто не спустился.

...Эта маленькая история начинается почти как анекдот. Встречаются в Москве два незнакомых грузина, один из которых живет в столице, а другой приехал в командировку.

Москвич расспрашивает приезжего о родном городе, где давно уже не был, с удовольствием вслушивается в грузинскую

речь, охотно отвечает на вопросы.

— А ты почему живешь в Москве? — спрашивает новый знакомый.

— Так жизнь сложилась, — уклончиво отвечает тот.

— Ну, и хорошо тебе здесь?

— В Тбилиси лучше.

— А чем занимаешься в Москве?

— Юриспруденцией. И еще спортом немного.

— Спортом? Слушай, кацо, а ты не знаешь такого спортсмена — Мшвениерадзе, в водное поло играет?

— Да, слышал, а что?

— Хочу, понимаешь, увидеть его. Коренной тбилисец, а удрал в Москву, предал свой народ.

— А ты его знаешь?

— Еще как знаю. Друг детства был. Но больше не друг. Я его, можно сказать, плавать учил, мяч держать в руках учил, а он предал. Ох, увидеть бы мне его разок, попадись он мне только!

И снова сдержал себя Петр, это был, конечно, он. Не сказал ни слова. Он приучил себя не отвечать на запрещенные приемы.

...Другая маленькая история почти как анекдот закончилась. А начиналась она так.

Однажды в разгар игр очередного чемпионата страны на трибуне водного стадиона «Динамо» появилась крупного телосложения дама. Густой волной своих эмоций она мгновенно накрыла всю трибуну, а акцент и характер восклицаний свидетельствовал о том, что дама прибыла из Грузии и была яркой болельщицей любого спортивного коллектива своей республики.

И вот увидев, что ее земляк играет не за тех, за кого надо, дама разразилась негодующими возгласами, призывая к мести, к расправе над ним и всей его командой. Почему-то больше всего ей нравилось слово «мясник», коим она то и дело одаривала динамовского капитана.

Однако во втором тайме дама повела себя уже спокойней, а под конец игры и вовсе стихла. И непонятно было, то ли она устала, то ли так подействовала на нее игра бомбардира. На следующий день она появилась вновь. Сидела молча, но вдруг, увидев, как во время очередной атаки Мшвениерадзе был грубо атакован сразу двумя защитниками, вскочила с места и закричала:

— Судья, что они делают! Куда же ты смотришь, судья? Почему не выгонишь этих хулиганов?

Видя безрезультатность своих усилий, она что-то громко крикнула по-грузински своему теперь уже любимцу, и тогда прогремел над водой раскатистый хохот капитана.

И на третий день дама пришла — уже с цветами. Во время представления команд она величаво подошла к капитану и вручила ему букет.

Такова, стало быть, великая сила искусства.

Воспоминания о Грузии

Однако эпизод на том исчерпан не был, потому что стоявший рядом с Петром вратарь Георгий Харебов сделал шаг вперед и взмахнул по-дирижерски руками. Этот жест был мгновенно подхвачен трибунами — раздались бурные аплодисменты. Харебов ритуально проводил болельщицу до места, вручил ей невесть откуда взявшийся апельсин и поцеловал руку. Она

ответила поцелуем в темя и перекрестила его. В общем, начало игры отнесли минут на пять, пока все не успокоились.

О Георгии Харебове надо рассказывать особо, потому что не было среди друзей Петра Мшвениерадзе более удивительного человека, чем Харебов.

Если сказать, что в «Динамо» его любили, это значит ничего о нем не сказать. Сказать, что он был душой всей команды, — точнее, но и этого мало. Харебов излучал безмерную доброту и тепло, а темперамента он был безудержного, взрывного. Он мог прогнать любое уныние — от неудавшейся игры, ссоры с любимой, промозгло-холодного дождя, усталости.

В семьдесят седьмом году он умер от рака поджелудочной железы. Было очень много людей на похоронах. Они говорили, что нет, не может быть двух других более несовместимых понятий, чем Харебов и смерть.

Вместе с Петром они играли за тбилисское «Динамо», Георгий в ту пору — совсем еще неважно. Годом раньше Петра он уехал в Москву учиться. Про водное поло совсем забыл, играл в русский хоккей — стоял в воротах. Потом, с приездом друга в Москву, вернулся в бассейн, встал в ворота.

Играл Георгий за «Динамо» до пятидесят седьмого года, стал хорошим вратарем, несколько раз выступал за вторую сборную СССР. Большого не достиг, хотя задатки были замечательные. Зато он стал хорошим детским тренером. И хорошим судьей, много раз выезжал за рубеж судить крупнейшие международные соревнования.

Азартен он был с детства, сколько его Петр помнил. Обладал удивительной реакцией, острым восприятием, прекрасной памятью. Много читал, свободно владел несколькими языками: кроме грузинского и русского — армянским, азербайджанским, греческим. Хранил в себе несметное множество историй как доподлинных, так и им же выдуманных. Однажды в мальчишеском детстве Жора привел Како к пещере и горячо убеждал его в том, что здесь под камнем зарыто оружие Чингисхана. Таким выдумщиком остался навсегда. Но все его сочинительства были безобидными, от них веяло добротой.

Как-то Петр очень торопился к себе домой, на Смоленскую. Неловкость чувствовал, знал, что дома собрались гости. Лифта ждать не стал, через три ступеньки взлетел на пятый этаж, готовый выпалить тысячу извинений.

Дверь в квартиру оказалась незапертой, но вдруг что-то остановило его порыв. Наверное, то, что вместо ожидаемого гула он услышал голос всего лишь одного человека — Жоры Харебова.

Петр тихо подошел к комнате и заглянул через чье-то плечо в открытую дверь. Встретился взглядом с Рубеном Николаевичем Симоновым, выдающим себя за режиссера. Тот вместо приветствия сделал Петру страшные глаза и приложил палец к губам. Все слушали Харебова, который в этот момент, увидев друга, воскликнул:

— Ну вот и наш Како пришел. Заходи, дорогой, гостем будешь. Нателла, положи ему что-нибудь на тарелку, сам он, я знаю, никогда поесть не попросит, робкий очень.

Чуть позже Рубен Николаевич подошел к Петру и сказал:

— Если б вы знали, какой артист пропадает, какой артист!

По сей день ветераны водного поло, собираясь вместе и вспоминая счастливые годы большой игры, то и дело говорят: «А помнишь, как Жора...» Никого столько не вспоминают.

Тренировался Харебов самозабвенно. В наши дни этим уже вряд ли кого удивить, даже стали газетным штампом слова: «Его приходилось силой выгонять с тренировки». Но именно так тренировался Харебов.

Однако порой приходилось применять ту же силу, чтобы Георгий явился на тренировку — так тоже бывало. Отважный вратарь московского «Динамо» не был человеком сильного характера. Любил он сладко поесть, а потому был склонен к полноте. Иногда позволял увлечь себя в разудалую компанию, после чего являлся на тренировки совершенно «разобраным». Знал, что это никуда не годится, что ему достанется от Петра. И ему действительно доставалось. Он клялся, что это в последний раз, что ничего подобного впредь не повторится. И действительно, не повторялось, иногда по несколько месяцев. Держал себя в руках и хорошо играл. Потом снова срывался...

Петр, не любивший баню, вынужден был регулярно ходить в парную, чтобы помочь своему другу согнать несколько лишних килограммов.

— Ну что с тобой делать, Жора? — говорил он ему, охаживая веником. — Ведь завтра ты снова выпьешь бочку лимонада. Как мне с тобой быть? Почему ты у своей мамы такой неудачный получился?

— Всё, Како. Еще два стакана боржоми, и начинаю становиться молодым и стройным. И таким же сильным, как ты. Ну почему у меня нет такой силы воли, как у тебя?

— Так очень удобно говорить — нет силы воли. Так легко жить. Ах, бедный! Оправдываешь себя? А ты говори: есть у меня сила воли. Говори себе: я сильный. Ты хороший вратарь. Но не самый лучший. А нужно быть самым лучшим. Гойхман лучше тебя. А ты говори себе: я буду лучше Гойхмана.

Такая постоянная педагогическая работа с Харебовым свои плоды все же приносила. Но порой они, так и не созревшие, оставались зелеными на дереве, пока их не прихватывал мороз. Так и не стал Георгий Харебов лучшим вратарем Советского Союза, хотя нередко творил чудеса.

Однажды в игре против тбилисского «Динамо» был назначен пенальти в ворота москвичей, которые защищал Харебов. Пока не прозвучал свисток судьи на исполнение броска, Петр подплыл к Георгию и хотел подсказать, как и куда вероятнее всего сейчас ударит Нодар Гвахария. Однако Нодар, видя это, нервно крикнул Петру: «Ар митхра!» (Не смей говорить!) Капитан усмехнулся и действительно промолчал. Только бросил Нодару: «Как скажешь, дорогой». Гвахария ударил в правый верхний угол, но вратарь прекрасно среагировал и парировал мяч.

Вскоре в ворота москвичей был назначен второй пенальти, бить который приготовился Чхиквадзе. Мшвениерадзе опять было направился к Харебову, однако вновь был остановлен окриком Гвахария, на который ответил тем же: «Как скажешь». Мяч, посланный Чхиквадзе, Харебов тоже взял.

И вот в третий раз назначили четырехметровый московским динамовцам. Приготовился бить Гиви Чикваная. Теперь Гвахария решил промолчать. Мшвениерадзе тоже. Чикваная ударил, но Харебов был в этот день непробиваем.

Однако бывало и по-другому. В тот год, когда Петр выступал за команду ВВС, играл он как-то матч на первенство страны против своих бывших и будущих одноклубников. Перед игрой Харебов подошел к нему и спросил:

— Како, скажи честно, как другу: если назначат пенальти в наши ворота, куда будешь бить, в какой угол?

— Хорошо, Жора, как другу скажу: в правый, а вниз или вверх не скажу, чтоб ты совсем не разучился играть.

И вот — пенальти в ворота Харебова. Мшвениерадзе бьет в правый верхний угол, но Харебов, подозревая друга в хитрости, заранее бросается в левый и пропускает гол.

Потом назначают второй пенальти в ворота динамовцев. Георгий, будучи теперь еще более уверенным, что Петр направит мяч в левый угол, вновь наказывает себя.

Третий пенальти — снова бьет Мшвениерадзе. Уж теперь-то Харебов и вовсе не сомневается, что тот ударит в левый угол. \ Но Мшвениерадзе свое слово по-прежнему держит и опять забивает. Так он забил четыре пенальти, все в правый угол.

После матча Георгий подошел к Петру и сказал:

— Никогда не думал, что ты такой обманщик.

...Однажды, когда игры всесоюзного чемпионата проводились

в бассейне Центрального стадиона имени В. И. Ленина, там в те же дни давал представление цирк на воде.

Закончилась очередная игра, ватерполисты ушли в раздевалку, выходят, а над водой уже канат натянут, да высоко — метрах в восьми от поверхности.

— Ну что, Како, — сказал Харебов, — может быть, и нам с тобой в водяную феерию податься?

— Тебе это подойдет, Жора. Нарядить тебя в шкуру морского льва и выпустить перед зрителем. Будешь мячи ловить. Ты хорошо мячи ловишь, когда несильно бросают.

— Смеешься, да? А знаешь, какой во мне цирковой талант гибнет? Ай какой талант! Вот видишь канат, Како? Хочешь, я пройду по этому канату?

— Хочу. Не пройдешь.

— Я тоже хочу. И пройду.

— Весь канат пройдешь?

— Весь — не знаю, а до середины пройду.

— А как же обратно?

— Нет, обратно я пока не научился.

— Ты и до середины не пройдешь.

— А если пройду?

— Я исполню любое твоё желание.

— Договорились, только нужно спросить разрешения. А вот и конференсье идет. Здравствуйте, товарищ Брунов. Перед вами новый большой цирковой талант.

— Здравствуйте, товарищ большой талант. Чем могу быть полезен?

— Талант хочет самовыражаться. Хочет, чтоб его увидели и оценили. А потом осветили лучами славы. Хочу пройти по этому канату.

— С ватерпольным мячом? И сверху забить гол?

— Нет, я серьезно. Разрешите?

Брунов рассмеялся, пожал плечами:

— Лично я готов вам аплодировать. Но разрешение мое вас не спасет.

— Хорошо, товарищ Брунов. Придется мне самому спасать себя. В конце концов, не я первый сказал, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. А еще мне поможет вот этот уса́тый важный человек, — он показал на Петра.

Харебов удалился в раздевалку и почему-то задержался там минут на десять. Когда же он вышел на бортик бассейна, то очень удивился. Вместо ушедшей с соревнований публики появилась другая. Оказывается, к этому моменту на Большой спортивной арене закончился футбольный матч и зрители перекочевали в

бассейн посмотреть цирковую программу.

Так Харебов неожиданно оказался перед массовой аудиторией. Но в каком виде! На нем были обреченная до локтей рваная тельняшка и немыслимой длины черные сатиновые трусы. И где только за десять минут он успел все это раздобыть? А публика прибывала.

— Что будем делать, Жора? — развеселился Петр. — Помоему, представление нужно отменять.

— Ни за что! Не таков Георгий Харебов. Пусть смолкнет оркестр и зазвучит мерная, напряженная дробь барабана. Георгий Харебов вступает в высокое искусство. Прощайте, спортсмены! Помните Георгия Харебова!

Тут вся динамовская команда дружно зааплодировала, а публика, приняв все это за прелюдию к представлению, последовала ее примеру. Харебов полез наверх.

Приветственно помахав публике рукой, он сделал первый шаг. Потом второй. Третий. Трибуны затихли. Неуклюже дергаясь, готовый в каждую секунду сорваться, Харебов двигался по канату. Было видно, что он твердо намерен дойти до конца, не ударить лицом... в воду. Но нет. Ударил. Да только не лицом, а принципиально другим местом. Правда, перед полетом успел-таки сделать прощальный жест.

Когда хохот на трибунах стал медленно стихать, а Харебов, приходя в себя, сидел на скамье, подошел милиционер.

— Кто вы такой?

— Я молодой артист цирка.

— Ваши документы.

— Какие документы у голого человека, товарищ милиционер? На мой номер никакие документы не нужны. Это же уникальный номер в мировом цирке.

— Ваша фамилия?

— Моя? Мшвениерадзе. Все равно не запомните, запишите — я продиктую. Только не пытайтесь повторять, бесполезно.

— Хорошо. Где ваш руководитель?

— Вот, пожалуйста, — он показал на Петра. — По одному виду ясно, что он — руководитель. Фамилия его Харебов. Пусть он вам и отвечает, а я пошел.

— Нет подождите. Значит, вы руководитель? — повернулся милиционер к Петру.

— Я? Какой я руководитель? Я спортсмен, участвую в соревнованиях по водному поло. А этого человека никогда не видел. Хулиган какой-то, маньяк. И к тому же по канату ходить не умеет. Даже до середины не дошел.

— Как не дошел?! — вскричал «артист». — Зачем так шутишь

над пострадавшим?

В этот момент подошел Борис Брунов и вместе со всей динамовской командой упросил милиционера отдать самозванца на поруки.

...Сборная нашей страны приехала в Белград на турнир сильнейших команд Европы. Перед началом игр — традиционный прием для участников, судей и журналистов. Уже произнесены все речи и приветствия, а в зале все еще царит чопорная, официальная атмосфера. Все чувствуют себя скованно. Хотя соревнования и весьма высокого ранга, такое начало — не в традициях.

И вдруг грянула музыка. Грузинская. Оказалось, что Георгий Харебов — судья из Советского Союза — привел из соседнего зала оркестрантов. Он сбросил пиджак и понесся по залу, выделявая такое, что охнули бы солисты из знаменитого ансамбля Сухишвили — Рамишвили.

«Серьезный человек всегда ходит в шляпе», — говорил остролов и душа динамовской команды вратарь Г. Харебов

О Харебове можно б отдельную книжку написать...

Так совпало, что племянник Харебова играет в одной юношеской команде тбилисского «Динамо» с сыном Джабы Иоселиани — ближайшего друга Петра Мшвениерадзе. Но так ли уж это удивительно? Можно догадаться, почему Джаба Константинович Иоселиани, профессор театрального института, человек весьма далекий от спорта, отдал сына в водное поло. Племянник Георгия Харебова тоже, судя по всему, забрел в бассейн не случайно.

Когда Петр Мшвениерадзе приезжает в Тбилиси, он идет на Глданское кладбище. К матери своей и Георгию. Их могилы рядом. Так получилось.

В олимпийский Мельбурн в ноябре 1956 года наша ватерпольная сборная летела за медалями. К этому времени она набрала уже достаточный опыт международных встреч. Наигрывался состав команды и, что не менее важно, завоевывался авторитет, тот самый, о котором говорил Бела Райки.

Незадолго до Игр в «Советском спорте» появилась статья одного из самых авторитетных специалистов водного поло А. Ю. Кистяковского, в которой он оценивал соотношение сил на международной арене. В частности, автор обращал внимание на то, что венгры не очень сильны в единоборстве, что для них характерно стремление во что бы то ни стало вырваться вперед и сыграть с ходу, не принимая силовой статической борьбы. Югославы же, предупреждал Кистяковский, менее маневренны, сильнее физически, массивнее, а потому охотно идут на силовую борьбу. Вывод напрашивается сам: нужно уметь играть разнообразно, в зависимости от стиля игры соперника. К этому и готовилась команда, в составе которой осталось лишь четыре прежних олимпийца — Борис Гойхман, Валентин Прокопов, Юрий Щяпин и Петр Мшвениерадзе. Зато в расцвете сил был Нодар Гвахария, прочно заняли ведущие места в команде хотя и новички, но уже опытные ватерполисты Вячеслав Куренной и Петр Бреус, все уверенней чувствовали себя второй вратарь Михаил Рыжак, полевые игроки Виктор Агеев, Сурен Маркаров, Георгий Лезин.

Сборная СССР 1958 г. Слева направо: В. Семенов, П. Мшвениерадзе, Б. Гойхман, П. Бреус, В. Куренной, А. Карташов, В. Прокопов

Перелет в Австралию был крайне тяжелым. Согласно «научно обоснованным» рекомендациям, в целях постепенной акклиматизации отдыхали по пути в Ташкенте, Дели, Рангуне,

Сингапуре, Дарвине. В Рангуне была жара и почти стопроцентная влажность, а потому с непривычки состояние игроков было близким к глубокому и затяжному обмороку. Ненамного легче они чувствовали себя в Дели и Дарвине. Стало ясно, что нужно было сразу лететь в Мельбурн и проходить акклиматизацию на месте.

В предварительном турнире нашими соперниками оказались сборные Югославии, Румынии и Австралии. Жребием остались довольны. Еще бы — самые сильные из этой тройки югославы, а с ними незадолго до Олимпиады наши игроки встречались и победили с крупным счетом.

Однако соперник вышел на игру неузнаваемо преображенным и собранным. С первой же минуты югославы стали обстреливать ворота Гойхмана с любых дистанций. Тот держался достойно, но все же пропустил три гола, причем третий как-то нелепо: били несильно и издалека. Однако гол этот оказался решающим, наши спортсмены забили два, оба — Мшвениерадзе.

Он же забросил почти все мячи в двух последующих встречах — с румынами (4:2) и австралийцами (3:0). Так сборная СССР вышла в финальную шестерку, правда, с одним поражением.

Начались игры финала. Мшвениерадзе продолжал забивать голы, готовя себя к главной встрече — с венграми. Еще были шансы выиграть Олимпиаду.

Однако сборная СССР потерпела поражение. Счет того трудного матча — 4:0 в пользу команды Венгрии.

Оставалось теперь бороться лишь за бронзовые медали. Для этого нужно было победить объединенную германскую команду. Но и здесь игра пошла невезучая, вязкая. Соперник сразу повел — сначала 1:0, потом разрыв увеличился.

Но разыгрался Нодар Гвахария. Он забил подряд два мяча. Игра выровнялась. Резко активизировался Мшвениерадзе.

И вот при счете 4:4 удаляют нашего игрока. Тем не менее его товарищи перехватывают мяч и идут в контратаку, ясно осознавая: если не забьем, непременно получим гол в свои ворота, ведь у соперника численное преимущество, а у нас оголены тылы.

С подачи Прокопова капитан команды из труднейшего положения точно бросает в ворота, а еще через несколько минут забивает последний гол. Команда Советского Союза впервые становится бронзовым призером Олимпийских игр, а Петр Мшвениерадзе — заслуженным мастером спорта СССР.

Глава 7 ИТАЛЬЯНСКОЕ КАПРИЧЧИО [1]

Со второй своей олимпиады сборная команда нашей страны вошла в элиту мирового водного поло. Сборные Венгрии, Югославии, Италии и СССР в последующие четверть века делили между собой награды едва ли не всех крупнейших международных турниров. Даже провал на Олимпиаде-76 в Монреале, явившийся следствием явных тренерских ошибок, вряд ли изменил истинное соотношение сил в группе сильнейших, что и подтвердили последующие годы.

250 игр провел за сборную своей страны ее бессменный капитан Петр Мшвениерадзе, участвуя в десятках международных соревнований. Чаще всего игру его называли блестящей, превосходной, реже — хорошей. Бывали и неудачные игры.

Он считал, что никому не должно быть дела до его настроения, здоровья, душевного состояния, если он капитан. И никто не знал, что порой выходил он на игру совершенно больным, с пылающим горлом и температурой. Не будем огульно восхищаться такими поступками, потому что спорт — не война, где победа имеет другую цену. Но таков Петр Мшвениерадзе, безмерно веривший в свое могучее здоровье, силу духа и считавший, что, позволив себе слабость один лишь раз, отступишься и в другой. И никто не знал, почему иногда он играл хуже, чем обычно.

...Этот турнир стал лучшим в его жизни. Никогда и нигде не играл он так ярко, изобретательно, мощно, искрометно, никогда не изумлял соперников и зрителей столь неожиданными и остроумными решениями. Все лучшее, чем одарила его природа, что обрел он к этому времени, он представил здесь, в Югославии, спустя год после Мельбурна — на турнире «Трофео Италия», участвовать в котором были приглашены шесть сильнейших команд Европы: «большая четверка», а также Нидерланды и Румыния.

Ему нравилось выступать в Югославии, где водное поло любят едва ли не так же, как футбол. Знал и чувствовал зрителя, его тонкое понимание игры. Ну и, конечно, ощущал свою популярность. И щедро платил за нее.

В эти августовские дни весь Загреб жил водным поло. Флаги и флажки стран-участниц мелькали по всему городу — в автомобилях и витринах магазинов и киосков, на одежде гостей и

журналистов, приехавших из тридцати стран.

Наша команда прибыла на турнир хорошо сыгранной, сбалансированной. Все игроки знали: сильнее могут оказаться только венгры, до той поры ими ни разу не побежденные в настоящих, боевых официальных встречах. Выигрыш в пятьдесят третьем году на фестивальном турнире в расчет можно было не брать — венгры прислали тогда второй состав.

За месяц до начала турнира в Загребе давние соперники встретились в Москве, в решающем матче турнира III Всемирных игр молодежи. Советская сборная отыграла тот матч неважно. Лишь дебют она провела азартно, в острых атаках. На седьмой минуте Мшвениерадзе открыл счет. Но тут же удалили Семенова, и Маркович с подачи Карпати выровнял положение.

С той минуты игра у нашей сборной просто разладилась. Маркович совсем отключился от атакующих действий своей команды, занявшись только опекой главного бомбардира советской сборной, и на этот раз небезуспешно. В итоге ничья — 5:5, которая устраивала венгров, так как, набрав одинаковые с нами очки, они стали победителями по соотношению мячей.

Мшвениерадзе плохо сыграл в том матче. Готовился к нему очень серьезно, настраивался. Но не пошла игра. Его спрашивали потом, в чем дело? Он лишь разводил руками: если б знать!

У крупных поэтов нет плохих стихов. Неужели не пишут таких? Пишут, наверное. Но не публикуют. У спортсменов же все выступления «опубликованы» — происходят на глазах у публики.

Неудача в матче с венграми озадачила игроков и тренеров, но не более того. По тренировкам, по всем предыдущим играм чувствовалось: команда на подъеме, нужно еще немного времени и усилий, и она одолеет любого соперника.

После олимпийского турнира изменения в сборной произошли незначительные: вместо Маркарова и Лезина в нее вошли Анатолий Карташов и Владимир Семенов. Вместе с ними в Загреб приехали Борис Гойхман, Валентин Прокопов, Петр Бреус, Вячеслав Куренной, Нодар Гвахария, Игорь Зингер, Виктор Пирейко, Анатолий Дымерец и Мшвениерадзе.

Первая встреча турнира в Загребе — с итальянцами — явно удалась, и больших трудов победа не стоила. Играли легко, раскованно, как на тренировке. Берегли силы, зная, что следующий матч — самый главный. Таким он и стал.

У венгров в составе шесть олимпийских чемпионов — Енеш, Майер, Маркович, Хевеш, Варга, Сивош. С первых минут Майер не может справиться с Мшвениерадзе, да и вряд ли кому другому оказалась бы эта задача по плечу. Капитан двумя сильнейшими

ударами со средних дистанций поражает ворота.

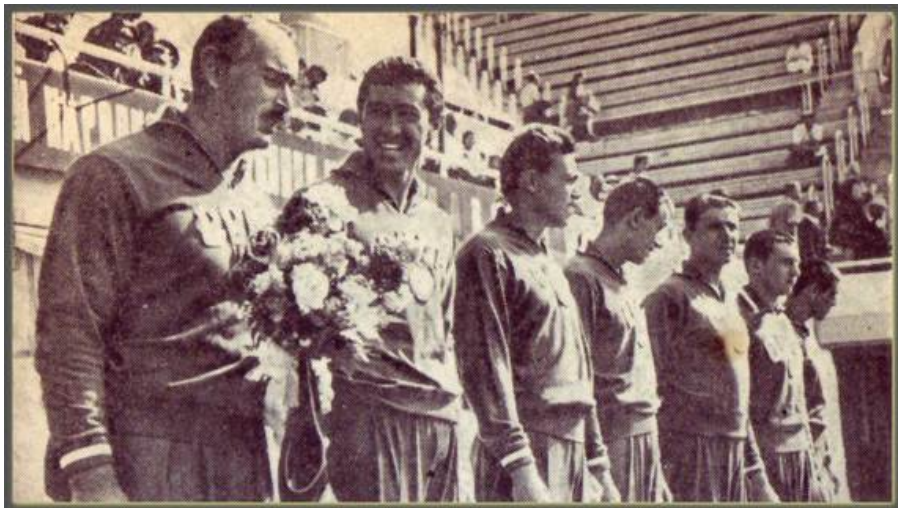
Такого начала не ожидали ни соперники, ни, кажется, даже судьи. Во всяком случае, в советской сборной подряд два удаления, и на табло — две двойки, счет равный. На том и заканчивается первая половина игры.

Второй период наша команда начинает столь же бурно. Мшвениерадзе чуть оттянулся назад и удачно разыгрывает комбинации то с Карташовым, то с Куренным. Их усилиями счет становится 4:2. Венгры растеряны, они устали сопротивляться. Игроки сборной СССР это чувствуют, но по опыту знают, что ликовать рано: соперник силен, он еще может взорваться. И снова атака за атакой. Две минуты до конца игры. Мшвениерадзе с двенадцати метров забивает пятый мяч. Но пятым голом он не стал, судья почему-то не засчитал его.

Трибуны встают и начинают скандировать фамилию героя матча. Правда, уже давно югославские болельщики отчаялись с ней справиться, и потому над бассейном несется: «Миши! Миши!» Так его называли по-хорватски.

Победа! И тут же, задолго до окончания турнира, Мшвениерадзе объявлен лучшим его игроком. Выиграли у команды Нидерландов — 8:1, Румынии — 8:4. Остался последний матч — с хозяевами. Он оказался самым трудным. Советские ватерполисты были сильнее и знали это, но эффект родного поля, родных трибун с таким азартным зрителем воздействует и на игроков, и на судей.

В том матче в составе югославской сборной появился новый игрок — Ивкович. Трудно предположить, что перед ним была поставлена именно та задача, которую он выполнял, хотя бы потому, что давние дружеские отношения между игроками обеих команд не допускали нарушения законов рыцарства и взаимного уважения. Несчетное множество совместных тренировок провели советские и югославские ватерполисты и так друг к другу привыкли, что в одной из официальных встреч вратарь Мушкитирович оскандалился: получив мяч, он собрался было ввести его в игру, да увидел перед собой Мшвениерадзе и, забыв, что это не тренировка, по привычке ему и отпасовал. Но тут же, услышав хохот трибун, понял свою оплошность и немедленно изготавился к отражению удара. Бомбардир, однако, не смог не ответить на любезность иначе как любезностью и потому несильно метнул прямо в Мушкитировича. Тот уж такого и вовсе не ожидал и мяч не поймал, а отбил. К мячу бросились двое: югославский защитник и наш бомбардир, которому пришлось борьбу эту выигрывать и бить по воротам уже всерьез и без промаха. Именно такими дружественными были и остались

1960 г. Перед игрой с командой Югославии. Слева направо: П. Мшвениерадзе, Г. Чикваная, В. Агеев, В. Семенов, Б. Гойхман, Ю. Григоровский, В. Куренной

И вдруг у югославов появился разудалый молодец, которому, казалось, до мяча нет никакого дела. Он раздавал удары направо и налево — в грудь, в живот, по голове. Да так, что вскоре отправил Валентина Прокопова в глубокий нокдаун. Только тогда Ивкович вспомнил, наконец, о мяче, захватил его, направил партнеру, который и забил второй уже гол в наши ворота. Однако представитель европейского комитета ФИНА остановил игру и гол не засчитали. Вскоре Куренной нанес сильнейший удар по югославским воротам и счет стал равным. На том и закончился этот странный матч, который тем не менее вывел нашу команду в победительницы турнира.

Вечером состоялся прием, на котором Петру Мшвениерадзе было вручено два приза. Первый — командный, «Трофее Италия», за победу сборной СССР. Второй — личный, как лучшему и самому результативному игроку турнира. Позже этой почетнейшей награде суждено было занять место более достойное, по мнению Петра, нежели в его семейной коллекции. Он подарил эту хрустальную вазу одному из самых дорогих для себя людей — Николаю Николаевичу Кецховели.

На традиционной конференции, посвященной итогам турнира, Бориса Гойхмана спросили: «Какая команда окажется самой сильной: та, в которой будут играть шесть Мшвениерадзе, или шесть Куренных, или шесть Бреусов?» На что Гойхман

ответил: «Самая сильная — та команда, в которой один Мшвениерадзе, один Куренной, один Бреус, один Семенов, один Карташов и один Прокопов».

— Молодец, Боря, лучше ответить было нельзя, — шепнул капитан своему товарищу, который, несмотря на свои тридцать восемь лет, великолепно отыграл турнир и был признан лучшим вратарем.

Великий рыцарь спорта Борис Гойхман. Он стал известным ватерполистом еще задолго до войны. Теперь же он был уверен, что этот турнир — последний для него. Гойхман собирался уйти и раньше, и впоследствии тоже. Но каждый раз, когда труба трубила сбор, оказывалось, что без Гойхмана нельзя, не получается. Потому что он был последней надеждой команды, и если она не сбывалась, то неудача постигала весь коллектив. Великолепный техник, игрок с прекрасной реакцией и острым чувством позиции, он, так же как и Мшвениерадзе, пользовался абсолютным авторитетом и в своем армейском клубе, и в сборной. «Все ж время вышло и звонок мой прозвенел», — сказал ветеран себе и товарищам. Сказал тогда, в пятьдесят седьмом, в Загребе.

Но год спустя его уговорили вновь занять место в воротах. Предстоял чемпионат Европы в Будапеште, где венграм победить, казалось, сам бог велел, что они и сделали, водворив нашу команду на третье место.

Гойхман после этого не играл даже за свой клуб ЦСКА. Тренировал мальчишек. Но о нем вспомнили опять. Уговорили, уломали. Все то же настоятельное «надо» вернуло его в ворота. На сей раз — в ворота сборной Москвы для участия во II Спартакиаде народов СССР. Победили они в том турнире. И он, и Мшвениерадзе играли прекрасно. Правда, бомбардиру в тот год лишь тридцать стукнуло и на него по-прежнему смотрели как на основную ударную силу команды. Он упорно готовился к третьей своей олимпиаде.

Ну, а Гойхман, который был на десять лет старше своего боевого товарища, все эти три предолимпийских года жил уже иным укладом, иными ритмами. Что побудило старшего тренера сборной Виталия Ушакова в очередной раз попросить Гойхмана вернуться и зачислить его в олимпийскую команду? Богатый опыт вратаря. Его воля и хладнокровие, столько раз вселявшее уверенность в своих игроков и панику в соперников. И все же преградой оставался возраст. Да не оставался, а неумолимо рос, тогда как требования к специальной подготовке и тренированности отнюдь не уменьшались.

Конечно, надо было предвидеть, что большой мастер даже и

не в лучшей своей форме способен собраться и «выстрелить», совершить невозможное, но сделать это он может раз или два. Вряд ли больше. Для большего нужна совершенно иная тренированность. И еще: если ошибку полевого игрока могут исправить товарищи, то вратарскую — уже никто. Потому так значительна роль вратаря в команде.

А ведь был в сборной 22-летний Лери Гоголадзе из тбилисского «Динамо», вратарь, доказавший, что ему можно доверять в любых матчах. Он убедительно подтвердил это на той же Олимпиаде. К сожалению, подтвердил тогда, когда было уже поздно.

В Рим наши ватерполисты ехали с твердой и обоснованной верой в наивысший успех. И игроки, и тренеры считали, что на этот раз собралась лучшая за все времена национальная команда, сильнее даже той, загребской. В расцвете сил был Вячеслав Куренной, универсальный игрок, далеко не новичок в сборной, к тому же самый в ней быстрый, проплывший незадолго до Игр сто метров вольным стилем за 57 секунд. Блестящий техник, изобретатель, выдумщик, импровизатор. И вместе с тем в высшей степени боец.

Окрепили и набрали уже немало опыта, хорошо вписались в команду молодые Юрий Григоровский и Гиви Чикваная. Четвертый год играл в сборной Анатолий Карташов, тонко понимавший партнеров игрок, к тому же с острейшим чувством голевой позиции. Утвердились в команде нападающий Владимир Семенов и защитник Виктор Агеев. Таков был олимпийский коллектив, который, как и ранее, возглавлял Петр Мшвениерадзе. Все улучшалась сыгранность, функциональные тесты говорили о том, что физическое состояние спортсменов очень хорошее.

Это же подтверждали и контрольные игры. С итальянцами встречались трижды и каждый раз завершали встречи победами с разницей в 6–7 мячей. Причем ясно было — если потребуется больше, забьют и больше. Казалось, завязать нашим игрокам глаза — все равно будут играть здорово. Так чувствовали и друг друга, и себя.

Но червь благодущия и на этот раз вполз в окрыленные души. Скольких несомненных, безусловных фаворитов низверг он нелепыми, казалось, падениями на трассах и дистанциях, внезапной судорогой мышцы, «случайным» голом от слабейшего. Сколько неведомых миру имен взрывом, молнией возносилось из глубин своей неизвестности на Олимп только потому, что их не приняли в расчет и пыл тратили на соперников второстепенных, открывая тем самым путь к вершине другим.

Старая, как мир, спортивная притча!

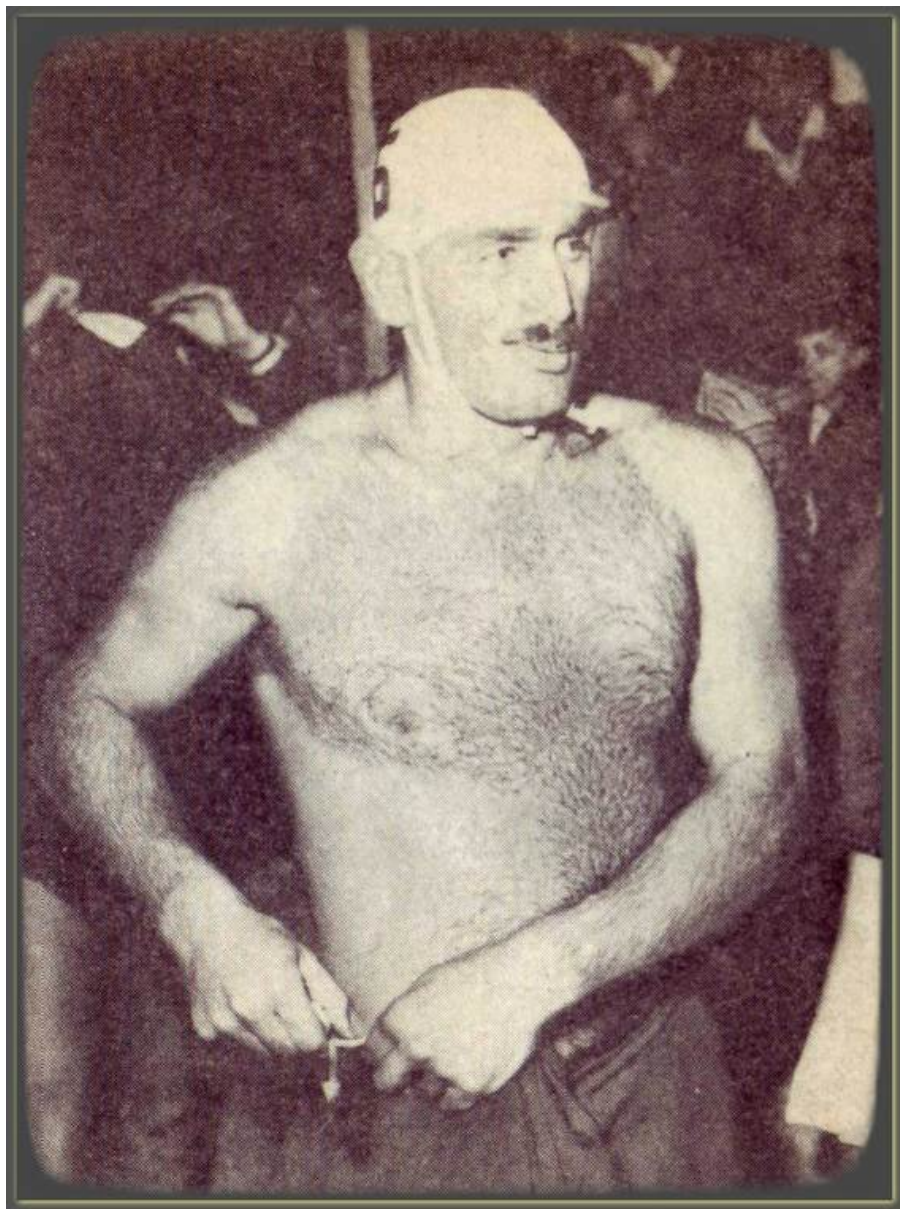
Словно забыли наши ватерполисты, что итальянцев из почтенного квартета никто не исключал, что играть с ними теперь предстояло перед неистовыми «тиффози», от крика и трещоток которых накалялся воздух и, чтобы перекинуться словом или советом, нужно было подплыть и крикнуть в ухо. Что это — Олимпиада, ломающая представления о пределах человеческих возможностей. И игроков, и зрителей.

И все же, конечно, не зрители сыграли решающую роль в олимпийской встрече сборных команд СССР и Италии, а благодушная вера в свое превосходство.

До полуфинала дошли сравнительно легко. Выиграли у объединенной германской команды (5:4), у Аргентины (7:4), у Бразилии — с разницей в шесть мячей. Первый полуфинальный матч нашей команде предстоял со сборной Румынии. Это уже гораздо более серьезный соперник. К тому же и матч — четвертый за семь дней, нагрузка немалая. Но на Олимпиаде все в одинаковом положении.

Начало провели очень скованно. Румыны отошли назад и подолгу держали мяч, даже не делая попыток приблизиться к нашим воротам. План, стало быть, простой — расчет на случай. Цена же победы высокая — выигравший выходит в финальную четверку.

Эта нудная игра в одни, но крепко запертые ворота продолжалась весь первый тайм и лишь в конце его Мшвениерадзе прорвался вперед, мастерски обыграл своего сторожа Бадице и открыл счет. Все. Взрыв в игре произошел, а после перерыва наши ватерполисты продолжали успешно ломать оборону румын и победили. Путь к медалям для них был открыт.

Рим. 1961 г. Капитан сборной СССР Петр Мдивениерадзе готов к бою

И наконец, встреча с итальянцами. Перед матчем состоялся тренерский совет. Решили, что играть достаточно двумя нападающими вместо трех. И в защиту ввели Агеева.

А следующее предложение старшего тренера показалось многим неожиданным.

— Думаю, нам нужно заменить вратаря, — сказал Ушаков. —

Гойхман играл пока хорошо, но я чувствую: это его предел. Он устал, хотя сам, мне кажется, этого пока не осознает. Горит, рвется в бой. Все же было бы разумным заменить его на Гоголадзе.

Но тренерский совет не поверил Ушакову. Решающее слово было при этом за капитаном.

— Вряд ли нужно заменять в хорошо работающей машине важную деталь, — сказал он, — тем более во время гонки. Борис сыграет хорошо, нужно ставить его.

Но на этот раз тренер оказался мудрее капитана.

И вот — игра. Первое впечатление — не о сопернике, а о зрителе. Знали заранее, не раз имели возможность ощущать «эффект трибун» на себе. Но такого безумного, неудержимого, истерического рева двадцати пяти тысяч глоток не ожидали, не были к нему готовы. Не могли предвидеть и метаморфозу, происшедшую с итальянской командой, да скорее всего она и была порождена теми же «тиффози».

Все же перед лицом справедливости грех было бы умолчать о том, что нашей команде противостоял отнюдь не слепой, бессистемный отчаянный порыв без оглядки, когда нечего терять. Нет. В действиях итальянцев воля и азарт сочетались с логикой, четкой конечной установкой, дисциплиной. И ни тени робости, никакого упования (как у румын) на случай. Хотя поначалу хозяева поля заиграли в том же, что и румыны, ключе: чуть отошли назад и подолгу разыгрывали мяч в своей зоне, идя вперед только навстречу.

Судья Боуэне из Бельгии не дал возможности ни Григоровскому, ни Мшвениерадзе добиваться успеха в силовом единоборстве. Правда, этот его судейский почерк был уже хорошо известен, и потому установка на игру предполагала большую маневренность обоих нападающих, а полузащитников особенно. Однако выжидательная тактика итальянцев стала приводить к скученности у их ворот, и маневренная игра у сборной СССР не пошла, а игру на месте судья просто пресекал и каждый раз отдавал мяч итальянцам.

На восьмой минуте знаменитый Эральдо Пиццо, находясь в семи-восьми метрах от наших ворот, несильно бросил. И Гойхман нежданно-негаданно пропустил этот легкий мяч. Стадион даже не сразу взорвался ликованием, настолько происшедшее оказалось неожиданным, нелогичным, даже нелепым. Никто не понял, как это случилось, — даже сам Пиццо.

Наши игроки уже давно оценили, что им противостоит иная, не знакомая ранее команда — хорошо организованная, техничная и, главное, явно нацеленная на победу. И наконец игра у

советских ватерполистов, кажется, наладилась. Итальянцы прижаты к воротам. Удары следуют один за другим. Но как хорош сегодня вратарь России! Бьют Чикваная, Карташов, Куренной, Мшвениерадзе. Кажется вот-вот встрепенется сетка. Но России творит чудеса.

И вот он, извечный закон большой игры: безрезультатно атакующая команда получает гол в свои ворота. Вышло так, что на пути рвавшегося к нашим воротам Д'Альтруи выросли Карташов и Куренной, и тогда итальянец, не мудрствуя лукаво, бросил метров с шести в ближний верхний угол. Тысячи подобных несильных бросков парировал Гойхман в прежние времена, но этот... Итак, 2:0. Смятения в наших порядках нет, но нет уже и времени, чтобы отыграться. Мшвениерадзе в одиночку прорывается к воротам, перед ним никого, кроме России. Бомбардир высоко выпрыгивает и с невероятной силой бьет. Нет, России и на этот раз непостижимо как, но угадал, где окажется мяч. Тут же удаляется из воды игрок итальянской команды. Но и последний шанс ускользает из рук советских игроков. Второй тайм наша сборная провела много собранней, чем первый, но счастье отвернулось от нее. Если бы с самого начала играли с соперниками как с равными, если бы послушали тренера и заменили подуставшего Гойхмана, если бы, наконец, не «тиффози». Но все это утешение для сновидений. Десятки раз и до и после встречались сборные СССР и Италии, и почти неизменно побеждали советские спортсмены. Теперь же, когда, казалось, были все шансы, основания, возможности завоевать высший в мире спортивный титул, путь к нему преградила именно итальянская команда. Неисповедима спортивная жизнь!

Еще одна сенсация олимпийского турнира ватерполистов: сборная Югославии с преимуществом в один мяч нанесла поражение победителям Мельбурнской олимпиады — венграм.

У нашей сборной оставалась возможность завоевать серебряные олимпийские награды — тоже успех немалый и ранее недостижимый. Но путь к ним — как раз через встречи с венграми и югославами, которые, как и итальянцы, шли пока без поражений и тоже метили на «золото».

2 сентября эти команды встретились между собой. По законам спорта больше шансов на победу имела сборная Югославии. Слишком уж неожиданной была победа итальянцев над нашими ватерполистами. Победители показали игру выше своего истинного класса. Такое даром для триумфатора редко проходит, слишком много затрачено нервных и физических сил. Чаще всего после столь ярких всплесков следует спад. Вспомним хотя бы сверхсенсационную победу сборной Алжира над

западногерманскими футболистами на чемпионате мира в Испании. И последствия той победы...

Но итальянская публика бурно восстала против этого закона, скорее всего вовсе не зная его. После победы своих любимцев над советской сборной проиграть югославам она никак не могла позволить. И снова гортанно-трещоточный смерч бурлил над площадкой, снова итальянцы превосходили и самих себя, и соперников. Два мяча забили и один пропустили.

На следующий день советская сборная встречалась с венгерской. Первая половина — осторожная, явного преимущества ни одна из сторон не выявляет. И счет — равный 1:1, затем — 2:2.

Игра становится все более и более нервной, поединок между двумя старыми соперниками, да еще на этом высочайшем турнирном уровне кроме чисто спортивного характера имеет и принципиальный.

На седьмой минуте второго тайма Фелкаи доводит счет до 3:2. И тут же в течение двух минут голландский судья Гоозе удаляет сразу четырех игроков — с каждой стороны по два.

На поле стало намного просторнее, и этим воспользовался Мшвениерадзе. В единоборстве с Дьярмати он демонстрирует блестящую технику и сравнивает счет. А до конца матча остается уже менее 50 секунд.

Еще есть время для последней атаки. Но волею судьбы советские игроки остаются в численном меньшинстве, что, однако, не влияет на ход событий: Куренной и Карташов перехватывают мяч, выходят против защитника и вратаря, Куренной делает точнейшую передачу товарищу, тот один против пустых ворот, до конца еще более 15 секунд, но неожиданно раздается резкий свисток Гоозе.

Игра окончена. Ничья.

К заключительному дню турнира у итальянцев было 4 очка, у югославов — 2, у советской и венгерской сборных — по одному. Югославы сохраняли шансы стать олимпийскими чемпионами в случае победы над сборной СССР и проигрыша итальянцев венгерской команде. Так что теперь цель наших ребят — серебряные медали.

Последний матч советских ватерполистов на олимпийском турнире проходил остро и нервно. Они превосходили соперников скоростью и маневренностью, все время вели в счете, а югославы догоняли, все чаще и чаще нарушая правила.

Развязка наступила на седьмой минуте второго тайма, при счете 3:3. Гиви Чикваная стремительно прорвался к воротам соперников, получил пас от Куренного и, не останавливаясь,

забил мяч. Больше голов в этой встрече не было, и ее результат возвел итальянцев в ранг победителей Олимпиады. Несмотря на предстоявший матч с венграми, итальянская сборная была уже недостижима.

Какой теперь смысл играть ей этот матч в полную силу, когда сил уже не осталось? Да тем более после бурной ночи, проведенной на улицах Рима на руках ликующей толпы. Какой смысл добиваться победы, если она уже ничего не решает? Для чего играть, для кого?

Но неугомонному зрителю мало дела до состояния своей команды, до бессонной ночи среди факелов, им же зажжённых. Ему нужна только победа.

А чемпионы тем временем уже проигрывают венграм два мяча и, кажется, готовы безмятежно пропустить в свои ворота еще. Тогда в игру снова вступают трибуны. Они требуют борьбы, они требуют только победы. И любимцы трибун вновь бросаются в атаку. Через две минуты они сравнивают счет.

Наша сборная находится у бортика бассейна и, конечно, болеет за итальянцев.

Впрочем, только один человек из советской команды не кричит, не жестикулирует. Он даже не привстает с места. Этот один — капитан сборной.

— Како, ты заболел, да? Почему один сидишь? Иди к нам, — зовет земляка Гоголадзе.

— Я так же болею, как и ты, Лери. А сию я, потому что не могу с этого места уходить. Если уйду, клянусь, венгры выиграют.

Тут только Гоголадзе заметил, что капитан сидит на второй ступеньке пьедестала почета. Через полчаса он уже полноправно и торжественно встал на нее и получил высокую награду.

Итак, сборная команда СССР добилась наивысшего успеха за всю историю своих выступлений на международной арене. Было радостно, но и печально.

«Однако, все, пожалуй, справедливо, — думал капитан, глядя в окно автобуса, по дороге в гостиницу, — все справедливо». Он снова и снова анализировал игру итальянцев, находя этой победе все больше объяснений. В играх итальянцев он отмечал стремление нападать в непрерывном движении, завершать комбинации ударами с любых дистанций, бить по воротам мгновенно, без задержки мяча. Отмечал и то, что, не имея в своем составе нападающих, способных, как он, выдерживать силовые дуэли у ворот соперника, итальянцы отлично применяли единоборство подвижное и часто выигрывали его. Да и по арсеналу технических приемов олимпийские чемпионы выглядели ничуть не хуже их, серебряных призеров. «Как жаль, —

заклучил Петр, — что все это мы не смогли разглядеть и предвидеть. Ну да ладно, к следующей олимпиаде мне будет всего лишь тридцать пять, и мы еще повоюем... Эх, скорее бы домой!..»

Нателла в тот год ждала второго ребенка, и незадолго до отъезда на Олимпиаду Петр отправил ее к матери в Тбилиси, где и родился его второй сын. Сокрушался, что, как и восемь лет назад, в «позапрошлом» олимпийском году ему вновь не довелось забрать жену из родильного дома. «Олимпийские у меня дети», — усмехался бомбардир. На другой день после завершения турнира он получил много телеграмм. Но среди этих радостных и теплых посланий было одно, которое его озадачило: «Поздравляем двойным успехом, мальчика назвали Каха».

Каха? Почему Каха? Зачем Каха? Нет, такого имени он не хотел. Каха Мшвениерадзе? Мастер спорта Каха Мшвениерадзе. Заслуженный мастер спорта Каха Мшвениерадзе. Олимпийский чемпион Каха Мшвениерадзе. Нет. Ничего хорошего. Хотел было тут же из Рима отправить в Тбилиси телеграмму протеста. Но подумал: а что толку, все равно имя уже присвоили, записали его в метрическое свидетельство. «Ладно, приеду — разберемся».

В Тбилиси он вылетел через несколько часов после возвращения в Москву. Однако когда увидел сына, сразу же забыл про свою досаду. Взял на руки. Мальчишка таращил на него глаза, словно вопрошая: как я тебе, понравился?

— Ну, жена, спасибо тебе, дорогая! Ах какого хорошего парня родила! Какой складный, какой большой. А руки, какие ручищи! Хорошо играть будет. Ты будешь хорошо играть, сынок?

— Его зовут Каха, — тихо произнесла Нателла. — А точнее — Кахабер. Хорошее старинное грузинское имя.

И вновь волна горечи залила сердце бомбардира.

— Почему Каха, милая моя? Зачем так назвали?

— Потому же, почему ты — Како, — обиделась Нателла. — Мама твоя дала тебе имя Како, и оно Якову Бичиевичу тоже не очень понравилось. Но ты все же остался Како и, кажется, не очень от этого страдаешь.

— Меня зовут Петр. Ну куда бы годилось — заслуженный мастер спорта Како Мшвениерадзе? Меня в сборную не взяли бы с таким именем, и правильно бы сделали. По мне что Каха, что Кахабер — разница невелика. Но мальчик будет жить в Москве, понимаешь? Кахабер будет учиться в Москве. А по-русски Кахабер звучит почти так же, как крохобор. Мшвениерадзе и вдруг — крохобор. Чушь какая-то получается, жена моя.

— Но что же нам делать? Какое же ты хотел дать мальчику имя?

— Я знаю какое — Георгий. Красивое, сильное, гордое имя. Я все же попробую что-нибудь сделать.

И он направился в загс. Разговор там был долгий. До тех пор пока заведующая не поняла, что, если не уступить этому страстно молящему мужчине, он будет сидеть здесь и день, и два, и месяц. И заведующая впервые нарушила порядок.

Когда Петр вернулся домой, сын спал. Отец тихо подошел к нему, склонился над кроваткой и прошептал:

— Ну, как наши дела, Каха?

— Ты все-таки решил оставить ему это имя? — удивилась Нателла.

— Давай оставим, пока не подрастет.

И показал жене свидетельство о рождении, где крупными буквами было выведено: Мшвениерадзе Георгий Петрович.

Глава 8 «Я УХОЖУ...»

Наступил год 1964-й, которому суждено было стать последним в двадцатилетнем спортивном пути нашего героя. Правда, он того еще не знал, и ничто, казалось, не подводило к мысли об уходе, даже возраст — в марте ему исполнилось тридцать пять. Он чувствовал в себе все те же мощь, силу и реакцию, что в былые, даже лучшие, годы. А что забивал теперь поменьше, так это оттого, что играл более комбинационно, разнообразно, чаще в средней линии, дирижировал, распасовывал мяч, выводил на удар партнеров. Пасы же его были не просто филигранно точными, но и по-шахматному мудрыми.

В общем, не чувствовал себя стариком, да и, объективно говоря, тридцать пять — не предельный возраст для ватерполиста. Немало было и таких, кто играл значительно дольше. Взял хотя бы Малина-отца, Ушакова, Семенова, Гойхмана. Или Китаева, который играл вообще чуть ли не до пятидесяти. К тому же жесточайший режим, которым все годы терзал себя Петр, должен был продлить ему жизнь в спорте.

Репутация его в мировом спорте казалась прочной и незыблемой. Лучший ватерполист страны, неизменный участник, символических сборных Европы и мира, бессменный капитан сборной СССР и своего клуба, серебряный и бронзовый призер олимпийских игр.

Конечно, блеск незавоеванной золотой олимпийской медали манил. Хотелось, очень хотелось снова попытаться счастья. Но не только эта мысль заставляла его жить прежней спартанской жизнью, все так же неистово трудиться на тренировках.

Он знал наперед, да и опыт других говорил: первый звонок к уходу — это апатия, это ровный пульс перед стартом. А сердце его все так же лихорадочно колотилось, когда он приезжал на игру. Как и прежде, он жил радостью игры, получал наслаждение от хитроумно выполненной атаки, красиво забитого гола. От аплодисментов, наконец. Нет, не собирался он уходить, не хотел, не мог.

Предолимпийский сезон прошел спокойно, без срывов. Команда Москвы, которую возглавлял Мшвениерадзе, в четвертый раз подряд стала победительницей Спартакиады народов СССР. Чемпионат же между клубными командами в тот год не проводился. Были, правда, два международных турнира, но и только. В общем, сезон капитан закончил свежим: хотелось играть и играть.

Осенью 1963 года старшим тренером сборной команды

страны был назначен Нодар Гвахария, его давний товарищ, с которым многое было прожито вместе в спорте. Петр хорошо знал Нодара и по Москве, и по Тбилиси. Знал много больше, чем просто спортсмена.

Нодар был на три года моложе Петра, и как спортсмен вырос в том же ОСВОДовском тбилисском бассейне. Он пришел к Иоакимиди году в сорок шестом, оказался одаренным пловцом и ватерполистом. Работал над собой неистово, хотел стать настоящим, большим спортсменом. И стал им.

Несколько лет он и Петр вместе играли за тбилисское «Динамо», потом Мшвениерадзе уехал в Москву и Гвахария остался в команде лидером. Но в Тбилиси, как мы уже говорили, в ту пору не было зимнего бассейна, и спустя четыре года Нодар решил последовать примеру Петра и тоже стал игроком московского «Динамо». Его появление заметно усилило коллектив, и в том, что в 1955 году динамовцы впервые стали чемпионами страны, была заслуга и Нодара Гвахария.

Однако играть вместе им пришлось недолго. Вскоре после той победы семейные обстоятельства побудили Нодара возвратиться в Тбилиси, в команду намного более слабую, чем московская. Однако благодаря Нодару тбилисцы неизменно входили в тройку лучших команд страны.

Несколько лет Гвахария выступал в составе сборной СССР, оставил по себе память как острый и смелый комбинационный игрок атакующего стиля. В 1960 году он перешел на тренерскую работу. Сейчас заслуженный мастер спорта полковник Нодар Гвахария работает заместителем председателя Грузинского республиканского совета общества «Динамо». Вырастил прекрасного сына. Давид Гвахария выступает за тбилисское «Динамо», не раз включался в состав сборной страны. Дружит с Кахой, оба гордятся своими отцами. Те видятся редко, но отношения свои сохранили добрыми.

Петр добивался, чтобы подготовку сборной доверили именно Гвахария. Он считал Нодара отличным игроком и перспективным тренером.

Он не стал думать иначе даже тогда, когда узнал, что Гвахария не включил его в состав кандидатов в олимпийскую команду. Просто удивился, поначалу даже не поверил, однако никому звонить и ничего выяснять не стал, решил так: «Надо играть, а там видно будет».

В феврале динамовцы отправились в Магдебург, где предстояло провести несколько матчей на Кубок европейских чемпионов. Кстати, эти соревнования проводились впервые в истории водного поло — тем почетнее было на них победить.

Москвичи легко выиграли у хозяев поля — немецких спортсменов, затем у чемпионов Швеции и Чехословакии. Сам Петр играл хорошо, непринужденно, да и результативно тоже. Но понимал: эти игры не показательны, не тот пока соперник.

Спустя три недели предстояли матчи заключительного этапа Кубка в Загребе, в том самом Загребе, где его знали и любили. После двух довольно легких побед динамовцы встретились с главным соперником — югославской командой «Партизан».

Игра поначалу шла ровно, причем со скрытым напряжением, порожденным высокой ценой матча. Игроки обеих сторон старались надежно контролировать мяч. А потому завершающие удары наносили нечасто, били только намеренно.

Первые два периода закончились со счетом 1:1. Но вот в самом начале третьего периода динамовцы потеряли мяч, и Сандич, прорвавшись к нашим воротам, добился успеха. Прошло несколько минут — и снова мяч в воротах динамовцев. Обиднее всего, что произошло это в тот момент, когда с поля был удален югославский полузащитник. Хозяева играли все более раскованно, азартно, но и цепко. На волне вдохновения они забили четвертый мяч, на счету же динамовцев так и оставался пока единственный гол.

Последний перерыв.

— Собраться и играть, забыть про счет. Вспомните, у нас и не такое бывало, — сказал капитан.

Однако игра у динамовцев так и не пошла, а когда Юрченко не забил пенальти, стало ясно, что «Партизан» — первый обладатель Кубка европейских чемпионов.

Оставался последний турнир — чемпионат СССР 1964 года, — в ходе которого должен был окончательно определиться состав советской олимпийской команды.

Первый же матч — с командой МГУ — показал, что в динамовском коллективе не все ладно: нарушены связи, несколько ключевых игроков выглядят просто потерянными. Основной партнер Петра Григоровский не проявлял должной активности, и это значительно облегчало задачу Куренного — закрыть лидера. На два гола Пирейко и Куренного динамовцы смогли ответить лишь одним.

Потом была трудная, неровная и нервная игра с тбилисскими одноклубниками. Проигрывая в середине матча два мяча, динамовцы в третьем периоде перестроились. Сумел, наконец, собраться Григоровский. Три гола подряд — и москвичи вышли вперед.

В заключительном периоде счет вновь стал равным. Остается одна минута. Мяч набрасывают Мшвениерадзе, на нем «висят»

двое, но он тем не менее взмывает вверх и сокрушительно бьет. Он остался верен себе и на этот раз, забив решающий мяч в ворота тбилисцев.

Следующую игру динамовцы проиграли, и это было закономерно, хотя счет и оказался боевым — 2:3. Армейцы выглядели свежее и мощнее. А каких сил стоила эта игра динамовцам, стало ясно на следующий день, когда они проиграли бакинцам — 1:2. Это была громкая сенсация!

Недельный перерыв перед заключительным, вторым туром дал динамовцам возможность прийти в себя, собраться с духом. И в первом матче тура — с торпедовцами — они победили. Тем не менее на следующий день газета «Советский спорт» писала:

«Еще не так давно московские динамовцы были основными поставщиками игроков в сборную страны, а линия нападения многократного чемпиона считалась сильнейшей. В матче с торпедовцами прежде всего бросалось в глаза, что тандема Мшвениерадзе — Григоровский больше не существует. Создавалось впечатление, будто Григоровский намеренно не приближается к воротам соперника, избегая единоборства. За всю игру он ни разу не ударил по воротам».

Пройдет еще четыре года, прежде чем динамовцы вернут себе звание чемпиона страны. Но это будет уже другой коллектив, за успех которого кандидат юридических наук майор Мшвениерадзе от души порадует, сидя на трибуне. А заодно он попытается прикинуть в уме, когда же фамильный счет голов, открытый им, будет продолжен. Об этом же задумается и сидящий рядом шестнадцатилетний Нугзар.

А пока секундомер остановлен. Гол, забитый Петром Мшвениерадзе в матче против торпедовцев, стал для него последним.

Он еще продолжал ходить на тренировки динамовской команды, хотя и решил: все, больше не играю. Быть спортсменом иной категории, чем лидер сборной СССР, не позволит гордость, пусть даже он еще и нужен динамовскому коллективу. Был ли прав он в этом — кто знает? Но право на это мнение заслужил он многими годами бессменного своего капитанства в главной команде страны.

Он снова и снова приезжал в бассейн и тренировался вместе со всеми. Он делал это даже не по привычке — по потребности, ведь иначе, без воды, он чувствовал себя словно выброшенный на берег дельфин. К тому же понимал, что организм к иному ритму жизни приучать нужно медленно.

Он прыгал в воду, брал мяч и начинал обстреливать ворота. «Какой послушный мяч! Интересно, кто у венгров будет на

Олимпиаде играть в воротах? Опять Борош? А у югославов — Мушкитирович? Что ж, можно считать, им повезло... Впрочем, зачем я так? Все справедливо, Како, все справедливо».

Дни текли тягостно и неторопливо, словно нарочно давая Петру возможность еще и еще раз обдумать, как жить дальше.

Он не сомневался в том, что в ближайшее время закончит работу над диссертацией, благо времени теперь будет предостаточно. Однако никак не укладывалось в сознании, что больше со спортом его уже ничто связывать не будет. Как ничто? А сыновья? Нугзару уже двенадцать, и стараниями отца он обещает стать хорошим игроком. Четыре года Кахе, а значит, недалек день, когда и его можно приобщить к игре. Отец знал, что и с ним будет возиться не меньше. Вырастить двух настоящих спортсменов — это уже большое дело. Стало быть, работа с сыновьями — тренерская работа. Но почему только с сыновьями? Его опыт, знания, авторитет — цену всему этому он знал. Как ему хотелось взять команду! Пусть не готовых мастеров, а мальчишек. И сделать, вылепить из них хороших ватерполистов. И пусть добьются они большего, чем он, так и не ставший олимпийским чемпионом. Кто тогда счастьем сравнится с ним?.. Но как же тогда быть с юриспруденцией?.. Правда, есть опыт и пример А. Ю. Кистяковского. Некогда сильный игрок, заслуженный мастер спорта, он стал одним из лучших тренеров страны, великолепным теоретиком и практиком игры, подготовил немало высококлассных ватерполистов. И при этом свою деятельность в спорте он почти всегда совмещал с преподавательской работой в Московском инженерностроительном институте.

Однако жизнь показала, что большинство выдающихся спортсменов куда менее удачливы в своей последующей тренерской работе. В чем причина? Не в том ли, что личный опыт у них отягощен грузом собственного авторитета? И потому такой тренер неизбежно стремится выразить в спортсмене самого себя. А педагог со скромными личными успехами более аналитичен, а значит, и более самокритичен. Спустя много лет Валерий Борзов напишет в своей книге: «Мне кажется, что чем скорее в тренере «умрет» спортсмен, тем быстрее он сможет стать наставником юных спортсменов».

Петр Мшвениерадзе понял это, покидая площадку. Спортсмен не смог бы умереть в нем никогда. Дальнейшая жизнь подтвердила это.

Он ушел. С головой окунулся в научную работу. А когда «выныривал», то оказывался на ватерпольной площадке в родном динамовском бассейне, где его Нугзар считался уже заправским

игроком. Позже Петра Яковлевича изберут председателем Федерации водного поло Москвы, и главную задачу этой общественной должности он увидит в развитии игры среди мальчишек и юношей. «Нельзя считать, что тренер работает отлично, — будет доказывать председатель, — если его ребята стали чемпионами Москвы или даже страны. Не это главное. Важнее, чтобы эти дети дошли до команд мастеров и закрепились в основном составе».

Глава 9 «...НО МЫ ПРОДОЛЖАЕМ!»

Нугзару было лет пять или шесть, когда однажды отец, возвратившись из очередной поездки в Венгрию, показал ему фотографию, на которой он был снят с таким же, как Нугзар, мальчиком на руках.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он Нугзара. — Это сын дяди Иштвана. И зовут его тоже Иштван. Иштван Сивош-младший.

Объяснять Нугзару, кто такой Сивош, не было необходимости. И тогда Нугзар неожиданно приревновал. Залез к отцу на колени, прижался к нему.

— Не хочу с маленьким Иштваном играть, я буду играть с тобой.

— Нет, сынок. Когда вы с Иштваном подрастаете, мы с его папой уже ни на что не будем годиться. Нам тогда только и останется, что болеть за вас.

Быть или не быть Нугзару ватерполистом — этот вопрос в семье не обсуждался. Как не обсуждался, скажем, вопрос о том, отдавать ребенка в школу или нет. Однако с ватерпольным образованием сына папа не спешил, памятуя об излишней торопливости иных родителей, жаждущих поскорее увидеть в детях табельное выражение своего рвения. Да и сам Нугзар не давал отцу повода форсировать события.

Петр Яковлевич начал водить Нугзара в бассейн с трехлетнего возраста. Поначалу просто купался с ним в «лягушатнике», плескался, играл. И не заметил, как Нугзар

поплыл. Все получилось словно само собой.

Отец выжидал, когда Нугзар будет рваться в бассейн сам, и ждать пришлось долго. Несомненно, больше, чем плавать, нравилось ему возиться с рыбками, птицами, лелеять домашний огород. И вообще, едва ли не с первого класса он выбрал

Он оказался прав. Иштван Сивош-младший стал очень известным ватерполистом. Таким же, как и его отец, «столбющим» нападающим. Много игр он провел против Нугзара. Правда, до отца мастерством он так и не дотянулся, себе профессию, заявил дома: «Буду лесником». В бассейне бывать ему тоже нравилось, но не всегда. Однако авторитет и воля отца были в семье непререкаемы, возражать против бассейна можно было лишь до определенных пределов.

В общем, дипломатическая линия пролегла где-то посередине между тайными стремлениями Петра Яковлевича и желаниями Нугзара.

Летом динамовцы, как обычно, отправлялись на тренировочный сбор в Туапсе. Нателла ездила туда вместе с мужем, брала и Нугзара. В Туапсе было шумно и весело. Сюда приезжали многие ватерпольные команды страны. Жили одной большой семьей, вместе и тренировались, и отдыхали.

Молодежь тянулась к многоопытному динамовскому капитану. Просить его помочь, подсказать, объяснить не приходилось. Закончив свою тренировку, он снова прыгал в воду, занимался со своими и чужими ребятами. И с легкой его руки из юнцов, проживавших тогда в Туапсе, в большой спорт вошло немало хороших ватерполистов.

Нугзар весь день крутился у воды, дружил он и с местными мальчишками, и с детьми спортсменов, приезжавших сюда с семьями.

Однажды Нателла хватилась Нугзара: пора обедать, а его нет. Отец тоже забеспокоился. Звали, спрашивали всех подряд. Нугзар вскоре обнаружился. Оказалось, он вместе с приятелем залег на прыжковой вышке, заболтался и не слышал, что его ищут. Нателла велела ему спускаться.

— Подожди, Нугзар, не спускайся, — вдруг остановил его отец. — Подойди к краю. Сейчас ты прыгнешь вниз.

— Что ты говоришь, Како? — возмутилась Нателла. — Мальчику всего пять лет, а здесь восемь метров высоты.

— В самый раз для него будет. Он прыгнет.

— Нет, он не сможет! Одумайся, Како!

Впрочем, Нателла знала, что спорить с мужем бесполезно.

— Давай, сынок, это совсем не страшно.

— Нет, страшно, папа, я не могу. Я не хочу.

— Что значит страшно? Я не знаю такого слова. Ты должен прыгнуть, я жду.

Бедный Нугзар! Как и мама, он понял, что вопрос уже решен. Подошел к краю площадки, интуитивно стараясь не смотреть вниз. Зажмурился и полетел.

Когда голова Нугзара показалась над водой, глаза его были полны неопишемого ужаса. Отец хотел поплыть ему навстречу, да удержался. «Ничего, — подумал он, — до берега метров двадцать пять, доплывет». Так Нугзар был вынужден установить еще один рекорд своей семьи — для пятилетней возрастной группы. Такую дистанцию он пока что не проплывал.

Папа и мама ждали его с полотенцем. Мелкой дрожью билось все тело мальчонки. Отец хотел взять его на руки, но он враждебно отстранился и прижался к матери.

— Ну, молодец, Нугзар! — восхищался папа, словно ничего

не замечая. — Ну и смельчак. Настоящий мужчина!

Но настоящего мужчину это не утешало. До самого конца дня он не разговаривал с обидчиком.

— Все же ты не прав, — сказала мужу Нателла. — Не нужно было этого делать. И уж, конечно, больше не устраивай ребенку подобных испытаний.

— Хорошо, — ответил он. — Больше не буду. Но зато парень теперь всю жизнь будет помнить, что в пятилетием возрасте он прыгнул с восьмиметровой вышки. Я уверен, что, если человек смел с детства, это уже навсегда.

Сам Петр, однако, чувствовал свою вину перед женой и сыном. Его педагогический суп оказался на этот раз пересолен.

А вскоре ему самому пришлось держать экзамен на смелость перед малолетним сыном. И он, глава семейства, не уклонился. Он всегда считал, что личный пример — главное средство убеждения.

Вместе с женой, Нугзаром и Валентином Прокоповым они решили провести день отдыха, положенный команде, на берегу изумрудного озера Рнца.

Яркое солнце, ослепительные снега гор, сказочно прозрачная вода. По берегу гуляет много людей. Однако купаться в голову, конечно, никому не приходит: все-таки семь градусов. Правда, один раззадорившийся молодой человек засучил брюки и вошел по щиколотку в воду. Однако этого ему вполне хватило, можно было аплодировать.

— Папа, — спрашивает Нугзар, — вода здесь очень холодная?

— Да, сынок, холодная.

— Очень-очень холодная?

— Да, Нугзар, руки и ноги сведет судорога, и человек плыть не сможет.

— И неужели даже ты не сможешь здесь искупаться?

— Папа такой же человек, как и все, — одернула Нугзара Нателла. — У него тоже сведет ноги судорогой. И он тоже не сможет плыть.

— Нет, папа может всё, — прошептал недоуменно Нугзар. — Ты же сама говорила, что папа может все. Что наш папа самый сильный и самый смелый.

И тогда отец счел, что отступать ему некуда. Будь это не сын, а кто угодно другой, Петр не поддался бы на провокацию, бесшабашность отнюдь не была его стилем. Но эту ситуацию он оценил по-своему. Петр начал раздеваться, а Нателла молчала. Она хорошо знала, что решения мужа всегда окончательные.

— Подожди, я с тобой, — сказал вдруг Прокопов.

— Хорошо. Жду.

Они вошли в воду. Обожгло щиколотки, колени, бедра. Поплыли. Ни слова не произнесли о том, далеко ли, долго ли, где поворачивать. Они плыли. Молча плыли, — потому что раскаленные иглы вонзились глубоко в грудь и едва давали дышать. Но они плыли. Время остановилось, а противоположный берег будто и вовсе не приближался. Они плыли.

Кажется, середина озера. Петр не остановился, а продолжал так же энергично работать. Прокопов не проронил ни звука. Они плыли.

На берегу уже поняли, что если пловцы пересекли середину озера, то, значит, и вернуться они намерены тем же способом.

Вот и берег. Они вышли из воды. Обернулись, заставив себя улыбнуться. И тогда увидели, что с того берега к ним мчится катер.

Нугзар сиял:

— Я же говорил, что наш папа самый сильный и смелый.

Но Нателлу беспокоило другое.

— Како, дорогой, только об одном прошу тебя: не нужно обратно вплавь. Садись в лодку, ты уже все доказал Нугзару, ведь правда, сынок?

Нугзар, прижавшись было к отцу, тут же отпрянул — так он обжегся о его тело...

В Москве же все оставалось, как и прежде. Петр Яковлевич, хотя и не давил, хотя и водил Нугзара в бассейн только когда чувствовал его явное к тому расположение, однако все больше и больше беспокоился: ведь нельзя, чтобы такое безразличие

длилось бесконечно. Нателле однажды сказал: «Ничего, ведь и Паганини в детстве испытывал неприязнь к скрипке».

А время шло, нужно было определяться. Но какой тренер возьмет ученика, который является на занятия в зависимости от своего настроения или по настоянию папы? Так и приходилось папе пока что самому возиться с Нугзаром. Уже давно он приобщал сына к мячу и к десяти-одиннадцати годам научил его многому. Но парню нужна была организованная команда.

Что касается динамовской ребятни, то вся она держала дядю Петю за своего. Наверное, не все эти мальчишки знали, что он — известная миру личность, гроза всех ватерпольных вратарей мира. Просто этот добродушный дядька все время был с ними.

Часто он сам становился в ворота, и ребята бомбили, а он оценивал, объяснял, сам показывал приемы. Главный бомбардир страны был еще и безмерно терпелив. Может быть, этому он научил себя в игре?

С мальчиками в «Динамо» работал в то время Харебов. Нугзар с отцом постоянно находились здесь же.

Однажды, стоя вместе с ребятами на бортике бассейна и наблюдая за плывущим Нугзаром, дядя Петя сказал:

— Вот сейчас мы с вами видим, как не нужно плавать. Однако можно расценивать действия Нугзара и как демонстрацию нового способа плавания. Видите, какой он молодец — ногами выполняет движения как при брассе, а руками плывет как бы кролем. Думаю, что такая задача не всякому с руки и с ноги. А теперь я попрошу Сережу Карузского показать, как нужно плыть кролем и брассом. Но отдельно, а не сразу. Давай, Сережа.

Ах, Петр Яковлевич! Ну можно ли так не щадить самолюбие сына, в жилах которого течет та же, что и у вас, кавказская кровь!

Вскоре, однако, отец предоставил Нугзару возможность смыть с себя «пятно позора». Есть у ватерполистов выполняемое без мяча упражнение, именуемое «оттиранием», при котором двое плывущих рядом игроков должны постараться оттеснить друг друга с заданного курса. В пару к Нугзару отец как бы невзначай определил того же Сережу Карузского. Тут-то наследник за себя и постоял, тем более что силой природа его, как и папу, не обидела. Затем Нугзар посостязался в том же упражнении с другими ребятами и вновь вышел победителем. Гордость переполняла его.

— Молодец, — смеялся Петр Яковлевич, — без мяча ты играешь уже неплохо. Остался пустяк: научиться играть с мячом.

Но Нугзар шутку понимать не захотел, вспыхнул:

— Я буду играть, хорошо буду играть!

— Верю пока на слово. Завтра снова пойдем в бассейн, если не передумаешь. Договорились?

— Договорились.

Принятие Нугзара в команду не было документально засвидетельствовано. Как и некогда в «лягушатнике», теперь тоже все произошло само собой. Нугзар все более втягивался в организованный тренировочный процесс.

Обладая крупным телосложением, силой и техникой владения мячом, он тем не менее долго не выделялся среди товарищей своей игрой. И причин тому было немало.

Во-первых, в годы индивидуальных занятий отец преднамеренно мало занимался с Нугзаром скоростным плаванием и развитием специальной выносливости, оставляя это на будущее. Гораздо больше внимания уделял упражнениям с мячом.

Во-вторых, во все мальчишеские годы Нугзар, как потом и его младший брат, тренировался и выступал в командах, где ребята были на несколько лет старше него.

Немаловажно и то, что Нугзар, как и прежде, раздваивался между спортом и биологией, что, конечно, вряд ли способствовало его скорейшему ватерпольному развитию. Причем дело даже не в затратах времени, а в горении души — фанатиком в своем отношении к тренировкам Нугзар так и не стал.

Еще об одной причине охотно бы высказался, будь он жив, тренер Нугзара Георгий Андреевич Харебов. Причем изложил бы свои доводы со свойственным ему темпераментом, не слишком учтиво тыча пальцем в многолетне преданного друга, добровольно отдавшего ему на воспитание своего сына.

И действительно, как быть тренеру, как чувствовать ему себя перед воспитанниками, если он дает установку Нугзару «делай так», а отец — «делай эдак». Вот, скажем, команда Нугзара потеряла мяч, соперники начинают контратаку, а Нугзар уже наперед знает, что Георгий Андреевич сейчас прикажет ему: «Быстро назад!», тогда как папа с трибуны крикнет: «Стой на месте!» Знает, что если ринется во весь опор к своим воротам, то устанет, и плыть снова в атаку ему будет уже тяжело. Не готов он пока к маневренной, подвижной игре.

И скорости, и выносливости не хватало, а установки тренера выполнять нужно — как же иначе?

...В финальном матче юношеского чемпионата страны встретились две столичные команды — «Юность» и «Динамо». Перед игрой Петр Яковлевич подошел к динамовскому тренеру Харебову:

— Как дела, товарищ начальник? Как состояние здоровья игроков, настроение команды?

— Орлы рвутся в бой, товарищ зритель.

— Я так и думал. Мы сегодня, конечно, должны выиграть. И вот что я тебе скажу. Нугзар уже способен взять игру на себя. И потому нужно строить всю игру на него.

— Не хватит его, Како, не готов он пока к этому.

— А я говорю, что хватит. Я лучше знаю своего сына. Зачем спорить со мной? Разве я когда-нибудь давал тебе плохие советы?

— Такого не помню, Како. Но сейчас, мне кажется, ты не прав.

— Как это я не прав? Столько лет я с ним возился, знаю все, что он может. Говорю тебе: стройте игру на него.

— Ладно, Како. Я дам такую установку.

И Петр Яковлевич пошел на трибуну.

Ребята покорно приступили к исполнению указания тренера. Все свои действия они строили так, чтобы завершающая передача была адресована Нугзару. Тот прочно обосновался у ворот «Юности» и тянул вверх руку, ожидая, требуя очередного паса. Однако защитники «Юности» надежно опекали динамовского «столба», перехватывая адресованные ему передачи, выигрывая почти все единоборства.

В первые два периода Нугзару все же удалось три раза бросить по воротам, но сильно не получилось, а однажды мяч вообще пролетел мимо.

Перед началом третьего периода Харебов издали сделал Мшвениерадзе-старшему жест: видишь, мол, как все складывается. Петр Яковлевич в свою очередь знаком ответил ему, что нет оснований для беспокойства: дальше все пойдет, как задумано. А счет уже был 2:0 в пользу «Юности».

Но Нугзар все больше и больше сникал. Было видно, что он устал, что не выдерживает такой нагрузки.

«Юность» тем временем забила еще мяч, потом еще. И Харебов заменил Нугзара.

В оставшиеся пять минут динамовцы сумели один мяч отквитать, на большее уже не хватило времени. И тогда старший тренер поднялся с места, нашел глазами своего друга, и над безмятежной водной гладью раздался грохот камнепада Дарьяльского ущелья. Не знающие грузинского языка болельщики тем не менее с сочувственным пониманием смотрели на знаменитого бомбардира, который медленно и понуро брел к выходу.

Этот эпизод, однако, не сказался на отношениях между старыми друзьями — слишком многое их связывало. Они были как родные, а значит, могли позволить себе быть откровенными друг с другом во всем и до конца. Потому неудивительно, что, когда на очередные всесоюзные юношеские соревнования,

проводившиеся в Таллине, Харебов из-за болезни поехать не смог, то руководить командой он попросил Петра. Тот охотно согласился.

Контакт с ребятами налаживать не пришлось. Петр Яковлевич знал команду хорошо. Слушались его беспрекословно, выполняли все игровые установки и указания. Турнир они выиграли. В общем, свою общественную миссию отец исполнил с удовольствием и с пользой.

— Все, — сказал он по возвращении Харебову, — бросаю свою юриспруденцию, перехожу на тренерскую работу. Делаю ребят чемпионами Европы, олимпийских игр, а затем и межпланетного пространства. Тебя беру массажистом.

На что Харебов ответил без обычного юмора:

— Нет, Како, тренером ты работать не сможешь. Ты слишком уверен, что всегда прав. Так нельзя.

В том, что в начальных классах школы ватерпольного обучения внимание более всего следует уделять технике владения мячом, Петра Мшвениерадзе убеждали долгие личные наблюдения. Чаще всего в водное поло, рассуждал он, приходят ребята, несколько лет занимавшиеся плаванием. Поначалу они имеют преимущество перед сверстниками — чистыми ватерполистами. Но с годами те, у кого уже есть игровые навыки, приобретают скорость и выносливость, а бывшие пловцы так и не подтягиваются к ним в умении обращаться с мячом.

И действительно, так было почти всегда. Отметим, что едва ли не все ребята, с которыми Нугзар начинал играть в детстве, до большого спорта так и не доросли.

Впервые чемпионом страны Нугзар Мшвениерадзе стал в 14-летнем возрасте — но в старшей юношеской группе. Однако и тогда отец не почувствовал, что сын загорелся, замечтал о большой, настоящей игре, о крупных победах. Петр Яковлевич продолжал терпеливо работать с Нугзаром над совершенствованием техники. Учил максимальной «непотопляемости», заставлял подолгу «ходить» в воде с поднятыми руками. Пояснял при этом, что сам всегда, если позволяла ситуация, держал руки над водой. Это был и своеобразный жест: смотрите, граждане судьи, я чист перед вами и Соперниками, все мои приемы на виду.

Много внимания он уделял силовой борьбе с защитником, тем приемам, которые более всего необходимы «столбющему» нападающему.

В квартире Мшвениерадзе то и дело летали легкоатлетические ядра. Иногда они вырывались из рук Нугзара и падали, правда, не на голый пол, а на мягкую подстилку. Но все

равно к этому звуку привыкнуть трудно. Хорошо, что соседи были добрые, знали, во имя чего творятся эти мужские чудачества, и все сносили. Потолку и соседям, жившим наверху, доставалось поменьше, но тоже приходилось терпеть — так Нугзар развивал силу кисти, потому что это считал необходимым отец, руководствовавшийся личным опытом. Вот только кисть у Нугзара получилась хоть и могучая, но, к сожалению, мягкая. Некоторые тренеры сочли, что виной тому — чрезмерное увлечение упражнениями с ядром. Петр Яковлевич такое мнение к рассмотрению допускает.

С самого начала отец нацелил Нугзара на роль центрального нападающего «столбящего» типа, главная задача которого — забивать голы. Он хотел увидеть в сыне свое продолжение, свою копию, и физические данные Нугзара позволяли надеяться на успех.

Нугзару было 16 лет, когда его включили в состав юниорской сборной страны и даже избрали капитаном. Во Львове разыгрывался приз «Олимпийская надежда», и наша команда завоевала первое место, а Нугзар Мшвениерадзе стал мастером спорта, причем самым молодым из обладателей этого звания среди ватерполистов страны.

В следующем году юниорская сборная вместе с Нугзаром в Голландии стала уже чемпионом Европы в своей возрастной группе. Встречая сына на аэродроме, Петр Яковлевич спросил:

— Ну как, ты еще мечтаешь стать лесником?

— Пожалуй, уже нет, — невесело отвечал сын.

Действительно, вопрос, как дальше быть со спортом и учебой встал теперь уже самым серьезным образом. Все годы учебы в школе Нугзар готовил себя к поступлению на биофак МГУ. Но вот теперь, когда он окончил школу и нужно было подавать документы в университет, засомневался. Ведь на биофаке много практических занятий, летом — долгая практика. И приходится она на самый разгар соревновательного сезона, немыслимого без отъездов на сборы, игры. А он уже так вошел во вкус большой игры! Слишком теперь ему это было дорого.

И Нугзар отказался от давней мечты, родившейся чуть ли не вместе с ним. Что делать! Спорт, как и любовь, требует жертв. А если спорт — любовь, то такая жертва, наверное, оправдана вдвойне.

Он поступил на экономический факультет МГУ. Тогда же встал еще один вопрос: остаться в динамовском коллективе или перейти в студенческое спортивное общество «Буревестник», куда звал Нугзара старший тренер команды мастеров МГУ, он же

заведующий кафедрой физвоспитания университета Михаил Михайлович Рыжак, старый товарищ Петра Яковлевича.

Нугзар решил переходить в университетскую команду. Во-первых, потому, что водное поло в МГУ было издавна одним из популярнейших видов спорта, а команда мастеров университета — одной из сильнейших в стране, призером чемпионатов СССР.

Во-вторых, потому, что не было пока у Нугзара постоянного места в основном составе динамовцев. Да, у него, чемпиона Европы среди юниоров, одного из лучших в стране молодых игроков. Не дорос пока классом, настолько силен был динамовский коллектив.

Через три года после того, как Нугзар Мшвениерадзе начнет играть в команде МГУ, она впервые завоюет звание чемпиона СССР и в течение нескольких лет будет лидером нашего водного поло, станет обладателем Кубка европейских чемпионов, сильнейшей клубной командой континента. В этот период в коллективе особенно расцветет талант таких больших мастеров игры, как А. Кабанов, А. Древаль, Н. Мельников, В. Романчук.

На таком фоне резко возрастет и мастерство Нугзара.

В 1971 году его впервые включили во взрослую сборную команду Советского Союза. И первыми же соревнованиями, в которых 19-летнему Нугзару довелось выступить в новом, почетном качестве, явился Кубок Ядрана в Югославии.

— Помни, Нугзар, — напутствовал его отец, — в этой стране я играл много раз, и всегда хорошо. Более того, там я сыграл лучшие матчи в своей жизни. Там меня хорошо знают и помнят. А потому у меня сейчас спрос с тебя особый. Матчи будут показывать по телевидению. Сыграешь достойно — приду тебя встречать. Буду недоволен — подожду дома. Вот такое мое к тебе слово.

Наши ребята этот турнир проиграли. Правда, проиграли всего одну игру, но этого было достаточно, чтобы оказаться на третьем месте — после команд ВНР и Югославии. Не выдержали напряжения новобранцы сборной и сникли. Причем именно в последней игре — с итальянцами.

В самолете, возвращавшемся из Белграда в Москву, Нугзар оказался рядом с заместителем главного редактора газеты «Советский спорт» Борисом Чернышевым, некогда известным ватерполистом. Он-то и задал Нугзару большой вопрос, о котором тот все время думал, как только самолет взял курс на Москву:

— Отец приедет встречать?

Вместо ответа Нугзар спросил:

— Борис Матвеевич, а как я играл в этом турнире?

Хорошо зная Петра Яковлевича, Чернышев понял, почему сын ответил вопросом на вопрос.

— Мне кажется, Нугзар, ты сыграл лучше других новобранцев нашей команды. Конечно, ты ошибался немало, но все матчи провел с полной отдачей, а для такого сильного турнира это весьма немаловажно. Может быть, отец оценит твою игру и строже, чем я, но думаю, что встречать тебя он придет, — улыбнулся Чернышев.

Петр Яковлевич конечно же приехал. Много расспрашивал о турнире, о матчах, которые наше телевидение не показывало. Сокрушался, узнав, что был проведен матч ветеранов югославской сборной против ветеранов «остального мира»:

— Эх, с каким удовольствием и я сыграл бы!

Об игре сына не сказал ни слова, а тот сам расспрашивать не стал, самолюбие не позволило.

Через несколько дней Чернышев увидел Петра Яковлевича в бассейне ЦСКА на финальном матче Кубка СССР, в котором команда МГУ встретилась с динамовцами Киева и победила. Разговорились.

— Ну что, Петя, — спросил Чернышев, — ты, наверное, не думал, что Нугзара возьмут в сборную? Что он так быстро вырастет до мастера спорта международного класса?

— Честно говоря, не думал и, будь я старшим тренером сборной, вряд ли взял бы его в состав, много пока что у парня недостатков. Повезло ему в том, что он центральный нападающий, а это дефицитный товар. И вот, Боря, чтобы восполнить этот дефицит, ращу еще одного «центра». Младшему-то моему, уже одиннадцать. Голы мне забивает, вожусь с ним не меньше, чем с Нугзаром. Он уже в команде стал тренироваться. А Нугзару, я уверен, предстоит еще поработать, чтобы попасть в олимпийскую сборную. Возьмет его Блюменталь или нет — это еще большой вопрос.

Однако в команду, отправляющуюся на Игры в Мюнхен, старший тренер сборной Блюменталь Нугзара Мшвениерадзе не включил.

Анатолий Самойлович Блюменталь возглавил сборную команду СССР после Олимпийских игр 1964 года. До этого он работал старшим тренером московских «Трудовых резервов», команды, никогда, как говорится, не питавшей иллюзий. Тем не менее за двенадцать лет работы Блюменталья со сборной она завоевала все самые высокие титулы — дважды выиграла первенство Европы, победила на Мюнхенской олимпиаде и ; чемпионате мира.

Человек многих несомненных достоинств, глубоко знающий водное поло, обладающий твердой волей, умением настроить спортсменов на игру, человек безмерной преданности своему делу — таков Блюменталь. Но и крутой, не терпящий возражений, а часто и советов — это тоже Блюменталь.

Весь олимпийский сезон 1972 года Нугзар Мшвениерадзе числился кандидатом в команду, был и на последнем тренировочном сборе в Ужгороде. Но за несколько дней до отъезда узнал горькую для себя новость. На одно вакантное место в команде в равной степени претендовали он и Николай Мельников. Выбор пал на Мельникова.

Олимпиаду наша сборная выиграла. Хотя и набрала одинаковое с венграми количество очков, но оказалась лучшей по соотношению мячей. Так советскими ватерполистами была наконец одержана первая олимпийская победа. Увы, без Мшвениерадзе.

В следующем году проводился первый в истории чемпионат мира по водному поло, и на этот раз Нугзар был включен в состав сборной страны.

Трудный был чемпионат, матчи приходилось играть каждый день, однако по такому же графику играли все участники. Удача сопутствовала венграм, оставившим советских спортсменов на втором месте.

В 1975 году в Колумбии состоялся второй чемпионат мира. Как всегда, решающим оказался матч между советской и венгерской сборными. И наша команда победила — 5:4. Нугзара в той команде опять-таки не было.

Он вошел в состав следующей олимпийской команды. Но именно Монреальская олимпиада принесла нашей сборной самую крупную неудачу за минувшие четверть века.

Пять олимпийских чемпионов, три чемпиона мира и лишь три дебютанта отправились в Монреаль за золотыми медалями. Состав сильный, по мнению многих, сильнее того, что годом раньше победил на чемпионате мира в Колумбии. Наши игроки верили в свою победу непогрешимо, и у них были для этого серьезные основания.

А результат, которого они добились, — всего лишь восьмое место. В предварительном турнире с трудом свели к ничьей матч с командой Румынии, а затем и того хуже — проиграли голландцам, заведомо более слабой команде. Причем в течение всего матча имели подавляющее преимущество, но мяч упорно не шел в ворота.

Не попали даже в финальный турнир. Чемпионат проиграли вследствие грубых тренерских просчетов в подготовке к играм —

это признали практически все специалисты.

Долго и трудно оправлялась наша сборная от этой тяжелой травмы. На смену Блюменталю пришел бывший капитан сборной СССР и один из тренеров, руководивших олимпийской командой в Мюнхене, Владимир Семенов. Началась подготовка к следующей олимпиаде — Московской.

В 1977 году в шведском городе Йенчепинге проводилось очередное первенство Европы, где сборная нашей страны заняла четвертое место. Снова победили венгры. Итог же для наших был не радостным, но и не трагичным. После монреальской катастрофы важно было вновь доказать состоятельность своих притязаний на место в элите мирового водного поло. И доказали.

В следующем году на чемпионате мира, проводившемся в Западном Берлине, от советской сборной ожидали уже большего, и такая задача перед ней ставилась. Но увы! То же четвертое место после Италии, Венгрии и Югославии. Нугзар выступал в команде. Но, как и прежде, его появление в сборной роковым образом пришлось на несчастливую ее пору.

В гуще событий — Нугзар Мшвениерадзе

Так в чем же все-таки дело? Почему Нугзар, выросший практически в тех же условиях, что и младший брат, пройдя столь же великолепную отцовскую школу, добился в спорте успехов более скромных? Автор решил, что лучше всего спросить об этом человека, который в течение 16 (!) лет был старшим тренером команды МГУ, где играл Нугзар, а ранее выступал с его отцом в московском «Динамо» и в сборной страны. Более того, заслуженный тренер СССР Михаил Михайлович Рыжак даже

водному поло обучался вместе с Петром Яковлевичем Мшвениерадзе в далекие сороковые годы в тбилисском ОСВОДовском бассейне.

— Прежде всего вспомним, — говорит Михаил Михайлович, — что Нугзар на восемь лет старше Георгия и играл, стало быть, в «другую эпоху». Иным было соотношение сил как на мировой ватерпольной арене, так и в нашей стране. К тому же Петр Яковлевич занимался с Георгием, уже имея опыт работы со старшим сыном, — опыт и удач и ошибок.

Нугзар — игрок выдающийся, и я не считаю его более слабым, чем Георгий, хотя не все со мной согласятся в этом. Братья — игроки разного стиля. Нугзар сложился как более позиционный игрок, как разыгрывающий, как диспетчер. Георгий более подвижен, он целиком нацелен на удар, обладает великолепной и разнообразной техникой его выполнения. Здесь он не сравним, пожалуй, ни с кем. Однако в силовом единоборстве с защитником старший брат посильнее Георгия, и никто не мог противостоять Нугзару, когда тот был в хорошей форме. В первой половине семидесятых годов, когда команда МГУ четырежды становилась чемпионом страны, связке Мшвениерадзе — Кабанов, пожалуй, не было равной в мире.

Исключение Нугзара из олимпийской команды в 1972 году было несправедливым и неверным решением. Он бы только усилил сборную. Уже тогда двадцатилетний Нугзар вполне в нее вписывался, отвечая самым высоким требованиям. Жаль, что старший тренер команды принял такое странное решение.

В следующем году класс сборной СССР стал еще выше. На чемпионате мира наши ребята победили американцев, итальянцев, югославов со значительным преимуществом, тогда как годом раньше сражались с ними фактически на равных. Но проигрыш финального матча чемпионата 1973 года венграм был всего лишь в один мяч. Поражение это — не по игре, сказались здесь явные судейские ошибки. А сам Нугзар игры этого чемпионата провел едва ли не лучше всех.

Он оставался в числе лучших в команде и в последующие годы, несмотря на то, что его не всегда включали в состав сборной. Анатолий Блюменталь тренер хороший, но ошибок в работе допускал немало. Пример — Монреальская олимпиада. Но Нугзар-то снова играл отлично.

В 1977 году новый тренер сборной — Владимир Семенов счел, что Нугзар в игре слишком малоподвижен. Семенов резко повысил ему плавательную нагрузку в тренировках. Тот, будучи человеком дисциплинированным, все делал, как предписывалось, сильно похудел, но играть после этого... словно разучился.

Тысячу раз прав Петр Яковлевич: каждого игрока нужно использовать в своем амплуа.

В следующем году Нугзар вернулся к прежним методам тренировки и восстановил свою игру. На чемпионате мира в Западном Берлине он снова был одним из лучших в команде, которая, увы, заняла только четвертое место. Ну просто фатально не везло этому парню!

Совсем свежие воспоминания. Чемпионат страны 1986 года. Встреча МГУ — «Москвич». Нугзар забивает переводом такой изумительный мяч, что никто не может понять, как это произошло. Даже Женя Шаронов, вратарь «Москвича», лучший вратарь мира. Нугзар в тот год много болел, тренировался недостаточно и на поле проводил не так много времени. Но все равно играл, как в лучшие свои времена. И это в 34 года! Иногда ему приходилось играть все четыре периода. Было очень тяжело, но никто этого не замечал. Такой он человек.

Слушая Михаила Михайловича, я вспомнил свое пионерское лето 1954 года в Евпатории, нашего физрука — высокого статного молодого человека. От рассвета и до заката он возился с нами. Утром зарядка, потом купание в море, вечером футбол и снова купание — вот и вся нехитрая программа руководителя физподготовки в пионерском лагере в ту уже далекую пору. Однако физрук был с нами весь день. Он многое умел показать, многому учил нас. Рассказывал о спорте, о больших спортсменах. Именно тогда я впервые и услышал о Петре Мшвениерадзе. Это было так захватывающе интересно, что, вернувшись в Москву, я сразу же поехал с отцом на Химкинское водохранилище, на водную станцию «Динамо», чтобы увидеть знаменитого бомбардира. Мне повезло: я видел игру Петра Мшвениерадзе еще целых десять лет.

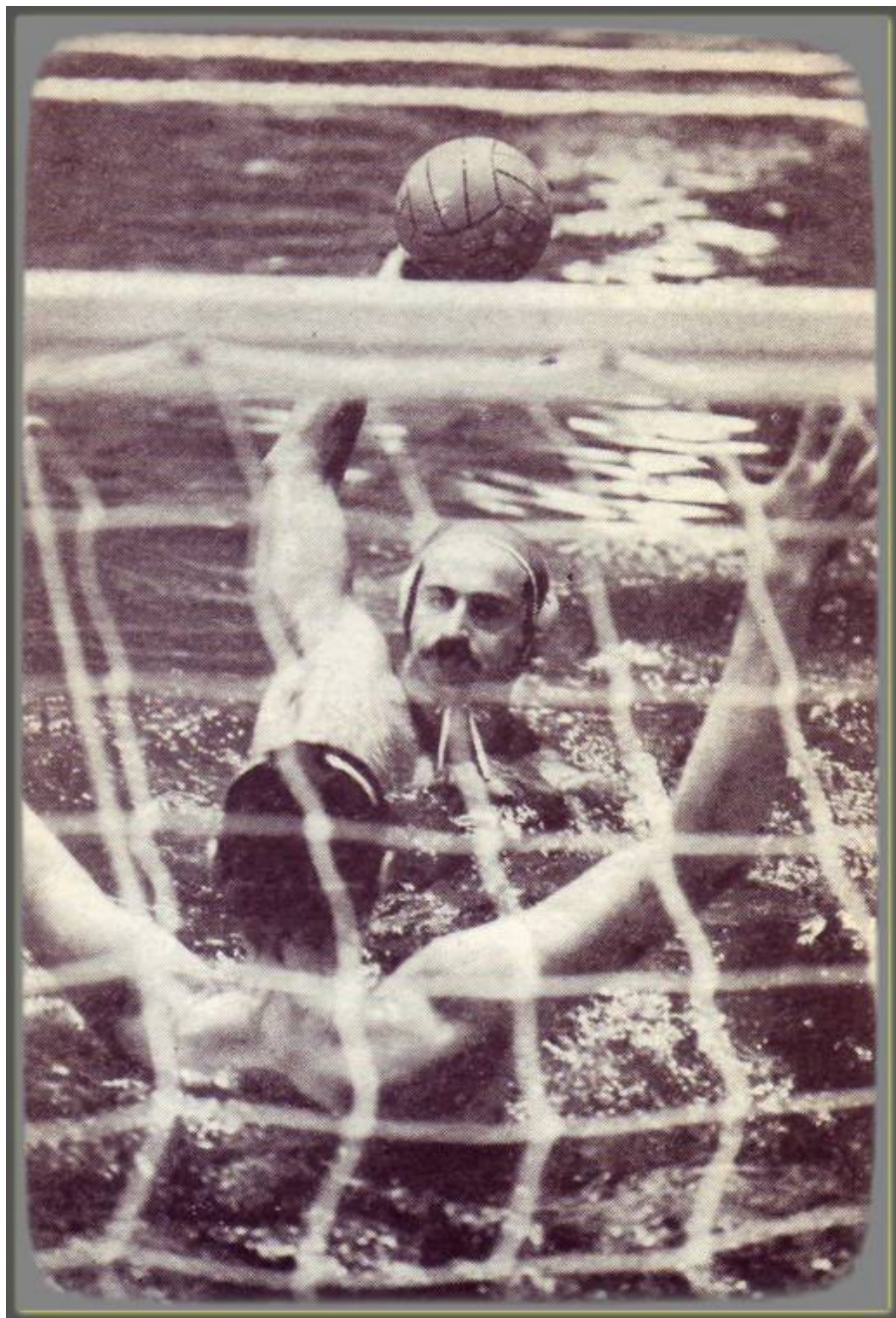
Думаю, что немало моих сверстников, так же как и я, после того лета приобщились к настоящему спорту. А физруком нашим был Михаил Михайлович Рыжак. Находясь в самом расцвете своего спортивного дарования, он тем не менее на целый месяц приехал к нам, к детям, конечно же не следуя чьим-то начальственным указаниям, а скорее даже наперекор им. Приехал просто по потребности души.

Он был хорошим вратарем, провел немало матчей в составе московского «Динамо» и сборной СССР, участвовал в олимпийских играх. Окончил институт иностранных языков, стал прекрасным переводчиком, не раз в этом качестве выезжал за рубеж. Потом написал и защитил диссертацию по педагогике спорта. С давних пор и по сей день руководит кафедрой

физического воспитания МГУ. Долгие годы возглавлял команду ватерполистов Московского университета. Именно при нем этот коллектив четыре раза выигрывал чемпионаты страны, дважды — Кубок СССР, стал первой советской ватерпольной командой — обладательницей Кубка европейских чемпионов. Рыжак владел удивительным искусством подводить своих питомцев к пику спортивной формы именно к нужному моменту.

В 1984 году ему предложили стать председателем всесоюзного тренерского совета. Он сказал: «Подумайте, стоит ли. Я — человек неудобный, буду говорить все, что думаю». Ему ответили: «Это и нужно». Рыжак согласился.

Небольшая деталь. Ко всем своим воспитанникам он обращается только на «вы» (много ли таких тренеров?). Это не наигрыш, не пустая форма, это для Рыжака естественно. Он всегда строил отношения с игроками на доверии, обращался к уму и душе спортсмена. Знаю немало тренеров — властолюбцев, подавляющих учеников волей своего диктата, пусть даже ограненной глубоким знанием предмета. Такие наставники нередко, а может быть, даже чаще других удачливы в своей работе, в достижении высоких спортивных результатов. Рыжак — иной. У него цели спортивные и «общечеловеческие», нравственные были неразделимы. И дай-то бог, чтоб с воспитателями каждому повезло в жизни так, как Нугзару Мшвениерадзе.

Атакует Нугзар Мшвениерадзе

И не будем больше сетовать на фатальную неудачливость его спортивной судьбы. Кстати, от Нугзара таких слов я ни разу и не слышал. Когда мы коснулись в разговоре его неожиданного вывода из сборной команды страны накануне Олимпийских игр

1972 года, Нугзар сказал: «Ничего особенного не произошло, я был еще сыроват, и сборная в моем лице ничего бы не приобрела». С чем, однако, Петр Яковлевич категорически не согласился.

Думая о везении и невезении в спорте, о судьбах игроков, я вспомнил сына другого выдающегося ватерполиста — Иштвана Сивоша, который, если помните, давал уроки герою этой книги, учил Петра современной игре.

Так вот Иштвану Сивошу-младшему спортивная судьба не просто улыбнулась, а, я бы сказал, распахнула объятия. В 1968 и 1976 годах он в составе своей команды стал олимпийским чемпионом.

А ведь никто и не предполагал, что Сивош-младший добьется больших успехов. Даже отец не верил в это, считая, что парень характером вышел в мать — женщину спокойную и абсолютно уравновешенную. Игрок по натуре должен быть взрывным, импульсивным, а Иштван неизменно флегматичен, замкнут. Вывести его из себя, пожалуй, не легче, чем сдвинуть с места вышку для прыжков в воду или поймать окуня в олимпийском бассейне.

И все же Сивош-старший, как и его московский друг, упорно учил сына игре. И как оказалось, небезрезультатно. Отцу помогла в этом и сама природа, наделившая сына если не выдающимися способностями, то могучим телосложением и невероятной силой. Когда он прыгал в воду, казалось, ее уровень поднимается сразу на полметра.

Много приходилось мучиться с ним нашим защитникам.

Чаще всего против него играл защитник Александр Долгушин. Нугзар вспоминает, что, когда они приехали на чемпионат Европы в Австрию, Долгушин однажды утром, едва открыв глаза, сообщил ему радостную весть: «Мне сейчас приснилось, будто Сивош заболел и не приехал. А сны мои всегда вещие». Настроение у команды заметно поднялось. Ободренные, они спустились к завтраку. И надо же было такому случиться: первым, кого они встретили в ресторане, был именно Сивош — как всегда угрюмый и нелюдимый, но вполне здоровый и наверняка готовый к борьбе за высший титул. И венгры своего в тот раз добились.

А через два года они снова стали олимпийскими чемпионами. Но это был их последний крупный успех. С той поры венгерские ватерполисты начали как-то утрачивать свою игру.

В команде стали часто меняться руководители, а это редко приводит к добру. И хотя высококлассные игроки в Венгрии не перевелись, а популярность водного поло в республике не упала,

дела сборной команды страны, в отличие от нашей, пошли на убыль. Вот и на Играх доброй воли в Москве советская сборная выиграла у венгерской, хотя, утомленные многочисленными турнирами, наши ребята играли далеко не лучшим образом. А на чемпионате мира, состоявшемся в конце августа 1986 года, венгры и вовсе не попали в восьмерку сильнейших. Так что Иштвану Сивошу-младшему, который закончил выступать в 1979 году, в отличие от Нугзара, очень повезло — он играл в классной команде.

Перед Московской олимпиадой в семье Мшвениерадзе поняли, что на этот раз честь ватерпольной династии в сборной будет защищать младший сын Георгий (он же Каха), которому к тому времени исполнилось 18 лет. Он уже стал чемпионом Европы среди юниоров и мастером спорта.

Однако давайте вновь перелистаем календарь обратно, чтобы подойти к воде вместе с пятилетним Кахой, которого отец, держа за руку, ведет на пятиметровую вышку — заметьте: на три метра меньше той, с которой в ужасе прыгнул некогда его старший брат, — и опять настоятельно требует, чтобы сын ринулся вниз.

Но история не повторяется. И не потому, что Кахе страшно. Может быть, это и так, но он этого не показывает, Каха просто не желает прыгать, не видит в том смысла и нужды. Правда, он намекает отцу на возможную отступную, сказав, что подумает над задачей, если тот купит ему игрушечную подводную лодку. Но отец с гневом отвергает взяточничество и, махнув рукой, обиженно отходит в сторону: «Живи как знаешь». Впрочем, возможно, по большому педагогическому счету он оказался прав. Помнится, Бенджамин Спок писал о том, что родители порой должны давать ребенку возможность самому побеждать себя, иначе он может вырасти человеком с подавленной волей и инициативой.

Издревле известно, что младший ребенок в семье — баловень. Однако, будучи уже знакомым с нравом Петра Яковлевича, читатель вряд ли поверит тому, что Кахе доставалось больше внимания, ласки и поблажек, чем Нугзару. Но в отличие от старшего брата младший едва ли не с пеленок проявлял больше непокорности отцу. Все же ради справедливости, а также доброго имени обладателя едва ли не всех высших спортивных титулов Георгия Мшвениерадзе нужно отметить, что эта непокорность шла не от непризнания авторитета отца, а от постоянной, напряженной настроенности на самоанализ. Возможно, поэтому правильней говорить о спорах с самим собой, спорах за истину. Пусть Каха не всегда доискивается ее, но сам

поиск правильных решений помогает ему жить и расти.

Заслуженный мастер спорта Георгий Мшвениерадзе не сажал дома овощи, не разводил рыбок, не мечтал стать ни лесником, ни летчиком, ни даже пожарным. Каха родился в ватерпольной шапочке. За давностью лет трудно установить, каков был первый предмет, взятый им в руки, но скорее всего это был ватерпольный мяч. А если так, то вполне допустимо, что первым произнесенным им словом было не «мама», а «го-о-ол».

Почему эта любовь захватила мальчишку сразу, всего, без остатка, тогда как старший брат к обретению ее шел долгие годы? Никто не знает. Но таков факт, и он, возможно, предопределил более удачливую спортивную судьбу младшего.

Поплыл он трех лет от роду в том же, что и Нугзар, «лягушатнике». Отец и старший брат становились на небольшом расстоянии и толкали малыша навстречу друг другу, как надувную игрушку. «Игрушке» это очень нравилось, она хохотала и кувыркалась. Постепенно расстояние между папой и Нугзаром росло — так Каха и поплыл.

«Лягушатник», покидушки с игрушечными мячиками. Летом — обязательно море. Это продолжалось три года, пока наконец Петр Яковлевич не стал обучать Каху игре.

Нугзару в ту пору исполнилось 14 лет, и в глазах младшего он был уже настоящим ватерполистом, ведь он обладал титулом чемпиона страны среди юношей.

Заниматься с Кахой отец начинал, уже имея многолетний опыт работы со старшим сыном, опыт, хотя и давший плоды, но не во всем бесспорный и побудивший Петра Яковлевича на многое смотреть уже иначе.

Обучая младшего сына технике, он многие упражнения сочинял сам, иные переосмысливал. Ну например, «ходьба» в воде с поднятыми руками. Цель этого упражнения — сохранить максимальную «плавучесть» с сидящим на плечах соперником. Отец учил хитрости: как при этом работать ногами. Сам он постиг это искусство интуитивно. Работая же с Нугзаром, понял, как ему можно научить. И когда он занимался с Кахой, этот педагогический прием был уже отработан до совершенства.

Или другое. Каха брал мяч и, не выпуская его из руки, проделывал до пятидесяти различных упражнений.

Используя прекрасную природную гибкость, мягкость, координированность сына, отец стремился дать этим качествам полноценное развитие. И все продолжал изобретать упражнения. Он считал, что Каха должен стать более маневренным, чем Нугзар, нападающим с большим диапазоном действий и приемов.

Возможно, думал отец, и в работе со старшим следовало идти

тем же путем с самого начала. Тогда он считал, что коль скоро парень наделен большой силой, то пусть лучше владеет несколькими приемами, но в совершенстве. Таким он его и сделал. Нугзар, к примеру, мог развернуться с любым висящим на его плечах соперником и ударить по воротам. Такое мало кому удастся. Обзавелся он и другими «фирменными» приемами, основанными главным образом на его природной силе. Позже Петр Яковлевич усомнился в правильности такого подхода к технике.

Каху природа наделила силой вряд ли меньшей, чем Нугзара. Однако отец работал с младшим уже не так — богаче, разнообразнее.

Каха всегда был настроен по-боевому. Прислушиваться к его настроению и состоянию духа не приходилось. К десяти-одиннадцати годам, когда отец решил, что настала пора и младшего отдавать в команду, технически Каха был уже посильнее, чем брат в эти же годы.

Как и прежде, Петр Яковлевич приходил почти на все тренировки сына и ревниво наблюдал за ним от первого до последнего движения, от начала разминки до выхода из раздевалки, когда оставалось лишь проверить, сухая ли у парня голова.

Спокойно сидеть и наблюдать за тренировкой Петр Яковлевич не мог. То и дело вскакивал и кричал: «Уйди в сторону!.. Зачем отвалился? Зачем опустил плечо?..» Понятно, что первого тренера Кахи Юрия Константиновича Бойко такие ситуации не радовали. Отца увещевали: «Не нужно так, сдерживайте себя. В какое положение вы ставите и тренера, и своего сына перед остальными ребятами?» Он соглашался, обещал вести себя достойно, не вмешиваться, но хватало его ненадолго.

И вот однажды тренеры решили запретить бассейн, чтобы получить возможность провести тренировку в спокойной обстановке, под единым началом. Так и сделали. Но не прошло и десяти минут, как откуда-то сверху, с трибун, спустился основатель ватерпольной династии. Весь его вид и состояние одежды говорили о только что перенесенном испытании, соизмеримом по тяжести с переходом Суворова через Альпы. Как ему удалось проникнуть в бассейн, он так и не рассказал.

— Понимаешь, Юра, — подошел он к старшему тренеру Сомову, — кто-то запретил бассейн, вот такая незадача. Совсем забыли про меня.

— Понимаю, Петя, — отвечал Сомов, — но именно от тебя и запретили бассейн. Вот и вся правда, ты уж не обижайся.

— Как это от меня, что ты говоришь? Как же Каха без меня?

— А как остальные ребята тренируются? Даже отец Женьки Гришина если и придет, то сидит себе тихо и не вмешивается.

Заслуженный мастер спорта Борис Гришин был участником двух олимпиад, обладателем серебряной и бронзовой медалей игр, капитаном сборной СССР. Будучи намного моложе Петра Мшвениерадзе, он все же несколько лет выступал с ним и в «Динамо» и в сборной.

Сын Бориса Дмитриевича Женя — на год старше Кахи, и когда младший Мшвениерадзе еще только учился ходить, Петр Яковлевич сказал коллеге: «Подрастут мальчишки, вместе играть должны».

Гришин, однако, не был уверен, что так и будет. Во-первых, потому что сам тогда не знал, хочет ли повторить себя в сыне. Во-вторых, потому что жена Гришина, знаменитая фехтовальщица Валентина Растворова, была твердо намерена дать сыну в руки рапиру.

Позже Гришин, видя, с каким нетерпением Петр ожидает, когда наконец начнет растить своего второго сына для сборной, стал и о Женькиной ватерпольной судьбе подумывать. Оставалось склонить к тому жену. В конце концов этот матч с ней Борис Дмитриевич выиграл, и, думается, решающий гол в нем забил Петр Мшвениерадзе.

Каха и Женька совсем еще мальцами оказались в одной команде. Чуть позже к ним присоединился Михаил Иванов. Кто мог тогда подумать, что эти трое щуплых несмышленишек пошагают вместе одной дорогой через все возрастные ступени и спортивные категории? Что через шесть лет, еще не выйдя из юношеской группы, они составят костяк основного состава московского «Динамо», станут чемпионами Европы среди юниоров, что в 1980 году завоюют звания олимпийских чемпионов, а спустя два года — чемпионов мира. Кто мог предвидеть это? Разве что они, отцы Георгия и Евгения, два больших мастера, проживших трудную и долгую жизнь в спорте, но так и не достигших самых высоких титулов?

Надо сказать, что весь состав московского «Динамо» 1977–1984 годов почти полностью определился уже тогда, в 1971–1977 годах, когда в детской динамовской команде вместе с будущей олимпийской троицей появились Давид Сулакадзе, Сергей Бекренев, Владимир Ячменев. Пусть спортивные статистики припомнят другой подобный случай стабильности и долголетия состава высококлассной команды, особенно в нынешнее время, когда так велика «текучесть кадров» в рядах сильнейших.

Каха, конечно, не мог помнить, как играл отец. В тот год,

когда отец ушел из спорта, мальчишке было всего четыре года. Но за Нугзара он болел страстно. Ходил с отцом на все проводившиеся в Москве игры. Гордился успехами брата. Без тени улыбки брал у него автографы. С первых же дней своих тренировок относился к ним со взрослой серьезностью. Однако, как и Нугзар, поначалу не только не выделялся среди ребят, но во многом уступал им. Причины были того же толка: отец настоял, чтобы Каха тренировался со старшими ребятами.

Конечно, технически Каха в этой компании был вполне на уровне, но отставал по общефизической подготовке. Быстрее других уставал, да и плавал тоже не шибко. В общем, если сказать, что поначалу его держали в команде больше из уважения к отцу, то истина не пострадает.

Но уже к 14–15 годам Каха заметно подтянулся, и в команде старших юношей своего клуба стал полноправным центром нападения. Более того, его включили в сборную команду Москвы для участия во Всесоюзной спартакиаде школьников. Правда, возникло неожиданное препятствие — не подошел по возрасту, слишком молод оказался. Руководителям команды пришлось писать письма, добиваться разрешения. Но Каха был так нужен, что добились.

В общем, на сей раз все складывалось так, как хотел Петр Яковлевич. Азарта у младшего было с избытком, а игровую отвагу оба сына унаследовали в полной мере.

После каждой тренировки Каха оставался в воде и продолжал работать над техникой. Хуже складывались его отношения с плаванием. Здесь он выполнял лишь тренировочную программу, да и то не всегда с охотой. Его убеждали: «Сейчас не те времена, что при отце. Другие нынче скорости, каждый игрок должен быть подвижным, высокоманевренным. Приобретая высокую подвижность, выносливость, ты будешь гораздо полезнее для команды». Он вроде бы соглашался, но папина школа исповедовала другое: «Каждый должен играть в своем ключе, в своем узком амплуа. Твоя основная задача — забивать голы. Станешь играть по всему полю, команда от этого больше потеряет, чем приобретет».

Каха больше верил отцу и продолжал играть по-своему. Тем не менее и в «Динамо», и в сборной он был практически незаменим, столь силен в технике и в понимании игры.

Получилось так, что последнее выступление Нугзара в сборной команде страны совпало с дебютом в ней Георгия. Так что фамилия Мшвениерадзе вновь зазвучала на самой почтенной международной арене, а зарубежным спортивным телекомментаторам был обеспечен очередной долгий период

борьбы с собственным языком.

Уже в следующем после дебюта в сборной году — 1979-м — Каха стал лучшим бомбардиром проводившегося в Мексике турнира всемирной Универсиады, оказавшегося по составу участников весьма сильным и представительным. Двадцать четыре мяча записал он на свой счет.

В опасной близости к воротам Георгий Мшвениерадзе

Заключительный матч с командой США советские ватерполисты проиграли — 6:8, но из этих шести голов Мшвениерадзе забил пять. И это несмотря на то, что американские защитники Добротт и Кэмпбелл, как отметила мексиканская пресса, играли против него крайне грубо. Газеты также отметили, что особенно ценным в стиле Георгия было то, что блестящую игру в нападении «голеадор» — так его называли местные болельщики — сочетал с уверенными действиями в защите.

Старший тренер сборной Борис Попов по окончании турнира сказал, что имеет претензии ко всем игрокам, кроме Мшвениерадзе. Остается лишь добавить, что все матчи Каха провел с сильно разболевшейся ногой — подвернул ее и повредил связки голеностопного сустава во время игры в футбол.

Однако все это пустяк по сравнению с тем, что случилось с центральным нападающим сборной вскоре после возвращения из Мексики. Он заболел гепатитом. Стало ясно, что это надолго. А ведь приближался олимпийский год. Неужели и этот представитель династии Мшвениерадзе не станет олимпийским

чемпионом?

Томительно потекли сначала недели, потом месяцы. Сборная усиленно готовилась к Олимпиаде — без Кахи. Врачи предписали ему щадящий режим во всем. Он внимательно следил за весом, зная, как и все Мшвениерадзе, про свою склонность к полноте.

Через некоторое время начал выполнять легкие упражнения дома, затем так же легко разминаться в воде. Большого врачи не позволяли.

Отец не утешал, не ободрял. Знал, что сын уже достаточно опытен и самостоятелен, чтобы все понимать самому и сделать необходимое для возвращения в строй. И грех мне было написать, что и тот и другой твердо верили, что Каха успеет вернуться в команду вовремя. Никто не знал, когда и как он выйдет из этой ситуации. Просто Каха спокойно выполнял все, что было предписано врачами и тренерами. Это главное.

Есть мнение авторитетных специалистов медицины и спорта, что, если бы Валерий Брумелъ, перенесший тяжелейшую травму ноги, не поспешил с выходом на тренировочный режим, возможно, он вновь поднялся бы до прежних высот. Этот пример — не для сравнения, потому что ситуация у Брумеля была потяжелее. Но едва ль не у каждого большого спортсмена случаются травмы и болезни, от исхода которых зависит его будущее. И благоприятный исход не всегда связан со способностью человека к сверхусилиям. Более того, нередко сверхусилия выражаются в умении сдерживать себя, не взорваться раньше времени, сохранить хладнокровие.

За три месяца до начала Игр Кахе разрешено было приступить к тренировкам, а затем и вернуться в сборную. Опять же не буду утверждать, что возвращение было мучительным. Технические навыки он почти не утратил, с функциональной же подготовкой было куда сложнее. И конечно, к началу Игр он полностью восстановиться не мог. Понимая это, старший тренер Борис Попов предоставил ему достаточно щадящий режим и в играх олимпийского турнира, однако в каждой игре Каха забивал-таки свой гол и в итоге с десятью мячами стал по результативности вторым игроком в советской сборной. Правда, это далеко не единственный критерий эффективной игры. В общем, олимпийский турнир стал отнюдь не лучшим в спортивной биографии Георгия Мшвениерадзе.

Если бегло просматривать протоколы олимпийских состязаний ватерполистов, может сложиться мнение, что победа советской команде досталась без особых усилий. Но попробуем взглянуть на протоколы повнимательнее.

У итальянцев наши спортсмены выиграли со счетом 8:6. Но

перелом наступил лишь в самом конце игры, после третьего периода счет еще был равным — 6:6.

Испанцев победили со счетом 4:3. И здесь перед заключительным периодом была полная неясность — 2:2.

Счет матча с югославской командой сам по себе красноречив — 8:7 — тяжелейшая борьба от первой до последней минуты.

СССР — Венгрия... Нет, о счете потом. Матч с самым серьезным и титулованным соперником, победителем предыдущих, столь бесславных для нас Монреальских игр достоин отдельного рассказа. Однако на сей раз автор предоставляет слово знаменитому Карпати, грозному защитнику некогда непобедимой команды, десятки раз игравшему против главного героя этой книги.

В Будапеште вышла книга тренера олимпийской сборной Венгрии Дьёрдя Карпати, в которой он рассказывает о наиболее выдающихся игроках, вспоминает самые драматические эпизоды в международных ватерпольных матчах за последние тридцать лет.

Еще несколько слов об авторе книги. Он дважды становился олимпийским чемпионом и трижды победителем европейских чемпионатов. Завершив выступления, Карпати, будучи вторым тренером сборной Венгрии, помогал своей команде побеждать на самых крупных международных турнирах. За ним прочно укрепились слава очень мудрого игрока и тренера.

Вот что написал о монреальском матче СССР — Венгрия Дьёрдь Карпати в своей книге «Сага Карпати»^[2]:

«24 июля 1980 года. Самый важный в мире матч СССР — Венгрия. Прошло 2 минуты 26 секунд заключительного периода. Итальянский судья Капуани назначает четырехметровый штрафной удар в наши ворота. Я встаю со скамьи и отворачиваюсь от игровой площадки... Советская команда пока впереди. Счет 5:4. Ничего как будто не случилось. Но на самом деле случилось уже все. Были и чудеса искусства, и грубейшие ошибки. Взлеты и провалы. Но теперь это не имеет никакого значения, потому что конец близок. Гришин берется за желтый мяч. Он — катапульта. Миномет в шапочке с номером 9. «Катюша» в плавающих. Если сейчас будет гол, они получают преимущество в два мяча, и в оставшееся время нам уже ни за что не забить три мяча.

Забьет ли он? Почему бы нет?.. Ни за что он не забьет!

И вот я слышу неистовый и бессвязный крик,

который мог издать разве что динозавр с простуженным горлом. Или, возможно, это кричал я сам? Нет, это Банди Мольнар, усатый, круглощекий ангел. Это он исполнил невиданный акробатический трюк и выбил мяч из ворот.

Боже праведный! Исполнение приговора отложено, когда голова обреченного уже лежала на плахе, а палач занес над ней свой топор. Банди Мольнар вскочил на круп бешено мчащейся вспененной лошади и отразил четырехметровый пенальти. Вперед мои мальчики, вперед!

Вот он, наш шанс, за которым замерцал блеск грядущего триумфа. Еще полминуты назад я низвергал проклятия на голову Капуани за пенальти, назначенный в наши ворота. Теперь же я посылаю этому праведнику, этому святому свое трепетное благословение. Ему, Капуани, который назначил четырехметровый в ворота наших соперников!

Пройдет всего несколько мгновений, и счет станет 5:5, а мог быть 6:4 в пользу советской команды. Проклятие и благословение, гибель и спасение, поражение и победа! Я не сомневаюсь в том, что теперь, когда счет станет 5:5, вся наша команда заиграет в полную мощь и в оставшиеся две минуты забьет еще два гола.

Четырехметровый пенальти. Кто будет бить? Все мои ребята смотрят друг на друга и, не найдя ответа, отворачиваются. Может быть, Герендаш? Сегодня — определенно его матч. Сегодня он забил три из четырех мячей, причем последний как раз с пенальти. Но сейчас он бить не хочет.

Бить будет Фараго, — говорит Дьярмати (старший тренер венгерской сборной. — В. Л.).

Фараго занимает исходную позицию, судья дает свисток и... страшной силы удар приходится в перекладину...

На том все и кончилось. Толщина перекладины всего десять сантиметров, но боже, как это много! Будь ворота лишь на десять сантиметров выше... В этих десяти сантиметрах таилась наша олимпийская победа...»

Вот какие драмы вершились в бассейне «Олимпийский» на проспекте Мира. Советская сборная не потеряла в турнире ни одного очка, но какой ценой досталась эта победа!

В ходе олимпийского турнира Петр Яковлевич виделся с

Кахой мало — лишь по окончании каждого матча, на трибуне. Об игре отец старался не говорить, считая, что сейчас эти беседы ни к чему. Обстановка и без того была напряженной, а сын держался на поле достойно. Если и ошибался, то куда меньше, чем, казалось бы, имел право после тяжелой болезни и долгого бездействия.

Восемь лет прошло после мюнхенского триумфа советской олимпийской сборной. Из прежнего состава остались лишь трое. Большинство впервые держали в ладонях олимпийские золотые медали. И среди них — Георгий Мшвениерадзе.

Получив награду, Каха тут же подошел к отцу и с изумлением увидел, что глаза у него красные от только что пролитых слез.

Так снова наступил золотой период советского водного поло. В 1981 году в американском городе Ла-Биче наша сборная стала победительницей турнира на Кубок мира, а еще годом позже выиграла чемпионат мира в Эквадоре. И в который уже раз ключевым матчем турнира стала встреча между сборными Советского Союза и Венгрии. Причем матч старых соперников оказался еще более драматичным, чем олимпийский в Москве.

Незадолго до конца игры венгры вели в счете — 7:5, но их двух ошибок хватило для того, чтобы советские ватерполисты сравняли счет. И вот за 12 секунд до окончания матча судья из США Фреди удалил советского игрока. Еще через три секунды был назначен свободный удар в наши ворота. Венгры разыгрывают комбинацию, и Герендаш, получив пас, в высоком прыжке забивает гол.

Венгры вне себя от счастья. Но что это? Судья-хронометрист Феликс из США подходит к столу судейской коллегии и заявляет, что гол был забит по истечении игрового времени, подчеркивая, что сирена об окончании была дана вовремя, но из-за невероятного шума на трибунах ее никто не услышал.

Венгры подали протест. Обсуждение происшедшего затянулось на несколько часов, и в конце концов судейская коллегия пришла к заключению, что гол был забит после окончания игрового времени. Тем самым была зафиксирована устраивавшая нас ничья. Советская команда стала победительницей турнира, а самый результативный игрок — Георгий Мшвениерадзе был впервые удостоен звания чемпиона мира.

Этого звания Петр Яковлевич также не имел. И даже не мог иметь, так как чемпионаты мира по водному поло стали проводиться лишь с 1973 года, турнир в Эквадоре был четвертым.

Читая издаваемый ФИНА международный журнал «Плавание и водное поло», знакомясь с мнениями о чемпионате виднейших

специалистов водного поло, трудно прийти к твердому заключению: права была судейская коллегия или нет, не засчитав гол, забитый Герендашем, — гол, решивший судьбу золотых медалей эквадорского чемпионата. Но специалисты почти единодушны в одном: наиболее достойными соискателями золотых наград в ходе всего турнира показали себя советские ватерполисты. Этому стройному хору противоречит лишь один человек — Борис Попов, старший тренер сборной СССР, сказавший в тот день: «Венгерская команда выглядела сегодня сильнее». Правда, как видим, Попов говорил лишь об одном, заключительном и таком драматичном матче.

В мае следующего, 1983 года — новая, теперь уже можно говорить, очередная победа сборной Советского Союза. В Лос-Анджелесе она во второй раз стала победительницей соревнований на Кубок мира. Все решалось в последнем матче турнира — между нашими и западногерманскими ватерполистами, которые к тому времени вошли в число сильнейших команд мира. Нашей сборной в этой игре необходима была только победа, тогда как спортсменов ФРГ устраивала ничья. И все шло по их сценарию до последней минуты.

Оставалось всего 33 секунды до триумфа западногерманской команды, когда при счете 5:5 Георгий Мшвениерадзе забил решающий гол. Подводя итоги этого турнира, Борис Попов так оценил игру Кахи: «Георгий Мшвениерадзе показал, пожалуй, наиболее интересную игру за все время выступления в сборной. И дело не только в результативности (он забил 11 мячей — больше всех в команде). Практически ни в одной команде соперников сейчас нет защитника, который мог бы нейтрализовать Мшвениерадзе, когда он играет без ошибок».

Кубок мира 1983 г. Решающий гол Георгия Мшвениерадзе в решающем матче со сборной ФРГ

Незадолго до турнира на Кубок мира в Лос-Анджелесе у игроков сборной состоялся серьезный разговор с центральным нападающим.

— Пора тебе, Каха, наконец пересмотреть свою тактику. Мы всегда играем на тебя, но и ты должен больше работать на команду, — сказали ему товарищи. — Убедить Петра Яковлевича в разумности такой тактики никому пока не удалось. Но ты сам большой мастер и должен поверить нам. Ты можешь играть так и не раз это доказывал.

И Каха играл в Лос-Анджелесе остро, комбинационно, оттягивался в защиту, участвовал в подготовке и развитии атак, а уж на ударной позиции у ворот соперников перед ним пасовали лучшие защитники мира.

Когда команда возвратилась в Москву, Петр Яковлевич, как всегда встречавший ее в Шереметьеве, обнял сына, а потом достал из кармана «Советский спорт» и показал Кахе интервью Попова.

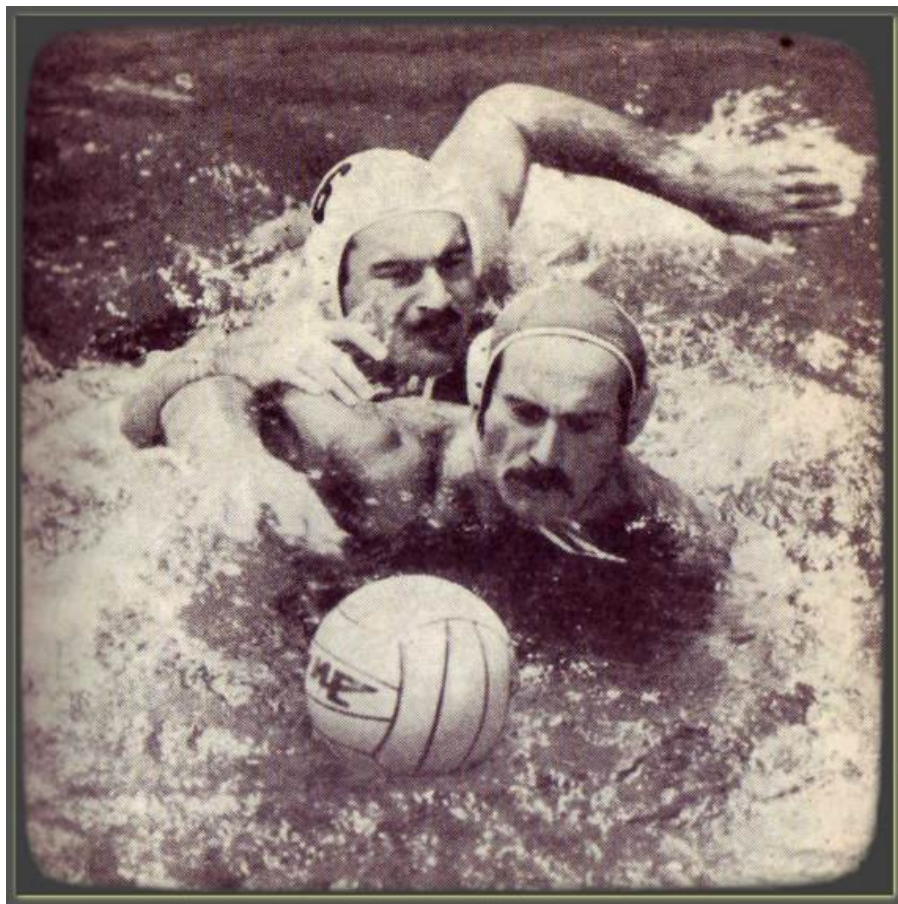
— Видишь, старший тренер говорит, что ты играешь с ошибками. В следующий раз такое услышу, встречать не приеду.

И только по тому, как счастливо отец рассмеялся, сын понял, что на этот раз суровый папа шутит.

А потом была очередная Спартакиада народов СССР, в которой они с Нугзаром играли в одной команде за Москву — событие редчайшее, такое в прежние годы случалось два или три раза. И выиграли Спартакиаду, что, правда, можно было предвидеть: Москву представляют сильнейшие команды страны

— ЦСК ВМФ, «Динамо», МГУ, за столичный клуб «Москвич» играет Евгений Шаронов, признанный лучшим вратарем мира. Так что итоги турнира при всей его чрезвычайной значимости не явились большим достижением братьев Мшвениерадзе.

А потом был очередной чемпионат Европы... А потом... В общем, все шло своим чередом. Нугзар стал всерьез подумывать об уходе из спорта, хотя играл он в тот год едва ли не лучше, чем когда-либо. Просто всему свое время и нужно думать о будущем. За плечами экономический факультет университета и такой богатый спортивный опыт. Как применить это в дальнейшей жизни?

Без скидок на родство. Георгий (№ 6) и Нугзар Мшвениерадзе

Каха же пошел по стопам отца, поступив на юридический факультет МГУ. Но целиком отдаться профессии ему предстоит не скоро. Надо думать, что жизнь его в спорте будет по крайней мере не короче, чем у отца, хотя и достиг он к своим ранним

годам почти всех высших титулов и почестей.

Младшему Мшвениерадзе есть к чему стремиться. Большинство тренеров и игроков считают, что Георгий Мшвениерадзе на сегодня — самый техничный советский ватерполист. Но они же добавляют, что раскрыл он свои возможности пока наполовину. Ну, а Петр Яковлевич и эту половину урезает в своей оценке вдвое.

Он хочет, чтобы сын превзошел отца. Пока этого не произошло. Пока отец неповторим. Он забивал порой такие голы, повторить которые и самому даже не удастся. И не потому, что были они случайными, нет, просто больше не складывалась именно такая игровая ситуация. А если и складывалась, так он уже действовал иначе, применял другой прием, снова удивительный, уникальный, неповторимый, но другой. Потому что эти приемы, финты, удары были порождены вдохновением. Это была им же сочиненная музыка.

Знатоки водного поло иногда спорят: кто был сильнее — Мшвениерадзе-старший или Сивош-старший? Нет на этот счет у специалистов единства во взглядах. Но вот мнение Юрия Григоровского: «Мшвениерадзе своей игрой опередил всех на несколько десятилетий. Повторяю, всех. Я бы сравнил его с Бобом Бимоном. Когда тот на Мексиканской олимпиаде прыгнул в длину на 8 метров 90 сантиметров, все сошлись на том, что это прыжок в XXI век.

На Сивоша работала высококлассная команда, — продолжает Юрий Николаевич, — партнеры выдавали ему самые выверенные пасы, удачнее других блокировали соперника. И Сивошу противостояли более слабые соперники, чем те, что играли против Петра. Ну, а на фоне более слабого защитника блеск игры бомбардира всегда ярче».

Однажды, когда сборная команда наших ватерполистов находилась в Венгрии, Петра Мшвениерадзе «одолжили» на одну товарищескую игру наши соперники. В рядах сборной Венгрии он творил чудеса.

Лучший советский ватерпольный «техник» сегодняшнего дня высот мастерства своего отца пока не достиг. Тот же Григоровский, несколько лет работавший с Кахой, сказал по этому поводу, что Мшвениерадзе-старшего практически никто не учил игре, приемам. До всего доходил он сам. Уроки у Сивоша-старшего так и остались эпизодом. Сам же Петр Яковлевич в работе с Кахой столь тщательно разучивал все элементы игры, что у того просто не оставалось места для импровизации, для творчества. Мысль интересная, но бесспорная ли? Во всяком случае, класс игры Георгия Мшвениерадзе год от года растет.

В тренировках Каха никогда не работает только по установкам тренера команды. Даже в обычном, пусть давно известном и хорошо отработанном упражнении он всегда ищет что-то новое, свое, стремится выполнить его с выдумкой, с прицелом на какую-то пусть еще неведомую ему, не случавшуюся игровую ситуацию. Разве это не свидетельствует о готовности к импровизации?

Сегодня папа доволен игрой сыновей

Раз или два в неделю по пути на работу заезжает полковник Мшвениерадзе в свой родной бассейн «Динамо». Уже давно без сыновей, один. Из бывших сотрудников бассейна только Валентина Андреевна осталась, гардеробщица. Уж три десятка лет она здесь работает. «Помню, — говорит, — как он все сынишек по воде на спине своей возил. Возил, возил, вот и привез».

В футбол же Петр Яковлевич Мшвениерадзе играет строго два раза в неделю — и зимой и летом.

...Вот Разинский, известный мастер футбола, участник бывших олимпийских игр, прорывается по центру и сильнейшим ударом посылает мяч в... живот Петра Мшвениерадзе. Тот приседает и долго приходит в себя. Разинский не привык бить вполсилы.

— Ну, зачем вы так, Боря, — говорит Разинскому академик Сагдеев, в будние дни директор Института космических исследований, а в настоящий момент защитник команды Мшвениерадзе.

Разинский и сам словно сжался от боли и неловкости.

— Ну что же делать, — оправдывается он, — если его так много? Буду поаккуратнее.

— Ничего, Како, иди вперед, «на столба», — советует

пострадавшему Зураб Соткилава, бывший игрок футбольной команды мастеров тбилисского «Динамо», а ныне солист Большого театра, народный артист СССР и, как уже говорилось, большой друг нашего героя. — Иди вперед и больше в защиту не ходи. А то в следующий раз лопнет или живот или мяч. Ни того, ни другого у нас вторым экземпляром не имеется.

Петр Яковлевич занимает свое привычное место у ворот и больше с Разинским они на поле не встречаются к явному удовлетворению обоих.

Теперь центр нападения Мшвениерадзе строго следует установке товарища, он оккупировал все примыкающее к воротам пространство и, с удовольствием демонстрируя, может быть, не такой уж виртуозный, но вполне достойный окружения дриблинг, раз за разом переигрывает защиту противника и наносит удары по воротам. Порой кажется, что он вообще не обрабатывает мяч, а просто принимает передачу и замыкает комбинацию. Но — гол! И раз, и два, и много-много раз. Вон оно, чутье позиции. А азарт все тот же. Как будто это олимпийский финал!

Когда-то в Туапсе сборная нескольких ватерпольных клубов сыграла футбольный матч со сборной командой города по футболу. И выиграла. Причем из пяти голов своей команды Мшвениерадзе забил три.

Еще эпизод из той же эпохи и на том же поле. На сей раз запечатленный на фотографии. Приостановленная было игра помчалась дальше, но Мшвениерадзе и Бреус, не удовлетворенные разрешением только что происшедшего игрового конфликта, продолжают неистово спорить: была или не была игра рукой? Да, на поле футбольное наш герой невозмутимость свою не взял, в воде оставил. Правда, будь он футболистом, конечно, все было б иначе. Можно лишь гадать, сколько футбол потерял в его лице.

...Гиви Захарович Инцкирвели к водному поло имеет отношение меньшее, чем его друг Петр Яковлевич Мшвениерадзе. А если быть совсем точным, то вообще никакого отношения не имеет. Гиви Захарович — профессор, декан юридического факультета Тбилисского государственного университета и по виду спорта, именуемому «водное поло», не имеет даже третьего разряда, потому как ни одной календарной игры в жизни не провел. И ни одной тренировки тоже.

Тем не менее профессор Инцкирвели при случае говорит, что играть в водное поло совсем просто и всякому доступно. И добавляет: «Я, к примеру, выиграл у Мшвениерадзе». А если при сем присутствует сам Петр Яковлевич и его просят подтвердить сказанное, тот согласно кивает головой.

Весь секрет в том, что однажды, когда Гиви Захарович находился в командировке в Москве, Петр Яковлевич предложил ему сходить в бассейн. Пошли. Перед купанием сыграли здесь же на площадке в футбол. Потом били друг другу пенальти на счет. И профессор проиграл. Тогда он возьми да скажи: «Хорошо, а в водное поло я у тебя по пенальти выиграю». Казалось, посмеялись и забыли. Но нет. Мшвениерадзе в воде шуток не признает. И выдвигает условие: «Если из пяти ты забьешь мне один, считай, что выиграл». А Инцкирвели добавляет: «И тогда ты будешь всем говорить, что я у тебя выиграл в водное поло». На том и порешили. Причем Петр Яковлевич великодушно разрешил бить себе не с четырех, а с трех метров.

Соперники заняли исходные позиции. И вот профессор, нацелившись в левый угол, туда и бросил. Но вратарь этот мяч взял, да будто не рукой даже, а усмешкой. Во второй раз ситуация повторилась. Нападающая сторона куда метила, туда и направила мяч. И в третий тоже. Шутки ради заслуженный мастер спорта отбил этот мяч даже ногой. Но в том-то хитрость и была. Профессор уголовного права, усыпив бдительность соперника, шел на явный обман. В четвертый раз Инцкирвели всем своим видом показал, что будет бить в правый угол, куда и направил голкипера, а мяч тем временем неторопливо спланировал влево и оказался в сетке.

Проигравший был явно обескуражен.

— Ну, ладно, Гиви, это все не в счет. Давай сначала. Мое условие: ни одного мяча не пропущу из десяти ударов.

— Нет, ни за что. Ты проиграл.

— Хорошо, давай из двадцати... Из тридцати.

— Даже из тысячи не соглашусь. Ты проиграл. Попробуй теперь не выполнить условие договора.

Так и гордится с тех пор победой профессор Инцкирвели, а друг его лишь угрюмо кивает.

А с сыновьями он и по сей день изредка любит постучать по воротам. Но не соревнуется — боится, что проиграет, не любит он проигрывать. Даже в шутку. Но как же приятно вспомнить себя, прикоснуться к молодости!

Впрочем, кое в чем отец и по сей день не уступит Нугзару и Кахе. В стартовом рывке с воды, например, — весьма важном элементе игры. Или в состязании «рука на руку», в котором молодой Петр Мшвениерадзе не знал себе равных. И здесь Нугзар и Каха пока не могут одолеть папу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О семье Мшвениерадзе говорят и спорят много. Потому что она — удивительное явление в нашем спорте. И даже этот не слишком короткий рассказ о ней не ответил на многие вопросы. Попробую добавить к портретам еще несколько штрихов.

Два десятка лет прожил Петр Мшвениерадзе в большом спорте. К сожалению, эти годы пришлись на период становления отечественного водного поло, расцвет наступил позже, когда в 1972 году сборная СССР завоевала высший спортивный титул.

Впрочем, почему «к сожалению»? Ведь именно он, Петр Мшвениерадзе, закладывал основы современной игры и замечательных побед отечественного водного поло.

В спорте Мшвениерадзе был человеком безмерно преданным своему делу. Он неистово работал на тренировках, гораздо больше, чем формально требовалось. Он постоянно искал новые формы игры и технические приемы. Не менее важно и то, что во всех турнирах он играл с полной отдачей духовных и физических сил, не боялся никаких соперников, всегда был настроен на победу, умел повести за собой команду, мобилизовать ее, вселить веру в успех. Он был настоящим капитаном.

Итак, все, чего добился наш герой, следует отнести главным образом на его личный счет: редкое сочетание физических и нравственных качеств, а значит, и способность на сверхусилия, которые приводят к выдающимся результатам.

Но, может быть, не стоит делать столь категоричных заключений? В наше время без сверхусилий невозможно добиться значительных результатов нигде и ни в чем, будь то наука, искусство или спорт. Однако согласимся, что немало и таких людей, кто и природой не обижен, и усилия затрачивает большие, но тем не менее плоды пожинает скромные. Жизнь показывает, что выдающиеся результаты порождаются не только благоприятным сочетанием физических и моральных качеств, есть и другие условия, предопределяющие успех. Такие, как коллектив, в котором он растет, домашняя обстановка, друзья, круг общения человека, его интересы — вообще все, что составляет суть его жизни, звенья цепи. Очевидно, в жизни большого спортсмена все должно быть сбалансировано, уравновешено, цепь должна быть прочной. И если одно какое-то звено ослабнет, может порваться вся цепь.

Теперь порассуждаем о волевых качествах — что это такое? В первую очередь, способность самозабвенно работать на тренировках и выкладываться в соревнованиях. Но мне кажется,

даже неистовость должна быть продуманной, рациональной. Ведь столько спортсменов загубили себя фанатическим трудом потому, что просто не умели прислушиваться к своему организму. Спортсмен должен достаточно хорошо чувствовать дозировку нагрузок, не полагаясь только лишь на тренера. Мшвениерадзе как раз и обладал этим качеством. Вся его спортивная деятельность сопровождалась напряженной работой ума. Понятно, что эффективность такой работы непосредственно связана с общим интеллектуальным развитием самого спортсмена. Герой этой книги — человек гармонично развитый, многогранный, что, скорее всего, и сыграло решающую роль в его деятельности.

Речь идет, несомненно, о сильной личности. Но как, под воздействием чего она сформировалась? Можно ли считать, что именно спорт сделал ее таковой?

Безусловно спорт помог развить и укрепить лучшие качества Петра Мшвениерадзе. Путь большого спортсмена немыслим без экстремальных ситуаций. И каждый раз их нужно преодолевать, искать пути решения. Это удастся не всегда, но в любом случае борьба, поиск способствуют укреплению тех качеств, которые мы называем моральноволевыми. Поэтому большой спорт безусловно способствует формированию личности.

Но почему же тогда некоторые выдающиеся спортсмены, закончив выступления, не способны достигнуть значительных результатов на новом поприще, а порой вообще терпят крах?

Известный в прошлом хоккеист, некогда человек огромной отваги и силы духа, после ухода из спорта стремительно покатился вниз, работает сейчас ройщиком могил на кладбище. Некогда знаменитый прыгун с шестом, чемпион страны, победитель многих международных соревнований спился, уехал в Заполярье, стал бичом. Один из популярнейших в прошлом футболистов, имея высшее образование, предпочел своей профессии работу официанта. Один из лучших наших игроков в водное поло бросил университет, порвал все отношения с родными, с друзьями... Выдающиеся успехи в спорте еще не гарантируют дальнейших успехов в жизни. Более того, большой спорт требует полной концентрации усилий и невольно сужает круг интересов. Попробуйте, к примеру, суммировать время, затрачиваемое на тренировки, разъезды и соревнования. Лет за десять огромная цифра получится. А ведь речь идет о периоде, когда мозг человека наиболее восприимчив к информации, о времени, самом благоприятном для накопления профессиональных знаний и навыков. Хорошо, если человек решил стать тренером, тогда активные занятия спортом во

многим способствуют приобретению профессиональной квалификации.

Но ведь тренерами становятся далеко не все спортсмены. Хотя бы потому, что не каждый имеет к этой профессии склонность и способности. Здесь нужны дарование и особые человеческие качества. К тому же, как показывает жизнь, выдающиеся спортсмены редко добиваются больших успехов на тренерском поприще.

Однако вернемся к нашему главному герою, который активной научной и педагогической деятельностью начал заниматься лишь в 35 лет, по завершении спортивного пути. Надо сказать, что довольно скоро после этого он защитил кандидатскую диссертацию, причем, судя по отзывам специалистов, великолепную. Стал уважаемым в своей профессиональной среде человеком. Позже закончил работу над докторской диссертацией. Готов ее защитить.

Но посудите сами — лишь в 35 лет полностью отдаться профессии. Не слишком ли поздно? Не чересчур ли велики издержки, отнесенные на счет спорта?

Мшвениерадзе столько сделал для нашего спорта, для нашей страны, что такие «издержки» в его биографии никак не соизмеримы с принесенной им пользой. К тому же я уверен, что те качества, которые он приобрел и развил в себе будучи спортсменом, оказывают большую помощь во всей его жизни.

Взгляните на него сейчас. Какое богатырское здоровье! Плавает, играет в футбол, причем не для здоровья — для удовольствия. Двигательная активность стала его потребностью. Сыновьям своим в силе не уступает. Уверен, что состарится Петр Яковлевич еще очень нескоро.

Так что и период его профессиональной активности, можно уверенно ожидать, будет более продолжительным, чем у многих других. Если спорт и задержал расцвет его профессиональной деятельности, то он же ее и продлит.

Но почему же все-таки случается так, что выдающиеся спортсмены не находят себя в «мирской» жизни?

Наше государство уделяет огромное внимание как массовому спорту, так и тому, который принято называть большим. Как правило, спортсменов высокой квалификации обеспечен хорошими бытовыми условиями. Он живет интересной жизнью, много ездит по стране, бывает за рубежом. И порой молодому человеку кажется, что жизнь уже сложилась, что от него не требуется никаких иных усилий, кроме труда на тренировках и самоотдачи в соревнованиях. Он не задумывается о необходимости более полного самовыражения и совершенствования. Еще хуже, если эта

проблема не волнует и его тренера.

Но наступает пора уходить из спорта. Человек вступает в качественно новый для себя период жизни. Иной теперь ритм, бытовой уклад. Здесь требуется коренная перестройка сознания. И к этому нужно готовить себя заранее. Петр Мшвениерадзе на все тренировочные сборы, во все зарубежные поездки брал не только художественную литературу, но и книги по юриспруденции, уделял чтению и постижению науки много так называемого свободного времени. То есть в период активных занятий спортом он продолжал расти как человек и как специалист. Он всегда сознавал, что однобокая приверженность спорту разлагает, выхолащивает ум, как всякая однобокость, похожая, по словам Козьмы Пруткова, на флюс.

Что же касается тех, кто в большом спорте был сильной личностью, но в дальнейшей жизни ничего добиться не смог, то, видимо, та, «спортивная», сила оказалась узконаправленной, а потому и нежизнеспособной.

Таким образом, можно сделать вывод: большой спорт способствует формированию сильной личности, а конечный положительный результат получается лишь тогда, когда сам человек не устает создавать себя.

Рано лишившийся отца, пришедший в спорт, когда фундамент методики в нем только закладывался, Петр Мшвениерадзе до всего доходил сам. А сыновьям своим он активно помогал формироваться.

Причем как в общечеловеческом, так и в спортивном плане. Вряд ли можно вспомнить другого отца, который, не будучи сам тренером, уделял так много внимания обучению своих детей спортивной специализации. Именно благодаря этой кропотливой работе они и стали высококлассными спортсменами и яркими личностями. Вспомним при этом, что Нугзар Мшвениерадзе долгое время страстью к водному поло не пылал. Благодаря активному влиянию отца у него постепенно изменилось отношение к игре и он стал одним из сильнейших игроков страны. Младшего же сына Петра Яковлевича считают на сегодня самым техничным советским ватерполистом, и в развитии этого мастерства решающую роль тоже сыграл, несомненно, отец.

Правда, здесь напрашивается вопрос: а что же говорить о тех спортсменах, с кем мамы и папы не занимались? Взять того же Евгения Гришина. Отец его, Борис Дмитриевич, закончив выступления, стал тренером, однако к ватерпольному образованию сына рук почти не прикладывал и дело это почти полностью доверил другим. Как будто бы противоречие? Нет. Просто путь к достижению высот у каждого свой. Один шел

самостоятельно, другому помог пример отца, третьему — тренер.

Заметим, что оба сына Петра Яковлевича — спортсмены собранные, волевые, смелые. Играют с полной отдачей сил. Как и отец, оба не допускают даже малейших отклонений от спортивного режима.

Можно быть спокойными и за их дальнейшую судьбу: Нугзар окончил экономический, а Георгий выбрал юридический факультет МГУ. И тут их вдохновил пример отца.

Итак, сыновья Петра Яковлевича как игроки росли в иных, более благоприятных условиях, чем он сам. Оба получили отличное спортивное образование. И тем не менее мастерством отца так и не превосшли. В чем здесь дело?

Может быть, в природных качествах? Можно вспомнить сколько угодно выдающихся спортсменов (и не только спортсменов), вслед за которыми по их пути пошли дети. Но превзойти своих родителей не сумели. Мшвениерадзе-старший являл собой редчайший сплав всех необходимых для великого спортсмена качеств. Столь уникальное сочетание вряд ли вообще могло повториться. Видимо, верно, что природа на детях гениев отдыхает.

К тому же и само водное поло за эти четверть века существенно изменилось. Вырос общий технический уровень и выровнялось мастерство игроков. Поэтому быть сегодня яркой индивидуальностью гораздо труднее, чем ранее.

Петр Мшвениерадзе создавал новую технику игры, благодаря его действиям рождались, изобретались новые тактические приемы. Сегодня же изобретать в игре гораздо труднее. А это опять же не в пользу яркой индивидуальности — поле ее проявления сужается.

Как заметил читатель, после ухода с площадки Петр Яковлевич продолжает следить за событиями в ватерпольном мире, оставаться активно причастным к ним. В связи с этим было бы неверным умолчать о его расхождениях с нынешними тренерскими концепциями. В частности, он отнюдь не превозносит роль высокой плавательной подготовки в игре ватерполиста.

Мшвениерадзе-старший всегда считал и считает, что высокая плавательная подготовка игроку необходима, но каждый должен играть в своем амплуа, в своем ключе. Только так он может быть наиболее полезен команде. «Нельзя, — поясняет Петр Яковлевич, — ломовую лошадь пускать на рысистые испытания, так же как нельзя скакуна впрягать в орудийную повозку».

Сам он был центральным нападающим, игроком «столбящего» плана, основной задачей которого являлось завершение атак. Он был способен на силовое единоборство практически с любым защитником. Когда было необходимо, он мог играть и в достаточно маневренную игру, но тяготел все же к роли абсолютного лидера, на которого работает вся команда.

«Столбящими» нападающими Петр Яковлевич растил и своих сыновей, постоянно убеждая их в том, что высокая маневренность на протяжении всего матча лишь снижает возможности центрального нападающего в выполнении главной задачи — забить гол.

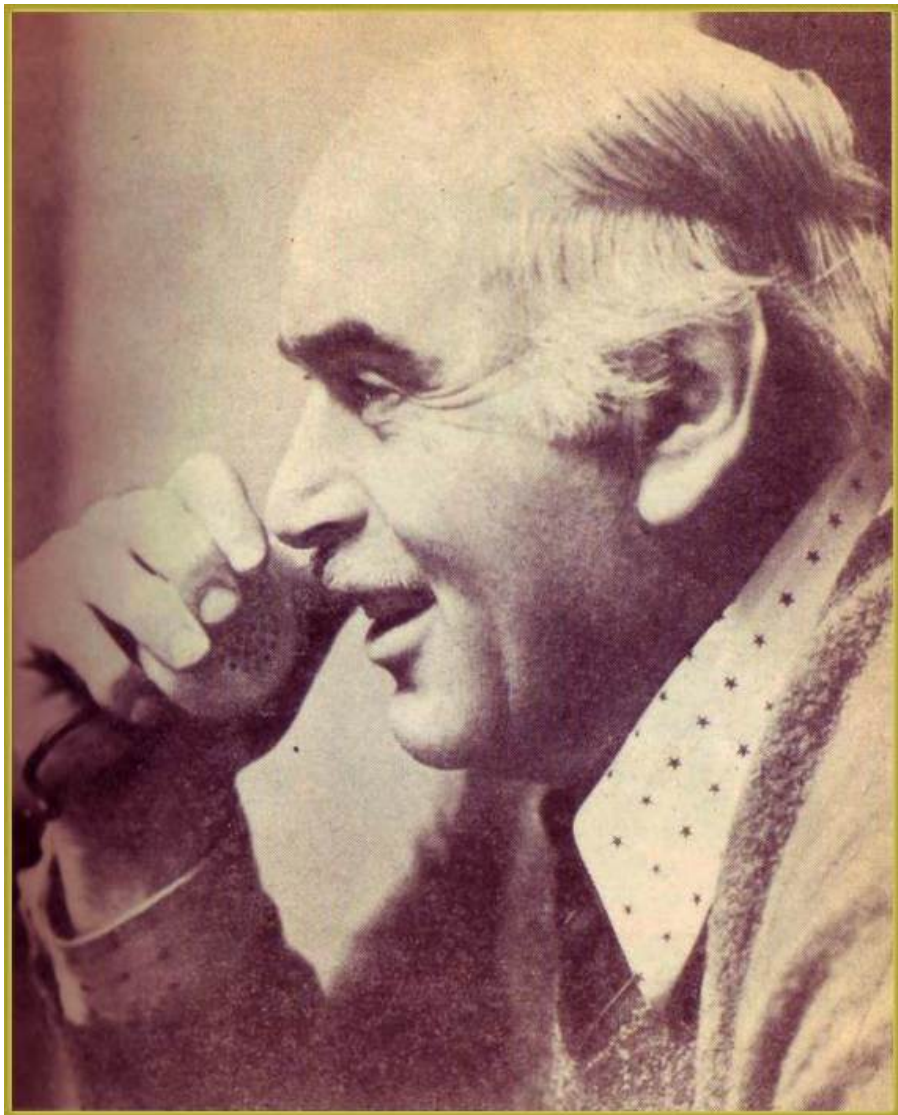
Тут с Петром Яковлевичем можно поспорить, что многие тренеры и делают. Времена меняются, значительно возросли скорости, игра стала намного маневреннее, мобильнее. Поэтому изменились и требования, предъявляемые к игрокам;. В частности, иметь в команде чистого «столбящего» нападающего стало непозволительной роскошью. Георгий Мшвениерадзе, внимая убеждениям отца, долго с этим не соглашался и редко играл в маневренную игру, чаще оставаясь впереди, непосредственно на ударной позиции перед воротами соперника.

Но в последнее время Георгий стал заметно менять свои

взгляды на игру нападающего. Это, в частности, подтвердило его превосходное выступление на Кубке мира в Лос-Анджелесе, где он показал себя поистине незаменимым игроком. Впрочем, может быть, не взгляды у него изменились, а просто он вырос как техник и тактик?

Да, отец сыграл значительную роль в том, что его сыновья достигли столь высоких результатов в спорте. Но, как можно видеть, не менее значительная роль здесь принадлежит тренерам и игрокам команд, в которых выступали Нугзар и Георгий. Взаимопонимание, умение перестроиться ради команды, взаимовыручка— в этом залог успехов всех и каждого. Так было во времена, когда играл Петр Мшвениерадзе, так осталось навсегда.

Иногда говорят, что Мшвениерадзе слишком уж опекал своих сыновей. Возможно, это и так. Определенные издержки этой опеки можно заметить. Но приносила ли такая опека нравственный вред Нугзару и Георгию? Уверен, что нет. Ведь любовь отца была не слепой и всепрощающей, а строгой, требовательной, бескомпромиссной. Хотя нередко и чрезмерно темпераментной. Кстати, этот темперамент был неизменным спутником выдающегося мастерства Петра Мшвениерадзе, игру которого будут еще долго помнить и в нашей стране, и во многих странах мира.

Вот уже четыре десятилетия атакует ворота самых именитых ватерпольных команд спортивная династия Мшвениерадзе. Атакует мастерски, азартно, яростно. Мне хочется верить, что те мальчишки, которые сидят на трибунах, прочитав эту книгу, еще больше полюбят водное поло и будут стремиться стать такими же преданными ему рыцарями, как Петр, Нугзар и Георгий Мшвениерадзе. Такими же сильными, смелыми. И честными.

Эти строки — вдогонку. Они написаны уже после того, как «сомкнулась вода» — рукопись была сдана в набор. Но в конце августа 1986 года в Испании состоялся очередной чемпионат мира по водному поло, и я снова взялся за перо. Не для того, чтобы освежить рукопись хроникой последних событий: книге, в отличие от газеты, за спортивным календарем все равно не угнаться. Да и нет в этом нужды. Я взялся за перо потому, что на этот раз наша команда проиграла. И проиграла не случайно. Сложись чемпионат мира иначе — так, как стало уже привычным для нас, эти строки не появились бы.

...Мы с Кахой ехали из аэропорта вдвоем, и он неторопливо рассказывал об играх. По телевидению показывали лишь фрагменты, ведь одновременно в Мадриде разыгрывались чемпионаты мира по плаванию, прыжкам в воду, синхронному плаванию. К тому же телеэкран — плоский. Что там за ним, многое ли поймешь?

Мы вспоминали результаты выступлений сборной СССР после олимпийской победы в Москве. По существу, была лишь одна неудача — второе место на чемпионате Европы восемьдесят первого года. Незадолго до того команда лишилась двух ведущих игроков: получили травмы Евгений Гришин и Георгий Мшвениерадзе, которому пришлось лечь на операцию мениска, так же как теперь его старшему брату. Петр Яковлевич таких осложнений не знал, нынче другая игра, другие нагрузки. Ну а потом сборная СССР дважды становилась чемпионом Европы, победила на чемпионате мира, в турнире «Дружба», многих других представительных соревнованиях. При этом часто даже самых сильных соперников побеждали так, что хоть досрочно, как в боксе, прекращай встречу за явным преимуществом. Так было, например, в восемьдесят пятом на очень сильном турнире в Западной Германии. Однако чуть позже на чемпионате Европы в Софии наши игроки были уже неузнаваемы. Турнир, правда, выиграли. — сказался все-таки класс, но победили с огромным трудом, еле-еле.

Похожая ситуация сложилась и двумя годами раньше, когда звание чемпионов Европы наши ватерполисты обеспечили себе за два тура до финиша, а в весьма представительном турнире в США победили, если быть откровенным, лишь благодаря удачному стечению обстоятельств. На пути к той победе проиграли испанцам, а матч с итальянцами свели к ничьей. Откуда же такие перепады? Чем их объяснить?

Мнение Петра Яковлевича на этот счет уже звучало ранее, хотя и приглушенно. Помните его слова про назначение ломовой лошади и скакуна? Отец всегда считал, что центральный нападающий не должен быть исключительно маневренным игроком, что это уменьшит его боеспособность на острие атаки, снизит возможности в выполнении главной задачи — забивать голы. И пострадает вся команда.

Но с Георгия требовали, и он поверил: нужно быть более маневренным, больше оттягиваться в защиту при перехвате противником мяча. А для этого повысить свою плавательную подготовку, общую и специальную выносливость. Все шло нормально, команда выигрывала, а значит, возражать тренерам было нечем. Впрочем...

Сейчас Каха вспомнил, как незадолго до турнира «Дружба», проводившегося на Кубе, сборная отправилась на серию игр в Голландию. Сам же он из-за размолвок со старшим тренером Борисом Поповым был оставлен в Москве. Он тогда резко снизил нагрузки и в течение полутора недель, по существу, лишь разминался. Потом поехал с ребятами на Кубу и отыграл там отлично.

— Перед этим я был просто замучен чудовищным объемом специальных плавательных тренировок, — вспоминал теперь Каха, — мышцы чужие, тяжелые. Нет свежести и в голове, нет реакции. Не могу зажечься. А тут — отдохнул перед самым турниром и сразу почувствовал себя другим человеком. Все во мне горело. Не играл — пел!

Однако тренер понял причину хорошей игры Георгия, видимо, иначе.

Для себя Каха все же решил: буду по-прежнему пытаться убеждать Бориса Никитовича в своей правоте, а тренировочную программу выполнять, как предписано, нельзя в команду вносить разлад. Этой линии поведения он и придерживался. А плавательные тренировочные нагрузки в сборной команде все росли.

Уже на турнире Игр доброй воли было видно: нет сыгранности, азарта, ребята играют тяжело, вязко. Даже сборную Венгрии, которая переживает сейчас далеко не лучшие свои времена, победили с трудом.

До начала чемпионата мира оставался целый месяц, но уставшую команду отправили на очередной турнир в Югославию. Именно в Югославию, где ее ждал главный соперник. Нужно ли было раскрываться перед основными конкурентами, расходовать физическую и нервную энергию накануне чемпионата? Однако третье место сборной СССР старшего тренера не смутило. Он

посчитал, что этот результат поможет команде посмотреть на себя трезво, собьет веру в легкие победы, а значит, и повысит боевой настрой. «Нет предела человеческим возможностям» — любимая фраза Бориса Попова.

Петр Яковлевич в дискуссии с тренером уже давно не вступал. Еще со времен споров с Блюменталем решил, что толку от этого никакого, а сыновьям только вред. Его давно сочли человеком из прошлого, и даже во время игр, сидя на трибуне, отец молчал. К тому же он понимал, как, впрочем, и Каха, что Попов — тренер высокой квалификации. Семь лет он руководит сборной, именно при нем команда добилась наивысших успехов за всю историю советского водного поло.

Попов же все наращивал «функциональный потенциал» команды. Теперь даже в день календарной игры вечером нередко проводилась интенсивная плавательная тренировка.

Ветераны команды снова пытались убедить старшего тренера немного изменить методику. «Наши собственные ощущения, наше самочувствие, ну и, наконец, наш опыт — разве не следует к этому прислушаться?» — говорили они.

Обратить бы тренеру внимание на то, что даже признанный труженик Нурлан Мендыгалиев тренируется вяло, тяжело, словно по принуждению. Может быть, и понял бы тогда Борис Никитович, что устал один из сильнейших в мире защитников, что не в радость ему игра. Как и многим его товарищам.

Первые два матча чемпионата мира мало что могли показать: сборные Бразилии и Греции — соперники откровенно слабые, победить их было нетрудно в любом состоянии. Дальше предстояла встреча с американцами, у которых совсем недавно — на Играх доброй воли — сборная СССР выиграла без особого труда.

Однако после второго периода счет был уже 7:4 в пользу сборной США. С разницей в три мяча команды ушли и на последний перерыв. За две минуты до финального свистка Георгий Мшвениерадзе сократил разрыв до минимального. Казалось, еще немного и матч будет спасен. По наша защита допустила грубую ошибку, и американский нападающий подвел черту — 10:8.

Еще оставались шансы выиграть чемпионат, ведь прошли лишь предварительные игры, предстояли полуфинальные. Наши ребята благополучно миновали этот этап и вошли в финальную четверку.

Но вновь потерпели поражение — на этот раз от югославов. Снова каждый из советских ватерполистов играл будто сам по себе, снова проваливалась защита, снова не получались быстрые

контратаки — не было на них сил.

Предстоял утешительный матч — за третье место. И опять нашими соперниками оказались американцы. Наши ватерполисты вымучили эту победу — она обошлась в четыре дополнительных периода. Борьба шла тяжелая, ошибок с обеих сторон было много.

Неважно отыграл турнир и Каха. На трибуне находился Михаил Михайлович Рыжак, приехавший в Мадрид вместе с другими спортивными специалистами. Уже в Москве он сказал мне, что Каха утратил свой былой почерк, стал тяжел, малоподвижен даже на позиции «столба». И вообще вся команда играла неважно.

А чемпионами мира стали югославские ватерполисты. Основное время победителя не выявило. Назначили еще два периода по три минуты. Но они не дали перевеса ни одной из команд. Еще два периода. Снова безрезультатно... Лишь на последней секунде двенадцатого (!) периода югославу Игору Милановичу удалось, наконец, добиться долгожданного результата.

Завершение чемпионата наши ребята угрюмо наблюдали с трибуны. Был поздний вечер, оставалось несколько часов до возвращения в Москву.

В самолете Каха снова затеял спор со старшим тренером. К Мшвениерадзе присоединились некоторые игроки. Но мнение старшего тренера осталось непоколебимым:

— Вы проиграли потому, что не выполняли игровую установку. Подготовка к чемпионату методически велась правильно.

И вот теперь мы ехали из Шереметьево, и Каха с грустью говорил о том, что выступать ему осталось, наверное, не так уж много. Что устал, теряет вкус к игре и, главное, не видит перспектив на улучшение положения в команде. «Жаль, — добавил он, — можно было бы еще поиграть со вкусом. Ребята у нас классные!»

Вот на такой отнюдь не радостной ноте я и кончаю книгу. Впрочем, почему не радостной? Дела у нашей сборной наверняка наладятся. У нее опытный тренер, прекрасные игроки. Они умеют работать по-настоящему, умеют сражаться. Они самолюбивы, и хорошо знают вкус побед, им есть чем дорожить. Умеют достойно проигрывать. Надеюсь, что трезво оценить эту неудачу им помогут специалисты.

За отливом всегда следует прилив. Так устроена природа, так устроена жизнь. А жизнь — борьба. Кто-то сегодня оказался сильнее потому, что в чем-то был лучше других. Завтра же те, другие, откроют, постигнут что-то свое, пока не ведомое

остальным. Свою истину. А истина, как известно, рождается в споре. Так было и будет.

Приложение

Грузинский Петр Первый водного поло

Казалось, он будет жить нескончаемо долго, столько, сколько захочет сам, ибо всегда излучал здоровье и мощь. В свои далеко за 70 регулярно играл в футбол, плавал, а победить его в борьбе на руках не могли даже его могучие сыновья, такие же, как и он, знаменитые ватерполисты, обученные им этой трудной игре, где сам Петр Яковлевич Мшвениерадзе снискал себе славу великого мастера. Его называли Пеле водного поло. После него так и не появился в этой дисциплине игрок, подобный ему, как нет и второго Боброва.

НЕ ЧОКАЯСЬ

В 2000 году в Сиднее, в зале, где разместился главный пресс-центр XXVII летних Игр, Олимпийский музей в Лозанне организовал фотовыставку. Масса уникальных снимков, но один особенно привлек мое внимание: крупным планом окровавленное лицо венгерского ватерполиста Эрвина Задора, участника Олимпиады 1956 года в Мельбурне, и подпись под ним: «Кровавая битва с СССР». За шесть лет до этого я опубликовал статью об этой «битве» в «Советском спорте», а точнее, о матче сборных СССР и Венгрии по водному поло, состоявшемся на XVI Олимпиаде в дни, когда советские танки подавляли антикоммунистический мятеж в Будапеште. Этот матч, прерванный из-за грандиозной драки между его участниками, стал, пожалуй, единственным турниром в рамках Олимпиады, оставшимся незавершенным...

Рассказывает Борис Гойхман, лучший советский ватерпольный вратарь 50-х годов, участник и бронзовый призер Олимпиады-56:

— В той игре при счете 3:0 в свою пользу венгры решили не ограничиваться только спортивной победой. В одном из игровых эпизодов в центре поля их нападающий Деже Дьярмати неожиданно со всего маху ударил нашего капитана Петра

Мшвениерадзе в лицо. У того хлынула кровь из носа, и пока он ее смывал, Дьярмати ударил еще раз... Я до сих пор удивляюсь, как Петр тогда сдержался, с его южным темпераментом и огромной физической силой. Хотя именно так, наверное, должен вести себя истинный капитан команды, не имеющий права рисковать ее интересами. Ответ тогда Мшвениерадзе обидчику, почти наверняка был бы удален до конца игры. Кстати, такое поведение нашего капитана было потом по достоинству оценено и руководством советской делегации: Мшвениерадзе, единственный в нашей команде, был удостоен звания заслуженного мастера спорта, даже несмотря на то, что не стал олимпийским чемпионом. Значок и удостоверение ему вручил тогдашний глава нашего спорта Николай Николаевич Романов, специально приехавший на теплоход «Грузия», где жила наша команда.

Летом прошлого года сам Мшвениерадзе рассказал мне эту историю несколько по-другому: «Я погнался тогда за своим обидчиком, если бы поймал, задушил бы и утопил, но он успел уплыть... После этой игры не сомневался, что нас ждет та же участь, которая постигла футбольную сборную СССР после Олимпиады 1952 года, но вопреки всем предположениям я даже получил звание заслуженного мастера спорта. Спасибо, как мне потом сказал личный переводчик Романова Миша Мзареулов, тому человеку, которого в те времена называли заместителем главы делегации. Его фамилия мне до сих пор неизвестна, знаю только, что он был участником войны и жил на нашем теплоходе «Грузия», поскольку у СССР не было тогда дипломатических отношений с Австралией. Когда Романов пришел к нему с докладом и сообщил о том, что ватерполисты наказаны (а нас вызвали «на ковер» в два часа ночи), он очень возмутился, почему с ним не посоветовались. Более того, он даже нас похвалил, сказав о том, что в этой специально спровоцированной политической акции ребята повели себя абсолютно правильно: надо было этим венграм еще больше дать... А фраза «Особенно молодец здоровый грузин» стала, я думаю, основанием для присвоения мне заслуженного...»

Через четыре года Петр Мшвениерадзе стал серебряным призером Олимпийских игр в Риме, но бронза, завоеванная в Мельбурне, осталась, как мне кажется, его главной спортивной наградой, потому что второе место в Риме окрепшей к тому моменту сборной СССР было расценено как поражение, а в Мельбурне мы только заявляли о своих претензиях на международной арене.

Может быть, 14-летнему тбилисскому подростку Пете Мшвениерадзе надо заняться футболом, который он фанатично любил, как все грузины, или прийти в легкую атлетику, в частности в прыжки в высоту, но однажды летом 1943 года, перемахнув через забор, за которым находился бассейн, он бесповоротно решил свою судьбу, представ перед очами Луки Александровича Якимиди, ставшего его первым тренером. Уже на следующий год в Горьком Мшвениерадзе в составе сборной Грузии стал чемпионом СССР среди юношей в плавании брассом на 100 и 200 метров. А еще через два года увлекся водным поло, стал играть за тбилисское «Динамо», которое заняло шестое место на чемпионате СССР. После этого молодого, перспективного игрока заметили и пригласили в московское «Динамо», а потом и в сборную.

Однако в 1952 году перед Олимпиадой в Хельсинки он ушел из «Динамо». Сын всемогущего отца Василий Сталин, командовавший тогда ВВС Московского военного округа, уговорил Петра перейти в его команду, где в то время играли такие мастера, как Борис Гойхман и Владимир Семенов. В том же году в составе ВВС Мшвениерадзе стал даже чемпионом страны, но вскоре понял, что в искусственно созданном клубе перспектив мало, решил вернуться в «Динамо». Однако не тут-то было: действия вольнонаемного игрока были расценены по не отмененным еще законам военного времени и его отдали... под суд.

На суд приехала вся динамовская команда. Прибыл со свитой и генерал-лейтенант Василий Сталин. Заседание длилось часа четыре, и все это время, к общему удивлению, молодая женщина-судья билась против нелепейших обвинений в адрес Мшвениерадзе, и в итоге он был оправдан.

МЕДАЛЬ ДЛЯ ОТЦА

Рассказывает Виктор Агеев, участник Олимпийских игр 1956 и 1960 годов:

— В конце мая прошлого года какая-то американская телекомпания пригласила участников того «кровавого матча» в Мельбурне в Будапешт. Приехали Петр Мшвениерадзе, Юрий Шляпин, Борис Маркаров и я. С венгерской стороны были даже те игроки, которые в 1956 году после Олимпиады эмигрировали из страны в Канаду и Бразилию. Показательно, что, когда на сцену были вызваны два капитана — Мшвениерадзе и Маркович, последний даже расплакался. А Задор, который пострадал больше

всех в той драке, сказал, что это была обычная травма.

Ну конечно же звездой встречи был Мшвениерадзе, которого телевизионщики пытались больше всех. Я, кстати, тогда в непосредственной, дружеской обстановке открыл для себя едва ли не нового человека, несмотря на то что играл с Петром на Олимпиадах в Мельбурне и Риме. Интереснейший собеседник, фанат водного поло, воспитавший двоих знаменитых сыновей — серебряного призера чемпионата мира Нугзара и олимпийского чемпиона Георгия Мшвениерадзе. Последний, кстати, когда выиграл олимпийское золото в Москве, подбежал к трибуне, где сидел отец, и отдал ему медаль со словами: «Папа, это тебе, спасибо за все...»

КРОВЬ-УБИЙЦА

Рассказывает Нугзар Мшвениерадзе, старший сын Петра Яковлевича:

— Конечно, отец однозначно повлиял на наш с Георгием выбор спортивной специализации, более того, меня он, можно сказать, привел в бассейн принудительно. Я увлекался домашними животными, разводил в аквариуме рыбок и вообще не помышлял о спорте, но воле отца не посмел противоречить. Георгию, который младше меня на восемь лет, было в этом плане легче: когда пришла его очередь определяться с планами на будущее, в водном поло уже сложилась династия Мшвениерадзе, и его выбор был предопределен...

Интересно, что отец досконально продумал даже стратегию наших занятий водным поло. В одной команде Москвы мы с братом были только на Спартакиаде народов СССР, а так он развел нас по разным клубам: я играл за МГУ, Георгий — за «Динамо». Идея была в том, чтобы брат не затмевал брата. Сначала я — Георгия, а потом, когда я стану немножечко постарше, он — меня. Отец не хотел, чтобы его сыновья друг другу мешали, тем более что играли мы на одном, «отцовском», месте центрального нападающего.

Но на Георгии династия Мшвениерадзе в водном поло, к сожалению, оборвалась, хотя у нас на двоих три сына (у меня Петр и Павел, у Георгия — Каха и дочь Вероника) и все трое успели почувствовать вкус этой игры. Отец, конечно, поначалу обижался, что мы с братом не стали далее способствовать их увлечению, но потом согласился с тем, что его любимый вид спорта переживает в России период спада (по крайней мере, на тот момент) и занятие им малоперспективно со всех точек

зрения, в том числе и материальных...

Это был тот самый редкий случай, когда в наших взаимоотношениях с отцом мы с братом поступили не так, как бы ему хотелось. Несмотря на всю его доброту, которую отмечали абсолютно все, мы его побаивались. Однажды он выдал мне весьма чувствительную затрещину, которую я запомнил на всю жизнь, поскольку она была первой и единственной в моей жизни. Случилось это в одной из поездок на первенство Союза среди юниоров, в которой отец был вместе со мной. После какой-то игры я засиделся с ребятами в гостиничном номере до двенадцати часов ночи, не пили, говорю как на духу, просто заболтались, а когда пришел к отцу, получил ту самую затрещину за нарушение спортивного режима. Для него профессиональное отношение к делу было святой заповедью. Он постоянно мне говорил: «Есть надо за пять часов до игры, потом ни в коем случае ничего. Жидкости как можно меньше...» Это были аксиомы, которых он всю жизнь в водном поло придерживался сам, а потом старался привить и нам.

Что же касается алкоголя, не верьте тем, кто говорит, что грузин Мшвениерадзе на дух не переносил спиртное. Он не пил, только когда играл, а после окончания спортивной карьеры мог себе позволить расслабиться: очень любил, между прочим, застолья, но никогда не напивался. Следил за собственным здоровьем. Я не помню, чтобы он когда-нибудь болел. Даже в 70 лет имел давление, как у младенца. Поэтому его столь серьезная болезнь стала для всех, и в первую очередь для него самого, полнейшей неожиданностью.

Началось все с пустяка. В декабре прошлого года, незадолго до новогодних праздников, он вдруг почувствовал себя неважно. Измерили температуру — 37,5. Мы даже не придали этому большого значения: подумаешь, простуда: одеться потеплее, выпить чайку с малиной и забыть. Но прошло десять дней, а температура не спадает, стабильно держится на том же уровне. Решили, что, может быть, воспаление легких, проверили — все нормально. А потом, когда сдали анализ крови, выяснилось, что это лейкоз, причем острый. Если у здорового человека семь тысяч лейкоцитов в крови, то у отца на тот момент их было девяносто тысяч. На следующий день, 30 декабря, эта цифра выросла до ста тридцати тысяч. Естественно, из больницы, куда мы привезли его для сдачи анализа крови, он уже не уехал. Врачи нам сразу сказали, что шансов выжить при таком диагнозе не более пятнадцати процентов.

На больничной койке отец встретил 2003 год и свой 74-й год рождения. Даже раковых больных порой отпускают по таким

случаям домой, а тут подобное было невозможно, поскольку он постоянно находился под капельницей.

О чем он часто думал, отрешенно глядя в потолок, теперь только Богу известно, но я уверен, что отец догадывался о том, что смертельно болен, хотя таких слов, как лейкоз или белокровие, мы ему не говорили, а он не задавал лишних вопросов: не хотел, видимо, ставить нас в нелегкое положение.

Нынешние разговоры о том, что в последние дни жизни отец не желал никого видеть, не совсем соответствуют истине. Во-первых, он не собирался умирать и до конца верил в свое исцеление. Во-вторых, мы сами резко ограничили круг людей, посещавших его в больнице. Врачи предупредили нас о том, что из-за постоянных сеансов химиотерапии у него в крови до предела снизилось число лейкоцитов, борющихся с болезнями, выработался стойкий иммунодефицит, организм не справлялся даже с элементарным насморком, поэтому со ссылкой на рекомендации врачей и было принято такое решение, чтобы никого не обидеть.

Впрочем, когда ситуация стала совсем безнадежной и лечащие врачи развели руками, мы приводили к отцу под видом близких людей много альтернативных лекарей, которые втихаря делали внутривенные уколы. Но, увы, чудо не свершилось.

Был момент, когда мы решили отвезти отца в Германию, в одну из лучших и знаменитых клиник в мире, где в свое время пытались вылечить Раису Горбачеву, но наши врачи нас отговорили, убедив в том, что методика лечения и препараты в Москве те же, а отдельная палата, в которой лежал отец, мало чем отличается от немецкой...

Умер он в полусознательном состоянии, поскольку незадолго до кончины у него началось воспаление легких, появились хрипы, стало тяжело дышать, и мы попросили врачей облегчить эти мучения наркотическими препаратами...

ПОСТСКРИПТУМ

Его похоронили на Троекуровском кладбище. Тбилисские друзья привезли землю с могилы мамы и с того места на берегу Куры, где был бассейн, давший Како (так звали его близкие друзья в Грузии) путевку в жизнь. Эта земля, как сказал один из них, снова с ним. А присутствовавший на поминках автор небезызвестного памятника Петру Первому в Москве Зураб Церетели обещал установить еще один — на могиле «Петра Первого» советского водного поло.

ИЗ ДОСЬЕ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКИЙ СПОРТ»

Мшвениерадзе Петр Яковлевич

Один из лучших и наиболее результативных нападающих в истории советского водного поло. Родился 24 марта 1929 года в Тбилиси. Заслуженный мастер спорта. Чемпион СССР 1952, 1955–1963 годов в составах команд ВВС МВО (1952) и московского «Динамо». С 1950 по 1960 год входил в состав сборной СССР, был ее капитаном (с 1956 года). Участник трех Олимпиад (1952, 1956, 1960). Серебряный призер Игр-60, бронзовый призер Игр-56. Обладатель серебряной медали чемпионата Европы-62, бронзовый призер чемпионата Европы-58. Двукратный победитель розыгрыша Кубка СССР. Награжден двумя орденами «Знак Почета». После завершения спортивной карьеры до 1992 года преподавал уголовное право в Академии (впоследствии Высшей школе) МВД. Кандидат юридических наук. Доцент.

Умер 3 июня 2003 года в Москве. Похоронен на Троекуровском кладбище.

notes

Примечания

Каприччио, Капри́ччо (*итал.* — каприз) — виртуозное музыкальное произведение, изобилующее сменой настроений, неожиданными эффектами, импровизацией. (Толковый словарь русского языка)

Из журнала Fina «Interhational swimming and water polo»,
1982/3, № 7, p. 52–55. Перевод автора.